

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**100-ЛЕТИЕ СМЕНЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ:
ОТ МОНАРХИИ
К СОВЕТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ**

Сборник научных трудов

Минск
Академия МВД
2019

УДК 947 + 947.6
ББК 63.3(2)61 + 63.3 (4Бел)61
С81

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ, ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ

УДК 94 (47 + 57) «1917»

В.И. Павлов

СМЫСЛ И ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ (ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ НОВГОРОДЦЕВ, НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ)

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент (председатель) *В.И. Павлов*;
кандидат исторических наук, доцент
(заместитель председателя) *А.И. Мурашко*;
доктор исторических наук, профессор *А.Ф. Вишневецкий*;
кандидат исторических наук, доцент *С.Ф. Лапанович*;
кандидат юридических наук (ответственный секретарь) *А.В. Григорьев*

С81 **100-летие смены исторической парадигмы: от монархии к советскому государству** : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.И. Павлов (пред.) [и др.] . – Минск : Академия МВД, 2019. – 186, [2] с.
ISBN 978-985-576-169-4.

Сборник включает статьи, подготовленные участниками республиканской научно-практической конференции «100-летие смены исторической парадигмы: от монархии к советскому государству», организованной кафедрой теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (Минск, 14 ноября 2017 года).

Предназначен для специалистов в области истории государства и права, фундаментальных и отраслевых юридических дисциплин, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (курсантов) учреждений высшего образования юридического профиля, а также всех интересующихся проблемами теории и истории государства и права.

УДК 947 + 947.6
ББК 63.3(2)61 + 63.3 (4Бел)61

ISBN 978-985-576-169-4

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019

Февральская революция 1917 г. и последовавший за ней большевистский переворот, безусловно, являются судьбоносными событиями в истории России и всего восточнославянского мира. В 2017 г. в год столетия этих событий научный мир и общественность вновь обратились к осмыслению феномена революции, выяснению ее причин, оценке тех последствий, которые повлияли на весь ход XX в. Представляется, что важнейшее значение в понимании событий 1917 г., а также в понимании всех социальных процессов предшествовавшего революции периода может послужить анализ восприятия того времени современниками – мыслителями, правоведами, судьбы которых оказались навечно связанными с русской революцией. В качестве портретов для анализа нами выбраны две ключевые фигуры русской мысли – Павла Ивановича Новгородцева и Николая Александровича Бердяева. Оба мыслителя пережили русскую революцию и Гражданскую войну, оказались в эмиграции, одновременно верили и горячо любили Россию.

Общая характеристика состояния российской политико-правовой мысли в предреволюционный период. В начале XX в. в России, особенно после Первой русской революции 1905 г., большинство правоведов относили себя к либеральному лагерю. Были, конечно, и представители охранительного типа (К.П. Победоносцев, Ю.А. Тихомиров, В.Д. Катков, К.Н. Леонтьев и др.), однако их идеи «тонули» в общей массе либеральных идей, несмотря на формальную поддержку охранительных взглядов властью. Во многом это определялось западноевропейским влиянием на русскую интеллигенцию, в том числе в части образования и формирования научной мысли. Практически все ученые-правоведы в процессе своего профессионального становления в обязательном порядке проходили стажировку в западноевропейских университетах. Такие величины русского правоведения, как П.И. Новгородцев,

Ф.Ф. Кокошкин, Л.И. Петражицкий, некоторые другие известные юристы вошли в состав I Государственной Думы в числе членов партии кадетов, известной своей либеральной ориентацией, а основатель русской социологической концепции права, проректор и профессор права Московского университета С.А. Муромцев был ее председателем.

Идейно правоведы придерживались либеральных взглядов с опорой на новоевропейскую правовую программу, связанную прежде всего с концепцией правового государства. Конечно, они верно видели и предчувствовали неизбежность трансформации монархической государственности в России в условиях изменения конфигурации политико-правовой модели Западной Европы, однако в качестве платформы для трансформации видели именно классический юридический дискурс. Несомненно, русские либерально ориентированные правоведы были оптимистами идеи права, гражданского общества, народовластия. Однако вопрос преобразования русской тысячелетней цивилизации, скрепленной самодержавной властью и православной верой, в правовое общество граждан не радикальным путем через ломку, а эволюционно был очень сложным и требовал учета множества различных факторов, выходящих за рамки новоевропейской политико-правовой программы. В то же время в начале XX в. еще не произошел кризис классической рациональности, еще не было по достоинству оценены значение и место цивилизационно-культурной традиции в жизни конкретного государства и в развитии правовой системы, а также не осуществлен критический анализ новоевропейских правовых программ. В начале XX в., как и в его конце при распаде СССР, не существовало программных альтернатив либеральной политико-правовой доктрине. Конечно, в русской мысли были источники для формирования некоторых оригинальных политико-правовых построений и существовали критические юридические исследования идеи правового государства. Например, можно упомянуть известную работу П.И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» [1], отчасти к этому же крылу можно отнести и концепцию охранительного (умеренного) либерализма профессора государственного права Московского университета Б.Н. Чичерина [2, с. 187–207; 3], и работы правоведов, развивающие в юриспруденции социологические и теургические идеи В.С. Соловьева (например, синтетическая теория права А.С. Яценко [4]). И тем не менее все эти идеи не были адаптированы к реальной российской действительности и в основном формулировались отвлеченно в синтезе с новоевропейскими политико-правовыми концепциями. В то же время большевики смогли трансформировать марксизм к российским реалиям

и в нужный момент реализовали его как реальную политическую программу и практику (стоит при этом отметить, что отец русского марксизма Г.В. Плеханов в революционный год назвал «Апрельские тезисы» В.И. Ульянова «бредом» [5]).

Самобытность российской культурно-исторической традиции, указывающей на глубинную связь социальной жизни элементами православной веры и духовности, была ярко проявлена не в русской юриспруденции, а в русской литературе, что характеризует особенность российской цивилизации, в том числе влияющей на ее политико-правовую жизнь. Наука права доктринально целиком стояла на почве западноевропейской юридической мысли.

Февральскую революцию практически все либерально ориентированные правоведы восприняли позитивно, в то время как большевистский переворот ими был встречен как трагедия и катастрофа. Активно участвуя и сочувствуя работе Временного правительства по проведению политических реформ, после Октября практически все правоведы либеральных позиций были арестованы либо вынуждены думать о своей дальнейшей судьбе, будучи вытесненными на периферию нового порядка. Показателен пример одного из основателей науки конституционного права в России профессора Московского университета, депутата I Государственной Думы от партии кадетов, а после февральских событий – председателя Юридического совещания Временного правительства Ф.Ф. Кокошкина, который сразу после октябрьского переворота был арестован и убит большевиками без суда и следствия.

После окончательной победы большевиков в России встал вопрос о формировании нового социалистического права и социалистической науки о праве и государстве. Следует отметить, что, за редким исключением, ни один из известных русских дореволюционных правоведов либеральных позиций не вошел в советскую юридическую науку, хотя первые юристы советской власти были их учениками и выпускниками русских юридических факультетов. Например, П.И. Стучка был выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1888 г.), А.Я. Вышинский был выпускником юридического факультета Киевского университета (1913 г.), В.В. Адоратский окончил юридический факультет Казанского университета (1903 г.), Е.Б. Пашуканис также учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (был отчислен в связи с надзором полиции). Правда, практически все будущие советские юристы еще до революции были носителями радикальных взглядов, многие являлись членами партии РСДРП и находились в эмиграции, вернувшись в Россию в предреволюционный период. Однако и их знаменитые учителя, либеральная профессура старой школы, часто

также были в оппозиции самодержавной России и чаяли либеральных реформ. Тем не менее отдельные представители старой юридической школы в 20-е – первой половине 30-х гг., а некоторые – и в послевоенный период все же вошли в советскую юриспруденцию (в основном, правда, это цивилисты А.Э. Вормс, А.В. Венедиктов, известный криминолог и профессор по кафедре уголовного права МГУ М.Н. Гернет, который в 1947 г. даже удостоился Сталинской премии за пятитомную «Историю царской тюрьмы» и др.). В советской юридической науке философия и теория права как полноценные науки и учебные дисциплины исчезли надолго и были заменены их марксистскими фантомами. Однако жизнь, запросы бытового благополучия нередко вынуждали людей того времени жертвовать взглядами и свободой мысли ради того, чтобы выжить. Например, бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов, подавший прошение об отставке в знак протеста против политики Министерства народного просвещения Л.А. Кассо в части надзора за университетами в 1911 г. («дело Л.А. Кассо»¹) и после Февральской революции ставший Министром народного просвещения Временного правительства, при советской власти написал письмо В.И. Ульянову и перешел на позиции советской власти (кстати, именно А.А. Мануйлову принадлежит реформа русского правописания при большевиках в 1918 г.).

Осенью 1922 г. по инициативе В.И. Ульянова и Л.Д. Троцкого представители русской интеллигенции были принудительно высланы из страны навсегда под угрозой расстрела в случае возвращения (формально основанием административной высылки стал Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке», который, впрочем, определял срок высылки только три года). В 1990 г. известный российский философ и богослов С.С. Хоружий впервые назвал эту акцию «философский пароход» [6]. За границу были высланы такие крупные общественные мыслители и правоведы, как Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, С.Л. Франк, С.Е. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, А.А. Боголепов, А.А. Кизеветтер и др. Однако еще и до 1922 г. было понятно, что свободная мысль в советском государстве практически невозможна. Многие правоведы покидали Россию. Основными центрами русской эмиграции стали Югославия, Франция, Германия. Большинство правоведов осели в Чехословакии в Праге, где

¹ В январе 1911 г. в Московском университете прошли массовые студенческие сходки, носившие антиправительственный характер и приведшие к вводу полиции в учебные здания, противоречившей студенческой автономии. В знак протеста против таких действий властей ректор университета А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков подали в отставку. Министр народного просвещения Л.А. Кассо не только принял отставку, но и уволил их из университета, что привело к демонстративному уходу еще около 130 профессоров и преподавателей.

усилиями П.И. Новгородцева был создан Русский юридический институт (факультет) Пражского университета [7].

В эмиграции русские мыслители сразу приступили к осмыслению революционных событий, начали писать статьи и эссе, в которых выражали свое отношение к революции, «старой» России, советской власти. Появляется возможность сравнить, сопоставить их ранние политико-правовые воззрения и постреволюционные политико-правовые идеи.

Павел Иванович Новгородцев: «Восстановление святынь». Известный философ и теоретик права П.И. Новгородцев во время подготовки к профессорскому званию в Московском университете прошел стажировку в Берлине и Париже. С 1905 г. являлся членом партии кадетов, входил в ее центральный комитет. После роспуска I Государственной Думы подписал «Выборгское воззвание», за что был осужден и отошел от активной политической жизни. В 1911 г. вместе с большой группой профессуры Московского университета уволился в знак протеста по уже упоминаемому «делу Л.А. Кассо». Кстати сказать, из университета тогда наряду с П.И. Новгородцевым подали прошение об отставке такие известные правоведы, как Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой, В.М. Хвостов, А.С. Алексеев, Н.В. Давыдов, Ф.Ф. Кокошкин, А.Э. Вормс, Б.А. Кистяковский, А.А. Боровой, М.Н. Гернет, С.Н. Булгаков и др. Эти факты говорят не только о политике властей относительно контроля за политикой народного просвещения в стране, но и о той свободе, которая существовала в университетской корпорации в России. Как позднее по этому поводу отмечал Н.А. Бердяев, «пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование» [8, с. 265].

В 1918 г. П.И. Новгородцев выезжает за границу для лечения, и в 1920 г. возвращается уже в стан белых в Крым, занятый войсками главнокомандующего Русской армией в Крыму П.Н. Врангеля. После эвакуации стал жить в Праге, где, как уже отмечали, основал Русский юридический институт (факультет) и был его деканом вплоть до своей смерти в 1924 г.

Ключевой работой П.И. Новгородцева, в которой дается оценка революции, является очерк «Восстановление святынь» [9], написанный мыслителем незадолго до смерти (1923 г.) и опубликованный уже посмертно в русском эмигрантском журнале «Путь», который являлся печатным изданием Религиозно-философской академии, открывшейся по инициативе А.Н. Бердяева в 1922 г. в Берлине (в 1924 г. академия переместилась в Париж, последний номер журнала вышел в 1940 г.). П.И. Новгородцев писал эту работу в последние годы своей жизни, переосмысливая пережитое в революционный период.

Первым положением, которое в своем эссе формулирует русский мыслитель, является идея о необходимости пересмотра старых верований в демократическую идею. Посвящая статью своему другу В.Д. Набокову, русскому юристу, бывшему управляющему делами Временного правительства, погибшему от рук монархистов-эмигрантов в Берлине во время покушения на П.Н. Милюкова, П.И. Новгородцев пишет: «если бы демократическая идея всегда и везде обладала настоящей созидательной силой, она привела бы Россию к величию и свободе, а не к разрушению и порабощению» [9, с. 55].

Оценивая политику Временного правительства, П.И. Новгородцев был солидарен с мнением В.Д. Набокова о том, что правительство, желая быть непохожим на старую власть, в итоге лишилось самой этой власти и «вовсе перестало быть властью... это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия» [9, с. 57]. В итоге оказалось, что «кн. Львов также повинен в Керенском, как Керенский в Ленине» [9, с. 58]. Как полагал мыслитель, непротивление злу у Львова перешло в потворство злу Керенского и закончилось в системе открытого служения злу у Ленина. Ленин – это наихудшая демагогия, демагогический деспотизм большевистской власти.

Отдельное место в своих рассуждениях П.И. Новгородцев посвятил трагической ошибке идеи народничества. Вера в русский народ, вера в его исконные и, как сегодня можно было бы сказать, архетипические начала созидательности и разумности, потерпела полное крушение. Подлинное народовластие, под которым П.И. Новгородцев понимает «организованное самоуправление народа, сочетающееся с твердостью правового порядка и свободой жизни» [9, с. 59], превратилось в «олигархическое господство партийных вождей, властвующих и над своей партией, и над своим народом при помощи демагогии и тирании» [9, с. 59]. Нельзя не заметить, что П.И. Новгородцев постоянно делает акцент на демагогии большевиков при осуществлении ими власти. Однако в том то и дело, что большевики были не только демагогами, но и практиками, они были полны политической решимости и действовали вслед за лозунгами и речами. Вероятно, у П.И. Новгородцева все же еще сохранялось сугубо интеллигентское, традиционное для либеральной России того времени понимание политико-правовых преобразований, отражающее в том числе и определенный разрыв между интеллигенцией и чаяниями народа, на что неоднократно указывал Н.А. Бердяев.

В отличие от большевиков, либеральные силы, «февралисты», вся русская интеллигенция «...обнаружили свою политическую незрелость и свою неспособность к власти и управлению» [9, с. 60]. Не ускользнула от правоведа и главная антропологическая ошибка народников, которая состояла в том, что они верили в благодать русского народа как

его актуальное природное состояние: «...им [народникам] недоставало сознания, что в народной душе, как и во всякой душе, есть своя лучшая и своя худшая часть, и что поэтому от народа может исходить и высокий подъем героизма и мудрости, и “бунт бессмысленный и беспощадный”». Силу этой худшей части народной души и просмотрели русские народники...» [9, с. 61]. Опираясь на мысль Ф.М. Достоевского, П.И. Новгородцев указывает на отличие данности от заданности в природном состоянии народа. Идеал Христа – это лишь задание для русского народа, поэтому, несмотря на крушение России, мыслитель, веря в его пробуждение, со ссылкой на слова отца Сергия (Булгакова) говорит: «растерзано русское царство, но не разодран его нетканый хитон» [9, с. 61].

Ответственность за революцию и русскую смуту П.И. Новгородцев возлагает не на народ, а на элиты, проводя аналогию со Смутным временем начала XVII в., поскольку в обеих исторических ситуациях «почин в разрушении общественного порядка принадлежал верхам общества» [9, с. 62]. Ссылаясь на мысль В.О. Ключевского о восстановлении русского государства во времена смуты в 1611 г. посредством пробуждения национально-религиозных сил, П.И. Новгородцев также видит в этом предуказание на будущее – именно религиозные и национальные силы должны стать основанием восстановления России. Правовед отмечает, что в либеральных кругах до революции национальный признак как таковой отрицался: «ни одна из прогрессивных партий не решалась называть себя русской национальной партией, когда такое наименование считалось предосудительным и постыдным... <...> ...казалось единственно правильным и прогрессивным, чтобы в политических партиях люди соединялись отвлеченными узами либерализма и гуманизма, началами равенства и свободы, принципами демократии и правового государства. И не приходило в голову, что, помимо таких отвлеченных принципов, все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно преданностью русской культуре и русскому народу» [9, с. 66].

После 1917 г. в политико-правовых воззрениях П.И. Новгородцева наблюдается поворот от новоевропейских правовых воззрений к культурно-историческим и прежде всего религиозным основаниям социальной жизни. Именно укоренение в традиции, обращение к русскому православному сознанию, а не к идее правового сознания и правового государства становится для мыслителя спасительной скрепой для будущей России. Для возрождения России нужно «восстановление святынь», т. е. перерождение народной души, которая «связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом,

как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу» [9, с. 67]. При этом идея права (в его западном, либеральном понимании) и отвлеченный универсальный гуманизм уже не представляются П.И. Новгородцеву как рецепты исцеления государства. Главное – это религиозно-нравственное возрождение душ человеческих, и, следует отметить, насколько эти идеи, сформулированные П.И. Новгородцевым в конце жизни, близки идее вселенской теургии В.С. Соловьева и русского православного богословия XX в.

В завершение эссе П.И. Новгородцев возвращается к центральной теме своего творчества, которой он занимался всю жизнь – к теме кризиса правосознания и общественном идеале. Мыслитель также уповает не на демократическую идею, а на возвращение к вере. Кризис правосознания – это не столько кризис некоторых внутренних несовершенств концепции правового государства и демократии, а «кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого, отказавшегося от родства с законом Божеским. Вот почему оскудела и демократическая идея» [9, с. 69]. Сама по себе демократия не есть правовая ценность: таковой она становится лишь в случае ее скрепления духовными основами жизни и народа, и власти. В демократическом притязании таится опасность опустошения человеческой души. Автономная мораль либерализма приводит «к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь» [9, с. 70]. «Мы, – говорит П.И. Новгородцев, – ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – асиократию, власть святынь» [9, с. 70]. Формула власти должна заключаться в том, чтобы «власть взирала на свою задачу, как на дело Божие, и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения» [9, с. 71].

Еще в одном небольшом эссе, написанном в эмиграции и посвященном православному сознанию [10], мыслитель открывает читателю путь собственной эволюции взглядов после революционных потрясений: «для нас, – говорит он, – переживших неслыханные, катастрофические события, многое теперь приоткрывается и уясняется из того, что ранее было неясно, к чему относились мы невнимательно. Открываются для нас с небывалой ясностью и драгоценные сокровища нашей веры» [10, с. 22–23]. У П.И. Новгородцева возникает фактически традиционная славянофильская дихотомия христианского Запада и христианского Востока, права и веры. Он говорит: «западный человек – это человек, гордый своей культурой, своим образованием, своей наукой, своей дисциплиной, своей политикой. Он думает, что он все преодолел, все может; он думает, что его конституции и парламенты, что его демократии

и республики – верх человеческой мудрости, что тот путь, которым он идет, есть единственный путь к человеческому величию. С высокомерием смотрит он на отсталость своих восточных соседей и ожидает, что они усвоят его мудрость и пойдут его путями. Между тем именно мы, эти восточные соседи, имеем все основания звать европейское сознание к тому, чтобы оно сломало свою гордость и поняло смысл и значение подвига смирения. Ибо это значит звать на почву христианского и вообще религиозного сознания. Это мудрость, провозвещенная еще древне-еврейскими пророками, которые ничему так настойчиво не учили, как тому, что от гордости погибают и люди, и города, и царства» [10, с. 17].

Таким образом, личное переживание революционных событий повлекло изменение политико-правовых взглядов П.И. Новгородцева. Главное, что в постреволюционный период правовед более не призывает к восстановлению правового сознания, правового государства. Напротив, П.И. Новгородцев призывает к восстановлению народных святынь – к упованию на веру народа и каждого, и этот мотив очень сильно выражен в новом отношении мыслителя к либеральным политико-правовым идеям. Последние на почве восточно-христианской цивилизации могут быть реализованы лишь тогда, когда будет найден особый путь синтеза права и веры, когда правовое сознание станет сознанием православным. Отчасти эти идеи были продолжены в работах русского богословия в эмиграции.

Николай Александрович Бердяев: «Размышления о русской революции» (1924 г.). Отношение к Февральской революции и большевистскому перевороту у крупного философа и религиозного мыслителя Н.А. Бердяева было иным, нежели у П.И. Новгородцева. Впервые концентрировано он его выразил в небольшом эссе «Размышления о русской революции» [8] в 1924 г. в эмиграции.

Н.А. Бердяев начинал свой творческий путь на естественном, затем перевелся на юридический факультет Киевского университета, однако был отчислен за участие в беспорядках. В отличие от П.И. Новгородцева, он не входил в партию кадетов и считал ее буржуазной, изначально придерживался социалистических взглядов и был почитателем К. Маркса (впрочем, и П.И. Новгородцев отмечал заслуги К. Маркса в критике капитализма и особенно проблемы отчуждения человека при этом строе [11, с. 384–385]). Как отмечал Н.А. Бердяев, «я чувствовал страшную отчужденность от либерально-радикальной среды, большую отчужденность, чем от среды революционно-социалистической... <...> ... Я себя чувствовал относительно лучше среди социал-демократов, но они не могли мне простить моей «реакционной», по их мнению, устремленности к духу и к трансцендентному» [12, с. 133–134]. Неоднократно аре-

ставывался как до революции, так и при советской власти. Мыслитель так говорит сам о себе: «...я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию её победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я ещё не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей Родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании» [12, с. 9].

В 1922 г. Н.А. Бердяев был выслан за границу на «философском пароходе», жил в Берлине, а затем в Париже, в его пригороде Кламаре вплоть до своей смерти в 1948 г., пережив Вторую мировую войну. Следует отметить, что в 1946 г. Н.А. Бердяев получил советское гражданство, при этом известна его положительная оценка деятельности советского государства, в том числе положений «Сталинской конституции» 1936 г., за что он заслужил весьма холодное отношение к нему русских правых эмигрантских кругов. В эмиграции был руководителем уже упоминавшейся нами Религиозно-философской академии в Берлине и Париже, а также директором известного издательства русской книги «УМСА-Press», в котором печатались труды русских эмигрантов.

На протяжении всего творческого пути главной идее Н.А. Бердяева была проблема нравственного идеализма, русской религиозной философии, в центре которой стояли проблемы свободы и творчества человека, а также самый широкий спектр проблем, в том числе в области права и государства. Взгляды Н.А. Бердяева с определенными оговорками можно охарактеризовать как христианский экзистенциализм и персонализм. Свобода и творчество человеческого существования – центральные темы его исследований. Во время жизни в России его идеи были органично отражены в эпохальных религиозно-философских сборниках «Проблемы идеализма» (1902 г.), «Вехи» (1909 г.) и «Из глубины» (1918 г.), последовательно отразивших две русские революции и крушение Российской империи.

Н.А. Бердяев хотя и учился на юридическом факультете, но, в отличие от П.И. Новгородцева, не был теоретиком-правоведом, хотя у него имеются некоторые работы политико-правового характера. По этой причине в своих политико-правовых оценках революции Н.А. Бердяев не был привязан и зависим от темы правового государства и других новоевропейских политико-правовых идей, как это было у П.И. Нов-

городцева. С самого начала своей творческой эволюции Н.А. Бердяев погрузился в религиозно-философскую тематику, особенно в проблему свободы человека, которой он оставался верен всю жизнь. Именно под этим «углом зрения» мыслитель оценивает революцию в России.

По мнению Н.А. Бердяева, революция в России есть несчастье и безбожное, разрушительное отношение ко всем историческим святыням. Однако одновременно она является и историческим фактом, необходимым моментом духовного становления России. Оценивая роль «февраллистов», Н.А. Бердяев отмечает, что их взгляды были утопичными с самого начала, реалистами оказались большевики, «которые усвоили себе традиционные методы управления и использовали некоторые исконные инстинкты народа» [8, с. 258]. «Большевизм, – полагал мыслитель, – был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи, и потому он победил» [8, с. 259]. Большевизм основывался на факте извращенной и больной народной стихии, связанной с усталостью солдат от войны, вожделением крестьянами помещичьих земель, озлобления рабочих. Большевистские лидеры уловили этот момент, в отличие от либеральных политиков, которые не понимали иррационального характера народной стихии и пытались признать за ней некоторые права.

В отличие от П.И. Новгородцева, который в эмиграции хотя заметно и пересмотрел свое отношение к идее правового государства, но все же не отказался от нее, Н.А. Бердяев указывает на факт абсолютной неготовности русского народа к либеральным преобразованиям. «Не утопичны ли, не бессмысленны ли были мечты, – утверждал философ, – что Россию вдруг можно превратить в правовое демократическое государство, что русский народ можно гуманными речами заставить признать права и свободы человека и гражданина, что можно либеральными мерами искоренить инстинкты насилия управителей и управляемых? Это была бы неправдоподобная революция, отрицание всех исторических инстинктов и традиций русского народа» [8, с. 258]. Относительно возможных положительных перспектив проведения либеральных политико-правовых реформ в России, на чем в свое время настаивали кадеты, Н.А. Бердяев утверждал, что «ни о каком правовом, конституционном государстве русский народ и слышать не хотел» [8, с. 259].

Отрицательно отношение Н.А. Бердяева и к реакции белых в Гражданской войне. Мыслитель здесь основывается на идеях известного французского консерватора Ж. де Местра. В Гражданской войне идет противостояние сил дореволюционных и революционных, при этом «... настоящую же контрреволюцию, полагающую конец революции, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы, развившиеся внутри самой революции. Контрреволюцию, начи-

нающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни» [8, с. 260].

Экзистенциальный момент восприятия революции также очень важен в творчестве мыслителя. Здесь на первое место выступает христианский персонализм Н.А. Бердяева, в контексте которого революция воспринимается им не только как внешний факт, но и как личная судьба, как судьба каждого, кто пострадал от нее. «Большевизм в России, – говорит Н.А. Бердяев, – явился и победил, потому что я таков, каков есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы, не было силы веры, двигающей горами. Большевизм есть мой грех, моя вина... все ответственны за всех» [8, с. 263]. При этом Н.А. Бердяев категорично отказывается от оправдания «правых»: «грехи их велики и им надлежит пройти через суровое покаяние» [8, с. 263]. Он полагает ошибочным восприятие «правыми» большевиков всего лишь как шайки разбойников. Напротив, Н.А. Бердяев усматривает в большевизме духовное состояние русского народа, его духовный распад, отступничество от веры, религиозный кризис, глубокую деморализацию. Именно поэтому советская власть «оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны... эта власть оказалась народной в очень нелестном для нее смысле» [8, с. 264]. Таким образом, «Бог как бы передал власть большевикам в наказание за грехи народа» [8, с. 266].

Революция, по мнению Н.А. Бердяева, свершилась по Ф.М. Достоевскому, поскольку великий литературный гений понимал глубокие христианские основания русского общества и государства. В отличие от Запада, социализм в России всегда является вопросом не столько политическим, сколько религиозным, вопросом атеистическим, и именно поэтому «русская революционная интеллигенция совсем не политической занята, а спасением человечества без Бога» [8, с. 272]. Существует множество причин революции – это и война, и низкий уровень правосознания народа, земельная неустроенность крестьян, зараженность интеллигенции ложными идеями. Однако главная причина революции лежит в ее духовном первофеномене. «...Я утверждаю, – говорит Н.А. Бердяев, – что в основе русской революции... лежит религиозный факт, связанный с религиозной природой русского народа. Русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он *не хочет правового государства в европейском смысле этого слова*. Это – аполитический народ по строению своего духа, он устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего. Он хочет или Царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в антихристе, царства

князя мира сего. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада, отрешенность, он не чувствовал исключительной прикованности и привязанности к земным вещам, к собственности, к семье, к государству, к своим правам, к своей мебели, к внешнему бытовому укладу... Русский народ добродетелями своими отрешен от земли и обращен к небу. В этом духовно воспитало его православие» [*курсив.* – В.П.] [8, с. 273].

Именно поэтому большевизм и очаровал русский народ не правом, а правдой в ее извращенном понимании, атеизмом как крипторелигией. «В большевиках есть что-то запредельное, потустороннее... – говорит Н.А. Бердяев, – за каждым большевиком стоит коллективная намагниченная среда, и она повергает русский народ в магнетический сон, заключает русский народ в магический круг. Нужно расколдовать Россию. Вот главная задача» [8, с. 275].

Революция повлекла разрушение социальных классов и бесповоротное уничтожение аристократического сословия. В революции, однако, был выплавлен новый антропологический тип – это большевик-комиссар, «... молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. Его можно повсюду узнать, он повсюду господствует. Это он стремительно мчится на автомобиле, сокрушая все и вся на пути своем, он заседает на ответственных советских местах, он расстреливает, он наживается на революции. Этот молодой человек, внешне мало похожий и даже во всем противоположный старому типу революционера... Он заявляет себя хозяином жизни, строителем будущей России» [8, с. 278].

Преодоление революции и большевизма Н.А. Бердяев видел в религиозных основаниях народа. И здесь выявляются христианские мотивы – он подвергает критике дореволюционное православие и действительное религиозное состояние народа и элит. «В жизни религиозной у нас накопилось много лжи и лицемерия. Внешнебытовое и корыстно-утилитарное отношение к православной Церкви преобладало у слишком многих. Авторитет косного православного быта должен быть разбит. У верхнего нашего слоя, у дворянства и бюрократии религиозность не была глубокой, и христианство не принималось достаточно всерьез. Религиозность саддукеев всегда носит характер государственный, и в ней перспективы жизни временной всегда побеждают перспективы жизни вечной» [8, с. 282].

Большевизм, будучи по своей природе явлением антихристианским, устранил старую религиозность, однако тем самым дал возможность

проявиться подлинным духовным силам в церкви и обществе. По аналогии с опытом гонений в Римской империи первых трех столетий нашей эры, Н.А. Бердяев говорит, что «гонения никогда не были страшны для христианства. Гонение для Церкви лучше, чем насильническое покровительство. В гонениях христианство крепло и возрастало... <...> Церковь потеряет в количестве, но выиграет в качестве. Христианство вновь требует от верных сынов своих жертвоспособности. И эта жертвоспособность в стихии революции была проявлена... Русская православная Церковь внешне унижена и растерзана, но внутренне возросла и возвеличена». И действительно, эти слова мыслителя очень правдивы, ведь сегодня православная Церковь имеет сонм новомучеников и исповедников в России, Украине, Беларуси [13–16].

В завершение своего эссе о причинах революции Н.А. Бердяев дает следующий рецепт восстановления России: «Будущее России зависит от религиозных верований русского народа. Это должны осознать все политики и покориться этой истине. Лучший из русских старцев накануне моей высылки из России рассказал мне, как к нему ходили каяться коммунисты и красноармейцы, и говорил, что надеется не на Деникина и Врангеля, а на действие духа Божьего в самом грешном русском народе. Это не только религиозно, но и национально более авторитетный голос, чем голоса тех русских эмигрантов, которые почитают себя националистами и патриотами, но в русский народ не верят» [8, с. 283].

Трансформация политико-правовых идей мыслителей дореволюционной формации, которым пришлось пережить годы революционных гонений и осмыслить происшедшее в эмиграции, дает большой жизненный опыт понимания проблем государственно-правового строительства не в свете отвлеченных теорий, а в контексте реальной практики жизни. Многие проблемы, которые были подняты русскими правоведами в эмиграции, актуальны и сегодня, особенно в части осознания концепции правового государства и новоевропейских политико-правовых идей. Ведь в настоящее время по большей части еще сохраняется слепая вера в новоевропейские правовые положения, несмотря на их, казалось бы, порой явный антигуманистический пафос. Кризис человека, в том числе человека юридического, во многом и связан с еще имеющейся недооценкой культурно-исторических и аксиологических, антропологических оснований социальной жизни и правовой действительности. Их учет и разработка концепций даст возможность не только преодолеть негативные явления кризисе человека и права, но и исключить возможность социальных потрясений наподобие того, которое случилось в 1917 г.

Список использованных источников

1. Новгородцев, П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / [Соч.] П. Новгородцева. – М. : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1909. – 395 с.
2. Чичерин, Б.Н. Несколько современных вопросов / [Соч.] Б.Н. Чичерина. – М. : Изд-во К. Солдатенкова, 1862. – 265 с.
3. Чичерин, Б.Н. Различные виды либерализма ; Политический кризис в Пруссии / Б.Н. Чичерин. – М., 1862. – 28 с.
4. Ященко, А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Ященко. – СПб., 1999. – 256 с.
5. Плеханов, Г.В. Тезисы Ленина и о том, почему бред бывает подчас весьма интересен / Г.В. Плеханов // Ростов н/Д : Труд и знание, 1917. – 16 с.
6. Хоружий, С.С. Философский пароход: Как это было // Лит. газета. – 1990. – 9 мая.
7. Щербаков, А.Д. Русский Юридический Факультет в Праге: сборник документов (к 95-летию со дня основания) / А.Д. Щербаков. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 168 с.
8. Бердяев, Н.А. Размышления о русской революции / Н.А. Бердяев // Он же. Смысл истории. Новое средневековье / Сост. и коммент. В.В. Сапова. – М. : Канон+, 2002. – С. 256–285.
9. Новгородцев, П.И. Восстановление святынь / П.И. Новгородцев // Путь. Орган русской религиозной мысли. – 1926. – № 4. Париж. – С. 54–71.
10. Новгородцев, П.И. Существо русского православного сознания / П.И. Новгородцев // Православие и культура : сб. рел.-филос. ст. / под ред. проф. В.В. Зеньковского. – Берлин : Рус. кн., 1923. – С. 7–23.
11. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале. – 3-е изд. / П.И. Новгородцев. – Берлин : Слово, 1921. – 386 с.
12. Бердяев, Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Вадимов. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
13. О порядке реабилитации жертв политических репрессий 20-80-х годов в Республике Беларусь : постановление Верхов. Совета БССР, 6 июня 1991 г., № 847-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. Синодик за веру и Церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918–1951 годы) / сост.: священник Феодор Кривонос. – Киевцев : Свято-Троицкая церковь, 1996. – 100 с.
15. Кривонос Феодор, протоиерей. Многи скорби праведным. – Минск : Братство в честь Виленских мучеников, 2011. – 36 с.
16. Маракоў, Л.У. Рэпрэсаваныя праслаўныя свяшчэнна-і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967 : энцыкл. давед. : у 2 т. – Мінск : Беларус. Экзархат, 2007. – Т. 1. – 464 с.; Т. 2. – 656 с.

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР НЕИЗБЕЖНОСТИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

История Советского государства за последние четверть века плотно заполнилась мифами. Трудно перечислить все домыслы и фантазии досуужих авторов-публицистов, «независимых исследователей» и пр. Пожалуй, нет страницы отечественной истории, которая не подверглась бы такому мифотворчеству, «новому прочтению», вскрытию «белых» пятен и раскрытию тайн, как история Октябрьской революции 1917 г. Как правило, мифы породили множество ничего общего не имеющих с истиной легенд, которые абсолютно исказили историческую картину в массовом представлении людей. Таким образом, любые реальные события, будучи вставлены в мифологическое пространство, теряют свое подлинное значение, связь и смысл. Приверженность заданной десятилетиями «исторической концепции», как и ее политическая ангажированность, могут сыграть злую шутку как с опытными исследователями, так и с рядовыми, не искушенными в научных тонкостях, читателями. Цель мифологии проста – сконструировать комплекс исторической неполноценности, внедрить его в сознание народов бывшего СССР и заставить их поверить, что советская и российская история XX в. является настолько кровавой, какой ни у кого и никогда нигде не было. Если же исключить из осмысления исторического процесса мифологию, то можно установить историческую правду. Несомненно, она насчитывает немало жестоких, даже кровавых страниц. Однако трудно найти страну, где их не было. Как считал британский философ и историк Р.Дж. Коллингвуд, первейшей обязанностью историка должна быть готовность любой ценой установить, что же произошло в действительности [1, с. 174]. Следует исходить из положения, что история – это наука, в которой факты можно по-разному интерпретировать в разных школах и направлениях, но нельзя извращать. Только тогда мы вернемся на дорогу к нашему нормальному историческому достоинству, когда не будем кидаться из крайности в крайность, когда не будем прославлять или проклинать, а будем понимать себя, и передадим эту правду детям и внукам. Тогда будет идентичность, тогда будет нация и ее будущее.

Многие поколения советских и российских граждан считали и считают, что самодержавие уничтожили большевики, однако именно русская либеральная буржуазия в феврале 1917 г. свергла царя и разделила страну на десятки враждебных «государств». Большевики в февральских событиях участия практически не принимали. Почему же стал возможным

Февраль? Ответ очевиден. В стране накопился комплекс непримиримых противоречий, Россия как государство впала в глубочайший системный кризис. Наиболее корректную характеристику системного кризиса дал известный российский ученый-математик, академик Н.Н. Моисеев. Он считал, что системный кризис государства – это совокупность политического, экономического и социального кризиса в обществе, выраженного в неспособности политической элиты подняться до уровня государственных деятелей, ставящих интересы державы выше личных и корпоративных [2, с. 174]. Другими словами, аппарат управления начинает работать на самого себя. И в этой ситуации необходима перестройка аппарата управления и устранения факторов, мешающих выполнению его «табельных» обязанностей. Преодоление кризисов требует перестройки всей структуры, частичной или полной замены аппарата управления [3, с. 35].

Наиболее отчетливо кризисные явления российской империи проявились в экономике. Россия на рубеже XIX – начале XX вв. находилась на достаточно низком уровне экономического развития. Не стоит обольщаться цифрами промышленного роста, слишком низки были стартовые позиции. Без всестороннего анализа и осмысления малосодержательны цифры огромных иностранных инвестиций в Россию. Доходы от инвестиций работали на экономику стран-инвесторов, по-колониальному эксплуатировавших дешевые природные и людские ресурсы России. Иностранные банки владели $\frac{3}{4}$ акций в металлургической промышленности (более 50 % акций принадлежали парижскому консорциуму из трех банков). Паровозостроение – 100 % акций принадлежали парижской и немецкой банковским группам. Судостроение – $\frac{9}{10}$ банкам, из них $\frac{2}{3}$ – парижским. Нефтяная промышленность – $\frac{3}{4}$ капитала у групп «Ойл», «Шелл», «Нобель», им же 50 % нефтедобычи и $\frac{3}{4}$ торговли ею. В канун Первой мировой войны иностранцам принадлежала вся нефтяная промышленность России, девять десятых угольной, 50 % химической (и так находившейся в зачаточном состоянии), 40 % металлургической и 28 % текстильной [4, с. 20].

Показателем промышленной мощи государства, уровня экономического развития и национальной безопасности страны в XX в. стала автомобильная промышленность. В это время Россия вышла на первое место в мире по темпам роста промышленности. В 1898 г. она заняла четвертое место в мире по выплавке чугуна, седьмое – по добыче угля и первое – по добыче нефти. Но это плоды эксплуатации природной ренты – полезных ископаемых. С производством наукоемкой и высокотехнологичной продукции, т. е. автомобилей, дело обстояло следующим образом. Двигателей внутреннего сгорания в России в 1900 г. произведено на 83,9 тыс. р., а ввезено на 780 тыс. р. В России были автомобильные заводы. Первым предприятием, начавшим серийный выпуск

автомобилей, был Русско-Балтийский вагонный завод. Одно из первых предприятий – завод Г.А. Лесснера – в 1905 г. произвело 13 машин «Даймлер-Луцкого». Но, по данным Министерства торговли и промышленности, в 1910 г. в России было собрано 24 автомобиля, 1911 г. – 46, 1912 г. – 95. Для сравнения: немецкая фирма «Бенц» изготовила в 1895 г. – 135, в 1899 г. – 572, 1900 г. – 603 автомобиля [5]. Российский и советский экономист Л.Б. Кафенгауз в 1912 г. писал: «Размеры этого (российского – прим. авт.) производства пока еще ничтожны по сравнению с общей потребностью в автомобилях, которая удовлетворяется преимущественно ввозом из-за границы. Так, с 1908 г. по 1913 г. ввоз автомобилей возрос с 879 штук на сумму 3 368 тыс. р. до 5 416 штук на сумму 17 381 тыс. р.» [6, с. 142]. Отставание автопрома, в частности и всей промышленности России в целом, было катастрофичным. Оно не могло не повлиять на ход боевых действий армии. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов отмечал: «Неудачи наши на фронте в 1915 г. ясно показали, что правительство не может справиться всецело со взятой им на себя задачей – вести удачно войну самостоятельно, без помощи общественных сил, ибо оказалось, что патронов и снарядов у нас нет, винтовок не хватает, тяжелой артиллерии почти нет, авиация в младенческом состоянии и во всех областях техники у нас нехватка» [7, с. 217]. И далее генерал приходит к неутешительному выводу: «Приходилось вследствие нашей слабой подготовки во всех отношениях возмещать в боях нашу техническую отсталость в орудиях борьбы излишней кровью, которой мы обильно поливали поля сражения» [7, с. 218]. Таким образом, «достижения» русского капитализма были с лихвой оплачены русской кровью на полях сражений.

Нужно отметить, что Россия при царствовании Николая II не выиграла ни одной крупной войны. Да и царствование Александра II отмечено неудачной Балканской войной, приведшей к 200-тысячным потерям русской армии и в результате образованием враждебных России Болгарии и Румынии. Генерал граф А.А. Игнатьев, описывая русско-японскую войну, отмечал, что «даже в отношении обмундирования русская армия оказалась столь плачевно подготовлена, что через шесть месяцев войны солдаты обратились в толпу оборванцев». Зато бесчисленные иконы, хоругви, полковые значки и знамена сопровождали армию [8, с. 243]. Боевая подготовка эскадр З.П. Рожественского и Н.И. Небогатова была выполнена плохо. Великий князь Александр Михайлович Романов в своих мемуарах о Николае II отозвался так: «Если бы я был на месте Ники, я бы немедленно отрекся от престола. В Цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя. Он должен был бы признаться, что у него не доставало решимости отдать себе отчет во всех неизбеж-

ных последствиях этого самого позорного в истории России поражения» [9, с. 148]. Мировая война показала неспособность русского капитализма и правящей «элиты» справиться с экономическими проблемами и в тылу, что привело к абсолютному ухудшению материального положения подавляющего большинства трудового населения. В годы войны происходит правительственная чехарда, когда в стране сменились 4 председателя Совета министров, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра, юстиции, земледелия, 3 министра иностранных дел. Война стала для экономики России непосильным испытанием. Неразвитость железных дорог вызвала транспортный, топливный и продовольственный кризисы. Государственный долг России вырос в четыре раза. Цены на продовольствие выросли в среднем на 556 %, на предметы первой необходимости – на 1109 %. Так, черный хлеб подорожал на 330 %, масло – на 557 %, молоко – на 471 %. Еще больше выросли цены на товары первой необходимости: мыло – на 780 %, ситец – на 1 173 %, дрова – на 1100 %. Прибыли предпринимателей достигали 900 % [10, с. 254–255]. Война вскрыла поразительный факт – отечественная буржуазия и правительство не в состоянии обеспечить страну оружием. В 1914 г. мощный Тульский оружейный завод изготовил целых 16 винтовок. Царское правительство заказывало винтовки в САСШ у фирм «Винчестер», «Ремингтона» и «Вестингауз». Фирмы заказ выполнили далеко не полностью и с опозданием. За 1914–1916 гг. Россия влила в экономику Америки около 1 800 000 000 золотых р., разместив заказов на 1 287 000 000 долл.

В ходе войны выяснилось, что, помимо нехватки снарядов, пушек и патронов, в армии критическая нехватка офицеров. Россия вступила в войну единственной из основных стран-участниц, не имевшей системы всеобщего среднего образования (в Пруссии всеобщее бесплатное образование в народных школах было введено Конституционной Хартией 1850 г.). Как следствие – в 1907 г., по статистике, в русской армии из тысячи новобранцев насчитывалось 617 неграмотных. В Германии один неграмотный приходился лишь на 3 тысячи призывников. Видный думский деятель В.В. Шульгин настроения 1916 г. описывал так: «Ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился нам за счет гибели двух солдат, показывает, как щедро расходовалось русское пушечное мясо. Один этот счет – приговор... всем нам, всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно в смысле материальной культуры Россия отстала от соседей. То, что мы умели только петь, танцевать, писать стихи в нашей стране, теперь окупалось миллионами русских жизней.» [11, с. 93]. Бывший военный министр Д.С. Шувалов на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства на вопрос следователя «...знал ли царь об огромных по-

терях Действующей армии и насколько его это волновало? ответил: да, знал, но волновало мало» [12, с. 31].

Война была далека от интересов народа. Генерал А.А. Брусилов вспоминал: «Сколько раз спрашивал я солдат в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!» [7, с. 83]. Как результат – к 1916 г. в стране насчитывалось около 1,5 млн дезертиров [13, с. 364]. Генерал А.А. Брусилов отмечал: «...можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия – на одном фронте больше, на другом меньше – была подготовлена к революции» [7, с. 218].

На протяжении полувека перед падением режима оставалась кризисной ситуация в деревне. Реформа Александра II была только полумерой. «Закон всякой жизни, отмечал В.Г. Короленко в книге «Земли! Земли!», в том числе и общественной, – движение. Застой в земледельческой стране, как наша, прежде всего отражается на земле. С освобождением крестьян голодовки, довольно частые при крепостном праве, казалось бы, не должны повторяться. Но они появились вновь сначала лишь частичные, потом все шире и чаще. Люди питались лебедой, ели даже кору и о бедствии много говорили» [13, с. 72].

Первая революция в России напугала самодержавие. Режим пытался руками председателя Совета министров П.А. Столыпина решить аграрный вопрос путем неуклюжей и обреченной на провал реформы. Вот как характеризовал реформу митрополит Вениамин (Федченков), главный духовник армии Врангеля, сам происходивший из крестьян: «Тогда я жил в селе и отчетливо видел, что народ – против неё. И причина была простая. Из существующей площади – даже если бы отнять все другие земли: удельные, помещичьи, церковные и монастырские – нельзя было наделить все миллионы крестьян восьмидесятидневными хуторами... Хутора в народе проваливались. В нашей округе едва нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное» [15].

Земельный вопрос не был решен потому, что для его решения надо было пойти на радикальные шаги и отменить частную собственность на землю. При этом страна не испытывала недостатка в природных ресурсах. Будучи премьер-министром России С.Ю. Витте писал: «Черноморский берег представляет собой (как и многие местности Кавказа) такие природные богатства, которым нет сравнения в Европе. В наших руках это все в запустении. Если бы это было в руках иностранцев, то уже давно местность эта давала бы большие доходы и кишела бы туристами» [16, с. 372].

Неспособность управлять страной, неумение использовать ее богатейшие ресурсы, решить насущные экономические и политические проблемы привели царизм к потере авторитета в обществе, вызвали недовольство всех классов и слоев населения России. Закономерно в стране к концу 1916 г. сложилась революционная ситуация.

Царствование Николая II – это две проигранные войны и два революционных потрясения, второе привело к государственной катастрофе. Уже в начале XX в. власть России допустила смуту, приведшую к параличу хозяйственной жизни. В октябре 1905 г. в стране не работали железные дороги, почта и телеграф, большинство промышленных предприятий. Россия, по сути, вошла в хаос дезорганизации. Военные поражения в русско-японской войне, огромные человеческие жертвы стали тем историческим пунктом, положившим начало всеобщей смуте. Николай II был вынужден пойти на ограничение самодержавия куцыми конституционными законами, это было как раз то, что его отец и дед полагали началом конца российской государственности. Отдельные авторы считают, что это был шаг к конституционализму, но это далеко не так. Лучшим доводом служат слова лидера кадетов П.Н. Милюкова во время визита в Англию, что оппозиция в Думе «остается оппозицией его Величества, а не его Величеству» [17, с. 420].

Манифест 17 октября 1905 г. фактически означал признание кризиса и неспособность правящей элиты с ним совладать. Николай II пытался продолжать править по формуле «народного самодержавия», что предполагало упор на религиозную идентичность, идею духовного единства царя и народа. Как отмечал французский историк Н. Верт: «На рубеже веков у царской власти была лишь одна насущная политическая задача – во что бы то ни стало сохранить самодержавие» [18, с. 9]. Попытки царя поддерживать идентичность державно-имперскую, видимость единства народа и власти вылились в череду «общенародных» празднеств в ознаменование различных памятных дат.

Царизм не пользовался поддержкой даже дворянства – своей опоры. Причины этого отмечал впоследствии в мемуарах видный думский деятель В.В. Шульгин так: «... не был виноват весь класс, до сих пор поставлявший властителей, что он их больше не поставляет... Был класс, да съездился!» [11, с. 34]. Многие политики и царедворцы, близко знавшие императора, обязанные ему чинами, должностями и титулами, отзывались о его морально-нравственном «лице» довольно нелестно. Министр внутренних дел Святополк-Мирский в разговоре с С.Ю. Витте в 1909 г. заметил: «Все приключившиеся несчастья основаны на характере государя. Государь, которому ни в чем нельзя верить, ибо то, что сегодня он одобряет, завтра от этого отказывается, не может установить в империи спокойствия» [16, с. 345].

Нельзя не упомянуть разрыв между РПЦ и династией. Священнослужители тонко чувствовали разрыв между властью и народом. Об этом многочисленные слова иерархов церкви после Февраля. В выступлении викария Ярославской епархии епископа Рыбинского Корнилия (Попова) перед паствой 6 марта 1917 г.: «...Сейчас мы слышали об отречении государя Николая II. Тяжелым крестом для России, для русского народа было его царствование». В проповеди викария Новгородской епархии епископа Тихвинского Алексия (Симанского) в Софийском соборе Новгорода, 5 марта 1917 г.: «[В последнее время в России], внутри совершались неслыханные измены со стороны тех, кто был призван царем в качестве ближайших сотрудников в управлении государством. ...Постепенно воздвигалась между царем и народом все более и более плотная стена».

Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (князь Ухтомский) в статье «Нравственный смысл современных великих событий» (март 1917 г.) высказывается более чем откровенно: «Мое мнение таково: это случилось потому, что режим правительства был в последнее время беспринципный, грешный, безнравственный. Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия. ...» [19, с. 85–86].

Редкий случай, когда духовенство высказывается о царствующей династии столь определенно и прямо.

Таким образом, анализ обстановки в Российской империи в начале XX в. показывает, что как внутренняя, так и внешняя политика правящей элиты во главе с династией Романовых привела страну к резкому усилению кризисных явлений, носившему неотвратимый характер, что закономерно привело вначале к Февралю, а затем и к Октябрю. Другого пути у страны не просматривалось.

Список использованных источников

1. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография : пер. и коммент. Ю.А. Асеева; ст. М.А. Киселя / отв. ред.: И.С. Кон, М.А. Киссель; Акад. Наук СССР. – М. : Наука, 1980. – 488, [2] с.
2. Агония России. Есть ли у нее будущее? / Н.Н. Моисеев. – М. : ЭКОПРЕСС-«ЭМ», 1996. – 78 с.
3. Моисеев, Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня / Н.Н. Моисеев. – М., 2017. – 35 с.
4. Уткин, А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. – М., 2004. – 361 с.
5. Прокофьева Е.Ю. Становление автомобильной индустрии России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1943219-p12.html>. – Дата доступа: 29.10.2017.
6. Кафенгауз, Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.) / Л.Б. Кафенгауз. – М., 1994. – 287 с.
7. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – М., 1963. – 263 с.

8. Игнатъев, А.А. 50 лет в строю / А.А. Игнатъев. – М. : Воениздат, 1986. – 752 с.
9. Романов, А.М. Книга воспоминаний / А.М. Романов. – М. : АСТ : Полигон, 2009 г. – 384 с.
10. Рид, Д. 10 дней, которые потрясли мир / Д. Рид. – М. : Госполитиздат, 1957. – 351 с.
11. Шульгин, В.В. Годы. Дни. 1920 год / В.В. Шульгин. – М. : Новости, 1990. – 832 с.
12. Касвинов, М.К. Двадцать три ступени вниз / М.К. Касвинов. М. : Мысль, 1988. – 565 с.
13. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / сост.: С.В. Мироненко. – М. : Политиздат, 1991. – 367 с.
14. Короленко В.Г. Земли! Земли! / В.Г. Короленко / Новый мир. – 1990. – № 1. – 164 с.
15. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://booksafe.net/read/fedchenkof_veniamin-na_rubezhe_dvuh_epoh-224059.html. – Дата доступа: 30.10.2017.
16. Витте, С.Ю. Воспоминания / С.Ю. Витте. – М. : Изд-во соц.-полит. лит., 1960. – Т. 2. – 639 с.
17. Милкоков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милкоков. – М., 1990. – Т. 1. – С. 420.
18. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991 : пер. с фр. – М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
19. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – М., 2006. – 264 с.

УДК 34 (09)

А.В. Вениосов

ЗАХВАТ И УДЕРЖАНИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКАМИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Вопросы, связанные с Октябрьской революцией, 100 лет находились в поле зрения историков, юристов и всех небезразличных к этому событию людей. Написано огромное количество статей, диссертаций, монографий и другой литературы. Создается впечатление, что такое важное событие XX в. исследовано полностью и белых пятен быть не должно.

Однако стоит отметить, что день Октябрьской революции все годы Советской власти являлся главным государственным праздником, олицетворяющим день рождения нового государства. В связи с этим все негативные процессы, связанные с революцией, и подлинные характеристики ее вождей либо замалчивались, либо подвергались искажению. Все это не способствовало созданию подлинной истории Октябрьской революции и, более того, создавало искаженное представление о ее це-

лях и методах их достижения. Итак, как удалось прийти к власти в октябре 1917 г. и какими методами эту власть планировалось удержать?

Вопросы, которые возникают в связи с этим грандиозным событием XX в., как большевикам удалось взять власть и что двигало их лидерами и в первую очередь В.И. Лениным. На первый взгляд, все вроде бы просто. Рабочий класс и крестьянство жили в ужасающих условиях и существовала партия большевиков во главе с В.И. Лениным, которая поставила перед собой цель: ликвидировать класс эксплуататоров и передать всю власть в руки рабочих и крестьян. Однако возникает вопрос: почему именно большевики взяли на себя роль освобождения рабочих и крестьян? Если с рабочими большевиков кое-как можно связать, то к крестьянам они никакого отношения не имели. Учитывая, что подавляющее число населения в России составляли именно крестьяне. Более того, лидеры партии большевиков, в том числе и В.И. Ленин, постоянно проживали за границей и не всегда имели представление об истинном положении дел в рабочем и крестьянском вопросах. Февральская революция 1917 г. показала, что ни одна партия в России не имела серьезного влияния на население. В.И. Ленин, приехав в Россию в апреле 1917 г., сразу взял курс на захват власти. На I съезде Советов в июне 1917 г. он открыто заявляет, что партия большевиков готова взять власть в свои руки. В апреле он сделал первую попытку организовать выступления рабочих, а в июле 1917 г. мирную, но вооруженную демонстрацию. Именно последнее событие послужило поводом к аресту всех лидеров большевиков, а сам В.И. Ленин вынужден был скрываться в Разливе. Возникают вопросы: почему именно немногочисленная партия большевиков упорнее других прорывалась к власти и почему другие более авторитетные и многочисленные партии не помешали ей это сделать? В 1905 г. в ходе Первой русской революции в России было образовано свыше 50 партий, которые вышли из подполья и открыто опубликовывали свои программы. Учитывая многонациональный состав России и многоукладность ее экономики, ни одна из партий не давала четкой программы замены самодержавия. Таким образом, каждая партия в качестве основной задачи видела организацию и созыв Учредительного собрания демократических выборов в России, которое должно было решить ее судьбу. Принятая еще в 1903 г. программа партии большевиков также предусматривала пункт о необходимости проведения выборов и созыва Учредительного собрания. Именно для этой цели и было образовано Временное правительство после Февральской революции 1917 г. Оно разработало Положение о выборах и назначило дату на ноябрь 1917 г. Вся политическая жизнь России в сентябре – октябре как бы замерла в ожидании этого события. Однако В.И. Ленин прекрасно понимал, что его партии

в крестьянской стране никогда не прийти к власти путем выборов. И он взял курс на восстание. Нужно отметить, что при подготовке к этому восстанию большевики показали себя очень умелыми популистами и не стеснялись обещать народу все, что он пожелает. Другие партии страдали излишней интеллигентностью и считали, что нельзя обещать то, что было невыполнимо. То, что большевики хотят взять власть, ни для кого не было секретом. Уместно заметить, что далеко не все однопартийцы В.И. Ленина поддерживали его в планах захвата власти. Известно, что соратники В.И. Ленина Л. Каменев и Г. Зиновьев опубликовали в горьковской газете «Новая жизнь» секретную информацию о подготовке к восстанию. В.И. Ленин пришел в ярость от их поступка и требовал исключить их из партии. Однако никаких мер взыскания к ним применено не было. Это говорит о том, что среди руководящего состава партии большевиков зрела оппозиция, которая была направлена на недопущение укрепления единоличной власти одного человека. Более того, в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» за 25 октября 1917 г. была опубликована статья, в которой сообщалось, что большевики за три недели до выборов в Учредительное собрание и за несколько дней до созыва съезда Советов готовятся к военному перевороту. И в ней же отмечалось, что все обещания большевиков не могут быть выполнены, они просто обманывают народ [1]. У большевиков никогда не было сельскохозяйственных организаций и они никогда не имели большинства в земствах и волостях. Самое большое, что они могут сделать, это дать распоряжение захватывать землю [2]. На следующий день, после взятия власти, в той же газете отмечалось, что большевики, несмотря ни на что, власть захватили. Этот захват власти одной партией рассматривался как срыв великих завоеваний революции [2]. Очень образно центральное действие Октябрьской революции, штурм Зимнего дворца, показан в работе Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир». Эта книга снабжена рецензией В.И. Ленина и Н.К. Крупской, которые отметили, что это самая правдивая книга о революции. В ней излагается много фактов, которые все годы Советской власти либо замалчивались, либо искажались [3, с. 4–5].

Власть в Петрограде большевики брали в день открытия II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором в первом же заседании принимается Обращение «К рабочим, солдатам и крестьянам». В этом обращении в концентрированном виде раскрывается вся программа действий большевиков [4, с. 47]. Другими словами, все, что они обещали народу накануне взятия власти, нашло в нем свое отражение. Однако самым удивительным является тот факт, что в этом документе подтверждался курс на созыв Учредительного собрания.

Большевики обвиняли Временное правительство в том, что оно затягивало решение этого важного вопроса.

Взятие власти большевиками в октябре 1917 г. повергло в шок представителей других партий. Почти все они отказались от сотрудничества с ними. Поддержали большевиков только левые эсеры и несколько карликовых партий, которые не имели никакого авторитета в революционном движении. Весьма уместно проанализировать вопрос о том, как отнеслись к взятию власти большевиками представители интеллигенции и население России. Принятие популистских Декретов «О мире» и «О земле» настроили большинство простого народа пойти за большевиками. Однако представители творческой интеллигенции сразу поняли смысл и последствия этого события. Стоит процитировать размышления «пролетарского» писателя М. Горького, который в 1917–1918 гг. издавал в Петрограде свою газету под названием «Новая жизнь». В ней публиковался целый цикл статей о революции под названием «Несвоевременные мысли». В одной из них он пишет, что рабочий класс должен знать: чудес в революции не бывает и страну ждет полный развал промышленности и кровавая анархия. Он отмечает, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата. Он призывает рабочих не позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные и кровавые преступления [5]. Этими замечаниями М. Горький выразил мнение большинства думающих и образованных людей того времени. Редактор газеты «Новая жизнь» Н.Н. Суханов писал, что на смену Временному правительству пришла новая государственно-правовая фаза революции, именуемая личной диктатурой. Он отмечает, что это не диктатура Советов или большевистской партии, это диктатура Ленина и Троцкого [6].

Роль В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в октябре 1917 г. очень хорошо известна. Это были, безусловно, выдающиеся политические деятели. Уместно привести суждения М. Горького о В.И. Ленине, которого он лично знал. В частности он писал, что Ленин фигура яркая и объединяет все качества вождя, а также обладающая необходимой для этой работы отсутствием морали и безжалостного отношения к жизни громадных масс [7].

Другими словами, М. Горький хотел подчеркнуть, что в революции Ленин не руководствовался возвышенными целями, такими как освобождение крестьянства и рабочего класса. Главная цель, которую он преследовал, – это приход к власти.

Удерживать власть в такой стране, как Россия, было весьма непросто, и Ленин с Троцким это прекрасно понимали. Для удержания власти был взят курс на террор в отношении их противников. На следующий день после взятия власти Л.Д. Троцкий на заседании Петроградского Совета

заявил, что эта власть будет гордой и беспощадной [8]. Ленин и Троцкий понимали, что для удержания власти необходима жесткая диктатура одной партии, а лучше одного лидера. Весьма уместно вспомнить процесс создания коалиционного правительства. В советских учебниках истории революции этот процесс подавался как попытка большевиков объединиться с другими партиями для решения насущных вопросов революции. А другие партии не захотели разделить ответственность за судьбу России. На самом деле все выглядело совсем наоборот. На II Всероссийском съезде Советов было избрано чисто большевистское правительство, состоящее из 15 человек. Левые эсеры отказались вступить в это правительство так как опасались, что в противном случае «создалась бы пропасть между ними и ушедшими со съезда отрядами революционной армии» [9]. Они считали, что если они войдут в правительство, то потеряют право быть посредниками между большевиками и остальными партиями. Таким образом, они не отвергали идею создания коалиционного правительства в будущем.

Всем известно, что в ноябре 1917 г. произошел первый кризис в этом правительстве, когда из него ушла половина комиссаров. А что там произошло на самом деле историки особо не распространялись. Дело в том, что ЦК партии большевиков в своем заседании 1 ноября 1917 г. принял резолюцию, которая отвергала соглашение с другими партиями, входящими в Советы. Определенная часть членов ЦК возражала против этого и им удалось добиться пересмотра этой резолюции. Но, несмотря на это, руководство ЦК во главе с В.И. Лениным приняло твердое решение не допускать образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство «во что бы то ни стало, и каких бы жертв это не стоило» [10]. Другими словами, В.И. Ленин не собирался делиться властью с представителями других партий и с первых дней революции взял курс на установление единоличной власти. Он прекрасно понимал, что для удержания власти нужны жесткие меры, а представители других партий не дадут ему это сделать. 5 ноября в газете «Новая жизнь» было опубликовано обращение оппозиционных комиссаров ленинского СНК А. Рыкова, В. Ногина, Г. Зиновьева и др. В нем они отмечали, что «только образование социалистического правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса. Вместо этого есть только один путь сохранения чисто большевистской власти – это политический террор.» [10]. Эти люди четко понимали, к чему может привести диктатура одной партии. В своем обращении они подчеркивали мысль о том, что СНК во главе с Лениным встал на путь уничтожения инакомыслия и главное «к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью

и к установлению безответственного режима». В знак протеста против большинства членов ЦК они ушли из правительства. Однако попытка создания однопартийного правительства была сорвана. Ленину пришлось создавать блок с партией левых эсеров, отдав им половину наркоматов. Приведенные выше факты показывают, что и среди большевиков были думающие люди, которые предвидели последствия диктатуры одной партии или одного человека.

Следующий момент, который весьма образно характеризует отношение к власти В.И. Ленина, это история с Учредительным собранием. Как уже отмечалось выше, большевики вынуждены были показать свою приверженность к его созыву. Дело в том, что у народа складывались какие-то ожидания от выборов и созыва Учредительного собрания. Выборы в него проходили по Закону, разработанному еще при Временном правительстве. Уже первые результаты выборов показали, что за большевиками не идет большинство населения. Даже в Петрограде партия конституционных демократов (кадетов) набрала 250 тыс. голосов, что нельзя было сказать о большевиках. Результат не замедлил себя ждать. 30 ноября принимается Декрет «Об аресте вождей кадетской партии». 3 декабря 1917 г. на заседании ЦК партии большевиков 150 против 98 приняли решение применять репрессии в отношении кадетов [11]. Правда, здесь ничего не говорилось о тех кадетях, которые были уже избраны в Учредительное собрание. Но по воинствующему настрою Ленина и Троцкого было ясно, что борьба будет вестись и с ними.

Окончательный подсчет голосов показал, что большевики набрали чуть более 30 % голосов. Для партии, захватившей власть, этого было недостаточно. Складывалось впечатление, что власти большевиков скоро наступит конец. Однако во главе партии большевиков стоял человек, который видел во власти смысл всей своей жизни. Отдавать эту власть он никому не собирался. Созыв Учредительного собрания несколько раз переносился, что повлекло волнения среди народа, и большевикам впервые пришлось применить оружие против рабочих, вышедших на демонстрацию в поддержку Учредительного собрания. Наконец, 5 января был назначен срок его созыва. В.И. Ленин ничего хорошего от этого собрания ожидать не мог, но и власть отдавать не хотел. Накануне созыва собрания он пишет Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа [12, с. 323]. Само название о многом говорит. Большевики опять встали на путь популизма и олицетворяли себя защитниками всех трудящихся и эксплуатируемых. В тексте четко было определено требование к Учредительному собранию, чтобы оно передало всю власть партии большевиков. Именно эту Декларацию и зачитал Я.М. Свердлов при открытии этого собрания. Вполне понятно, что депутаты от других партий, кото-

рых было большинство, отказались даже рассматривать такой вариант событий. В знак протеста большевики покинули зал заседания. На следующий день был принят Декрет о роспуске Учредительного собрания, как «раскрывшего свою контрреволюционную сущность» [12, с. 325].

На III съезде Советов, который состоялся после роспуска Учредительного собрания, Я.М. Свердлов откровенно заявлял, что главная задача этого форума, «вбить осиновый кол в могилу Учредительного собрания». Более разумный Л. Троцкий на этом же съезде заявлял, что «роспуском Учредительного собрания мы попрали формальные принципы демократии, но сделали это во имя более высоких принципов социальной революции». Далее он отмечал, что без «беспощадного боя большевики власть не уступят» [13]. Очень образно настроения большевиков после роспуска Учредительного собрания выразил в своей речи недавний герой матрос Железняков, который заявил «в борьбе с контрреволюцией мы не остановимся, даже если нам придется расстрелять 10 тысяч и даже миллион». Выступление его было встречено бурными овациями и со стороны руководства партией большевиков.

Таким образом, благодаря решительным действиям В.И. Ленина большевикам удалось за кратчайший срок укрепить партию, найти нужные лозунги и повести солдат и рабочих Петрограда за собой. Именно твердая и последовательная позиция Ленина к его противникам помогла большевикам удержать власть в очень сложные первые дни Октябрьской революции.

Список использованных источников

1. Безумная авантюра // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 25 окт.
2. К текущему моменту // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 25 окт.
3. Рид, Д. 10 дней, которые потрясли мир / Д. Рид. – М., 1957.
4. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями уездных и губернских Советов крестьянских депутатов 25–26 октября 1917. – М.-Л., 1928.
5. К демократии // Новая жизнь. – 1917. – 7 нояб.
6. Диктатура гражданина Ленина // Новая жизнь. – 1917. – 7 нояб.
7. К рабочим // Новая жизнь. – 1917. – 10 нояб.
8. Доклад Л. Троцкого в Петроградском Совете // Новая жизнь. – 1917. – 26 окт.
9. Заявление партии левых эсеров // Новая жизнь. – 1917. – 28 окт.
10. Обращение В. Ногина, А. Рыкова и др. // Новая жизнь. – 1917. – 5 нояб.
11. Новая жизнь. – 1917. – 30 нояб., 3 дек.
12. Декреты Советской власти. – Т. 1. – М. : Госполитиздат, 1957.
13. 3 Съезд Советов // Новая жизнь. – 1918. – 12 янв.

СУДЬБЫ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

УДК 947.6 «1917»

А.А. Козел

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Идея национально-государственного самоопределения наций была сформулирована в рамках либерализма и вытекала из доктрины индивидуальных свобод и прав человека. Впервые на практике она была реализована в годы борьбы США за независимость от Англии. После Великой Французской революции эта идея нашла отклик в Царстве Польском, элита которого мечтала с помощью Наполеона восстановить Речь Посполитую в границах до ее трех разделов. Однако и на бывших землях Великого княжества Литовского помнили о былом его величии, что нашло отражение в проекте Михала Огинского о восстановлении ВКЛ, который он представил в 1811 г. Александру I. Проект, предусматривавший создание на белорусских землях Великого герцогства Литовского с включением его в состав Российской империи на правах автономии, не получил одобрения и был отклонен.

Во второй половине XIX в. тема самоопределения белорусского народа становится составной частью политической программы революционного демократизма в лице К. Калиновского, который национальное освобождение связывал с ликвидацией самодержавия.

После восстания 1863 г. в белорусском национальном движении происходит существенное изменение. Если до восстания и в ходе его доминировала в основном польская идея возрождения Речи Посполитой, то после него польское влияние на общественно-политическую жизнь ослабевает, все в большей степени национальная тематика становилась собственно белорусской. Так, один из активных участников восстания Ф. Богусевич заявил о необходимости национального возрождения белорусов, показал, что они являются самобытным народом со своим языком и культурой. На самобытность белорусов обратили внимание и западноруссисты (К. Говорский, М. Коялович, Е. Карский), которые на огромном историко-культурном и этнографическом материале показали,

что белорусы – это древнее русское, а не польское племя. Вместе с тем они отрицательно относились к идее самостоятельного национально-государственного обустройства белорусского народа, объясняя свою позицию культурно-исторической и этнической близостью с великороссами. Они отмечали также, что государственная самостоятельность белорусов может привести их к очередному ополячиванию, что в условиях доминирования польской культуры на белорусских землях выглядело далеко не безосновательно. Исследователи показывают, что только спустя нескольких десятилетий уже новые поколения белорусской интеллигенции, освободившись от польской ориентации, активизировали процессы формирования национального самосознания [1, с. 200].

На белорусское национальное политическое движение оказали воздействие социалистические и революционные идеи, получившие развитие в России в последней четверти XIX в. Социалистическая доктрина с идеями справедливости, социального равенства, равноправия народов стала доминантной в белорусском общественно-политическом движении. Ядро национального движения составили студенты-белорусы, обучавшиеся в Петербурге. В 1884 г. в Петербурге белорусы-народовольцы издают два номера нелегального журнала «Гомон», в которых обосновывают идею белорусского государственно-национального строительства в составе Российской Федерации [2, с. 3]. В начале XX в. в Петербурге создается первая белорусская политическая партия – Белорусская Революционная Громада (БРГ). Такое название партия получила по предложению одного из ее организаторов – Ивана Луцкевича. Иван Луцкевич, его брат Антон и Вацлав Ивановский составили руководящую тройку партии, политическая программа которой провозглашала необходимость установления автономно-федеративных отношений Беларуси как с Россией, так и с другими ее народами [2, с. 10]. В конце 1905 г. в Минске, где Громада имела большое влияние, состоялся партийный съезд БРГ, на котором партия была переименована в Белорусскую Социалистическую Громаду. Тем самым партия заявляла о своем отходе от идейного влияния и тесного сотрудничества с партией социалистов-революционеров (эсеров) и переходе на социал-демократические позиции. На съезде был подтвержден курс партии на автономию Беларуси в составе демократической федеративной России [2, с. 55].

Февральская революция 1917 г. активизировала национальные политические силы в Беларуси, что привело к образованию целого ряда белорусских политических организаций, ставивших вопросы о белорусском политическом будущем. Так, в марте 1917 г. на съезде белорусских национальных организаций был организован Белорусский Национальный

Комитет (БНК), заявивший, что его главной задачей является культурно-национальное возрождение белорусского народа. В послании БНК Временному правительству говорилось о желательности государственного самоопределения Беларуси как автономии в границах России [3, с. 33]. В связи с тем, что во главе БНК оказался польский помещик Р. Скирмунт, эта организация среди белорусов весомого авторитета не имела. В июле 1917 г. по требованию Белорусской Социалистической Громады состоялся II съезд белорусских организаций, на котором была создана новая организация – Центральная Рада белорусских организаций и партий. Наряду с Центральной Радой и Белорусским Национальным Комитетом функционировали Великая Белорусская Рада и Белорусский областной комитет при ВЦИК Советов крестьянских депутатов. Политическое будущее Беларуси большинство организаций связывали с белорусской автономией в составе демократической России.

Летом 1917 г. в национальном политическом движении произошел раскол. Такая известная политическая партия как Белорусская Социалистическая Громада разделилась на правых, продолжавших отстаивать идею политической самостоятельности Беларуси, и левых (впоследствии – Белорусская социал-демократическая партия во главе с А. Червяковым, А. Устиловичем, И. Лагуном), принявших большевистскую платформу национально-государственного устройства, в которой классово-интернациональная парадигма играла ключевую роль. Причем, в соответствии с марксизмом, государство рассматривалось как такая форма организации общественной жизни, которая в исторической перспективе отомрет, и трудящиеся должны быть озабочены не национальным государственным строительством, а распространением мировой пролетарской революции на всех континентах. Как полагает В.А. Круталевич, «страстно проповедуемой белорусской интеллигенцией национальная идея – возрождение национальной культуры, создание независимого государства – не смогла привлечь на свою сторону сколь-нибудь незначительные общественные силы. В решающем противоборстве основных политических сил – сторонников и противников социализма в его большевистском варианте – движение за создание обособленно от России белорусской государственности, несмотря на провозглашаемые демократические, освященные традицией принципы ее организации, не смогло стать весомым общественным фактором. Апелляция к слаборазвитому национальному сознанию белорусов не имела серьезного успеха» [4, с. 443].

Октябрьская революция, организованная большевиками, прошла под лозунгом «Вся власть – Советам!». Именно Советы стали впоследствии органами новой государственной власти. Центром этой власти в

Беларуси стал Совет рабочих и солдатских депутатов Минска, исполком которого после получения известий из Петрограда уже 25 октября (7 ноября по новому стилю) издал приказ № 1, который провозглашал переход власти в Минске в руки Советов [5, с. 110]. В других крупных белорусских городах Советами руководили эсеры, меньшевики и бундовцы. Данное обстоятельство, а также расположение в Минске штаба Западного фронта, где большевики имели серьезное влияние, и преопределило будущее белорусской государственности почти до конца XX в.

Первым высшим органом власти в Беларуси стал Военно-революционный комитет Западного фронта. Октябрьская революция в Беларуси вызвала изменения в формах власти Советов. Так, уже в ноябре Советы рабочих и солдатских депутатов объединились с Советами крестьянских депутатов. Результатом этого объединения стало создание нового властного органа – Исполкома Советов Западной области и фронта (Облисполкомзап), распространявшего свою власть на Могилевскую, Витебскую, Минскую и часть Виленской губернии.

Выборы в Учредительное собрание показали убедительную победу большевиков и поражение национально-демократических партий. Так, по Минскому избирательному округу за Белорусскую Социалистическую Громаду проголосовали 0,3 % избирателей [4, с. 21].

Национальная политика советской России строилась на основе принятых таких основополагающих документов, как Декларация прав народов России и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которые заявляли равноправие всех народов Российской империи и право наций на самоопределение. В.И. Ленин не боялся распада Российской империи на национальные государства, полагая, что идеи классовой солидарности будут сильнее национальных чувств. Но и сельское население Беларуси на своих съездах не ставило вопросов об отдельном от России белорусском государстве. Вместе с тем на роль политического руководства, кроме большевиков, в Беларуси претендовал и Белорусский областной комитет (БОК), который сыграл, на наш взгляд, выдающуюся роль в организационно-политической работе по легитимизации национально-государственного самоопределения белорусского народа. По воспоминаниям Е.С. Канчера, через 3–4 дня после 7 ноября Исполнительное бюро депутатов Западной (Белорусской) области созвало депутатов области на съезд, который и объявил себя Белорусским областным комитетом при Всероссийском Совете крестьянских депутатов. 10 ноября 1917 г. БОК создал специальную комиссию в составе Канчера, Колядко, Короткевича, Ольховского и Певзнера для организации Всебелорусского съезда. Лидеры этой организации полагают, что после революционной неразберихи белорусам надо думать пре-

жде всего о себе, а поэтому необходимо создать такие органы власти и уклад, которые будут отвечать исключительно интересам белорусского народа. После консультаций с Лениным и Сталиным специальная комиссия выработала своеобразную дорожную карту будущего съезда. Предполагалось, что съезд объединит «революционную советскую демократию Белоруссии в одну областную организацию, обсудит вопрос о политическом устройстве Белоруссии» [6, с. 94]. Организаторы полагали, что в съезде должны были принять участие 1 277 делегатов, из которых большая половина – 732 депутатских места предлагались Советам крестьянских депутатов, представителям Советов рабочих и солдатских депутатов – 400 мест. С целью придания съезду большей легитимности было принято решение пригласить на съезд и представителей белорусских национальных организаций, которым выделялось 10 мест. Соответственно, соучредителем съезда стала и Великая Белорусская Рада. Члены БОК полагали, что присутствие ВБР на съезде позволит разоблачить ее антисоветскую и шовинистическую деятельность. В ходе подготовки к съезду состоялась встреча Канчера с Лениным, которому он заявил, что БОК будет «строить Белорусское советское социалистическое государство в составе РСФСР. О независимой республике вопрос даже не ставится, этого не желает народ. Мы говорим об автономной республике ...» [6, с. 94]. БОК определил и примерную дату проведения съезда – не позднее 15 декабря 1917 г. по старому стилю. Узнав о подготовке БОК съезда белорусские национальные организации приняли решение 5 декабря созвать Общебелорусский национальный съезд. Лидеры национальных организаций Воронко и Мамонько требовали отменить созыв Всебелорусского съезда Советов и получили отказ. Всебелорусский съезд Советов открылся 15 декабря в Минске в здании нынешнего Академического театра им. Я. Купалы. На съезде присутствовали 1 650 депутатов (1 116 с решающим голосом). От белорусских национальных организаций, включая беженские, в съезде участвовали 337 делегатов (157 с решающим голосом). В повестке съезда стояли вопросы о политическом положении страны и судьбе Беларуси, беженцах и демобилизации армии. Тем самым было заявлено об организации национальной власти в Беларуси в противовес уже функционирующим Облисполкомзапу и его Совнаркому. В ходе дискуссий о политическом будущем Беларуси большинством голосов была принята согласованная резолюция: «Закрепляя право белорусского трудового народа на свое самоопределение, провозглашенное российской революцией рабочих, солдат и крестьян, и утверждая в пределах белорусской земли демократический советский республиканский строй, для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской федеративной

республики I Всебелорусский съезд Советов постановляет: образовать из своего состава общекраевой орган – Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который вступает в деловые отношения с существующей центральной и местной властью Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и, впредь до созыва Всебелорусского съезда Советов, договариваются о совместном управлении краем» [7, с. 77]. После принятия данной резолюции в ночь с 17 на 18 декабря в зал вошли представители Облисполкомзапа Кривошеин, Резаусский и Ремнев, которые в своем лице видели единственный орган управления белорусским краем, и объявили съезд распущенным. Таким образом, на наш взгляд, была упущена возможность легитимного развития национально-государственного развития Беларуси. Об этом свидетельствуют следующие события. В феврале – марте 1918 г. в условиях оккупации немецкой армией Беларуси бывшими депутатами съезда от белорусских Рад были подготовлены и обнародованы три Уставные грамоты: 21 февраля Первая – «К народам Белоруссии». В ней заявлялось неотъемлемое право белорусского народа на осуществление полного самоопределения, а национальных меньшинств – на национально-персональную автономию. Назвавшись Исполнительным комитетом Совета съезда они объявили себя временной властью, приступающей к управлению краем и подготовке к Учредительному собранию. Для оперативного управления учреждался Народный секретариат Белоруссии [3, с. 111]. 9 марта под тем же названием, но уже на белорусском языке «Да народаў Беларусі» была объявлена Белорусская Народная Республика (БНР) в границах расселения и численного большинства белорусов. До созыва белорусского Учредительного сейма законодательную власть должна была осуществлять Рада декабрьского белорусского съезда (о существовании такого органа нет объективной информации), а административную – Народный Секретариат Беларуси, который назначался Радой и был ей подотчетен [3, с. 112]. В Третьей Уставной грамоте от 25 марта 1918 г. от имени Рады БНР объявлялась политическая обособленность от России и конкретизировалась территория БНР. Рада полагала, что она должна включать в себя Могилевщину, белорусские части Минщины, Гродненщины, Виленщины, Витебщины, Смоленщины, Черниговщины и смежные районы других губерний, заселенных белорусами [3, с. 116].

Таким образом, за сравнительно короткое время – всего один год – после Февральской революции в программе национально ориентированного белорусского политического движения был совершен кардинальный поворот от идеи национального государственного строительства в составе Российской демократической федерации до заявки на полный государственный суверенитет.

Однако в Беларуси были сильны позиции и другой политической силы – Российской коммунистической партии большевиков, ставшей наследницей РСДРП, I съезд, которой состоялся в 1898 г. в Минске. Большевики, сделавшие ставку на Советы как форму новой власти, сыграли главную роль в восстановлении советской власти в Беларуси после немецкой оккупации. Несмотря на то что коммунистические организации рассматривали будущее Беларуси в русле ленинской национальной политики, некоторые белорусские большевистские деятели полагали, что Беларусь может самоопределиваться как автономная республика в составе РСФСР. Так, например, В. Кнорин полагал, что нечего играть в Советские республики, так как конечная цель пролетариата – единая социалистическая республика. Вместе с тем Минский Совет в декабре 1918 г. принял ряд решений, где говорилось уже не о Западном, а о Белорусском крае. Можно полагать, что такая новая позиция сформировалась и в противовес решениям Рады БНР. Коммунисты Беларуси при поддержке РСФСР начали активную подготовку к проведению в Смоленске съезда, на котором 1 января 1919 г. был принят и обнародован первый политический и юридический акт социалистической Беларуси – Манифест Временного Рабоче-Крестьянского правительства Белоруссии о провозглашении БССР. Таким образом, на наш взгляд, была восстановлена историческая справедливость относительно становления белорусской государственности как советской и социалистической. Понадобился год, чтобы выполнить резолюцию декабрьского 1917 г. Всебелорусского съезда Советов, волонтаристски закрытого Облисполкомзапом 18 декабря 1917 г.

Первым главой правительства стал Д.Ф. Жилунович (Тишка Гартный, 1887–1937 гг.). В 1922 г. БССР, УССР, РСФСР и Закавказская Федерация (Азербайджан, Армения, Грузия) заключили договор о создании СССР, который просуществовал до 8 декабря 1991 г., когда в резиденции Вискули в Беловежской пуще президент РСФСР Б. Ельцин, Председатель Верховного Совета Беларуси С. Шушкевич, президент Украины В. Кравчук сделали совместное заявление о прекращении действия Договора 1922 г. В 1994 г. состоялись выборы первого Президента суверенной Беларуси, на которых победил А.Г. Лукашенко.

Список использованных источников

1. Чыгрынаў, П.Г. Грамадская думка ў Беларусі: палітычна-гістарычны аспект. Х – пачатак ХХ ст. : вучэб. дапам. / П.Г. Чыгрынаў. – Мінск : Акад. МУС РБ, 1996. – 228 с.
2. Луцкевіч, А. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928) : Успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацый : Беларуская рэвалюцыйная грамада, Беларуская сацыялістычная грамада / А. Луцкевіч. – Мінск : БелСЭ, 1991. – 64 с.

3. Турук, Ф.Ф. Белорусское движение : Очерк истории национального и революционного движения белорусов : С приложением образцов белорусской нелегальной литературы, важнейших документов белорусских политических партий и национальных организаций и этнографической карты белорусского племени, составленной Е.Ф. Карским / Ф.Ф. Турук. – М. : Гос. изд-во, 1921, – 144 с.

4. Круталевич, В.А. Очерки истории государства и права Беларуси / В.А. Круталевич : под науч. ред. П.Г. Никитенко : Ин-т государства и права НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2007. – 824 с.

5. Белявцев, В.И. Ленин и Белоруссия / В.И. Белявцев. – Минск : Беларусь, 1978. – 254 с.

6. Канчер, Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам). Фрагменты 5-й главы / Е. Канчер. – Беларус. думка. – № 1. – 2010. – С. 92–97.

7. Канчер, Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам). Фрагменты 5-й главы / Е. Канчер. – Беларус. думка. – № 2. – 2010. – С. 72–79.

УДК 321 (476) (091) +94 (476)

І.А. Саракавік

РЭВАЛЮЦЫЯ 1917 г. І АДНОСІНЫ ПОЛЬШЧЫ ДА БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

XX стагоддзе ўвайшло ў сусветную гісторыю такімі важнейшымі падзеямі, як Лютаўская і Кастрычніцкая рэвалюцыі 1917 г. Яны актывізавалі імкненні народаў, у тым ліку і беларускага, да сваёй дзяржаўнасці. Характэрна, што, пачынаючы з народніцкай арганізацыі «Гоман», прамаўлялася ідэя аўтаноміі Беларусі ў складзе дэмакратычнай федэратыўнай рэспублікі Расіі. Гэта ідэя выказвалася затым прадстаўнікамі як уплывовых колаў, так і левых партый, хаця яны былі падзелены сацыяльна-эканамічнымі і духоўнымі бар’ерамі [1, с. 316–327]. Аўтанамісцкая ідэя прадстаўлена і ў рашэнні II Усебеларускага з’езда палітычных партый і арганізацый і нават прапаноўвалася на Усебеларускім кангрэсе ў снежні 1917 г. На ім жа прапаноўвалася і беларуская дзяржаўнасць у форме краёвай аўтаноміі і незалежнасці.

Аднак форма дзяржаўнасці беларускага народа ў многім залежала не толькі ад яго самага, але і ад таго геапалітычнага становішча, у якім апынулася Беларусь у гэты гістарычны час. Найперш вызначалася пазіцыяй Германіі і Расіі, войскі якіх у час Першай сусветнай вайны знаходзіліся

на наших землях. Немцы захпілі прыкладна 25 % тэрыторыі Беларусі з насельніцтвам звыш 2 млн чалавек, і мелі некалькі праектаў адносна яе будучыні: занятыя землі далучыць непасрэдна да Германіі; стварыць самастойную польскую дзяржаву пад пратэктаратам Аўстрыі; прыняць канкрэтнага рашэння, зыходзячы з ходу ваенных дзеянняў. Менавіта апошні і быў прыняты. У адпаведнасці з ім Германія і праводзіла сваю палітыку на ўсходзе. 5 лістапада 1916 г. Германія і Аўстра-Венгрыя аднавілі Польскае каралеўства ў існуючых раней межах [2, с. 8]. Галоўнай жа мэтай нямецкага камандавання было вывесці Расію з вайны, захаваць яе як эканамічнага партнёра з яе вялізным унутраным рынкам, дабіцца ад яе пэўных уступак.

Па другі бок фронту на беларускай этнічнай тэрыторыі размяшчалася расійская армія. У прыфрантавой паласе сабралася больш за мільён бежанцаў з Польшчы і заходніх раёнаў Беларусі [3, с. 577]. Царская Расія ў час вайны прытрымлівалася пазіцыі адзінай і недзялімай імперыі. Такі ж падыход меў і Часовы ўрад. Пра гэта сведчыць яго адмова весці перамовы з дэлегацыяй Беларускага нацыянальнага камітэта, накіраванай І Усебеларускім з'ездам палітычных партый і арганізацый у сакавіку 1917 г. наконт аўтаноміі Беларусі [4, с. 28, 31, 33]. На яго думку, тэрытарыяльная праблема будучай Расіі павінна вырашацца Усерасійскім устаноўчым сходам.

Скарыстаўшыся шэрагам унутраных і знешніх прычын у Расіі, а таксама папулісцкімі лозунгамі, паўваеннай пабудовай сваёй арганізацыі бальшавікі змаглі ў Кастрычніку ўзяць уладу ў свае рукі. Улічваючы выказванне **Ф. Энгельса** пра тое, што «для рабочага класа не можа быць большай гістарычнай бяды, як захоп палітычнай улады ў такі час, калі ён да гэтага яшчэ не падрыхтаваны», **Г.В. Плеханаў** прааналізаваў стан гэтай падрыхтаванасці, паказаў, што ў складзе насельніцтва ён быў малалікім (прамысловы пралетарыят Расіі складаў толькі 2,5 % ад усяго насельніцтва [5, с. 33]) і сялянства не магло стаць яго саюзнікам, бо не жадала сацыялізму. На яго думку, памылковы і погляд, што рускі рабочы пачне, а нямецкі давядзе сацыялістычную рэвалюцыю да перамогі, бо ў немцаў не склаліся ўмовы для такой рэвалюцыі. І таму, «несвоечасова захапіўшы палітычную ўладу, рускі пралетарыят не зробіць сацыяльную рэвалюцыю, а толькі выкліча грамадзянскую вайну» [6, с. 105]. Так і сталася першапачаткова.

З пункту гледжання марксізму, у Беларусі тым больш не існавала аб'ектыўных і суб'ектыўных умоў для сацыялістычнай рэвалюцыі. Індустрыялізацыя адсутнічала. Рабочы клас быў малалікім. Бальшавікі тут не мелі дастатковай сацыяльнай апоры. Аднак пасля перамогі

Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Петраградзе і ўтварэння Савецкай улады на чале з У.І. Леніным 25 кастрычніка быў утвораны Мінскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў, 26 лістапада – абласны выканкам Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Заходняй вобласці і фронту.

СНК Расіі прыкладаў вялікія намаганні дзеля таго, каб вывесці краіну з Першай сусветнай вайны. 3 сакавіка 1918 г. сепаратны мірны дагавор паміж Германіяй, яе саюзнікамі і РСФСР быў падпісаны. Згодна з ім 85 % тэрыторыі Беларусі адыходзіла Германіі, 15 % – Савецкай Расіі. Паўночна-заходняя частка Беларусі назаўсёды адыходзіла да Германіі з назвай «Новая Усходняя Прусія». У дагаворы гаварылася, што «Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих областей» і што «Германия готова, как только будет заключен всеобщий мир и проведена полностью русская демобилизация, очистить территорию, лежащую восточнее» «Новой Усходняй Прусии» [7, с. 53–54]. Пад ціскам урада РСФСР 27 жніўня 1918 г. у Берліне быў падпісаны «Русско-Германский добавочный договор к мирному договору между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой». У адпаведнасці з ім Германія павінна была перадаць РСФСР тэрыторыю Беларусі на ўсход ад ракі Бярэзіны за пэўны выкуп. Землі на захад ад гэтай ракі перадаваліся ёй па меры выканання «остальных финансовых обязательств, взятых на себя Россией». Германія абавязвалася, што «никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов в этих областях» [8, с. 77]. Заручыўшыся падтрымкай Германіі, 29 жніўня 1918 г. СНК РСФСР выдаў Дэкрэт, якім абвясціў, што «ўсе дагаворы і акты, якія былі заключаны ўрадам былой Расійскай імперыі з урадамі Каралеўства Прускага і Аўстра-Венгерскай імперыі, што тычыліся падзелаў Польшчы, у сувязі з іх супярэчнасцю прынцыпу самавызначэння нацый і рэвалюцыйнай правасвядомасці рускага народа, прызнаўшага за польскім народам неад'емнае права на самавызначэнне і адзінства, – адмяняюцца гэтым беспаваротна» [9, с. 250]. Значыць, юрыдычна магла аднавіцца Рэч Паспалітая. У рэальнасці гэты акт быў фікцыяй, разлічанай на прапагандысцкі эффект, бо існаваў дагавор з Германіяй ад 27 жніўня 1918 г.

Не маючы значнай сацыяльнай апоры ўнутры Расіі, яе бальшавікі з-за тактычных меркаванняў вымушаны былі дзеля ўтрымання сваёй улады на першым часе падтрымліваць былыя нацыянальныя ўскраіны дзяржавы. Невыпадкова СНК РСФСР ужо 2 лістапада 1917 г. у *Дэкларацыі правоў народаў Расіі* абвясціў роўнасць і суверэннасць усіх народаў

Расіі; іх права на самавызначэнне аж да аддзялення і ўтварэння самастойных дзяржаў [10, с. 40]. Аднак **Ленін** заяўляў, што *гэта права будзе прадастаўляцца толькі тады, калі гэта будзе выгадна інтарэсам сацыялістычнай рэвалюцыі*.

Лістападаўская рэвалюцыя 1918 г. у Германіі і яе капітуляцыя перад краінамі Антанты падштурхнулі бальшавікоў Расіі перамяніць свае погляды адносна заходніх земляў былой імперыі. 29 лістапада была абвешчана Эстонская ССР, 17 снежня – Латвійская ССР, а 8 снежня – Літоўская ССР у межах, вызначаных раней Літоўскай Тарыбай. Таму ў пастанове Усерасійскага Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта (УЦВК) «*Аб абласных аб'яднаннях*» ад 23 снежня 1918 г. Заходняя вобласць РСФСР зацвярджалася ў складзе пяці губерняў: Віцебскай, Смаленскай, Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай. Віленская ўключалася ў склад Літоўскай ССР, хоць літоўцы ў ёй складалі не больш як 15–18 % насельніцтва, а ў самой Вільні – менш за 1 % [11, с. 8]. Як бачна, на заходніх межах былой імперыі бальшавікі ўтварылі нацыянальныя рэспублікі (УССР была абвешчана 12 (25) снежня 1917 г.), апроча Беларусі. Не ўпамінаецца яна і ў актах цэнтра. У пастанове УЦВК ад 13 лістапада 1918 г. аб ануляванні Брэст-Літоўскага дагавора ўказвалася, што працоўныя масы Расіі, Ліфляндзі, Эстляндзі, Польшчы, Літвы, Фінляндзі, Крыма і Каўказа, вызваленыя германскай рэвалюцыяй ад прыгнёту грабежніцкага дагавора, «*прізваны ныне сами рэшаць сваю судьбу*» [12, с. 679–680]. У тэлеграме **І.І. Вацэцісу** ад 29 лістапада 1918 г. Ленін тлумачыў: «*С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск*» (вызелена мной. – *І.С.*) [13, с. 234]. «*Забыўся*» пра Беларусь Ленін невыпадкова, тым больш што пасля таго, як Чырвоная Армія 10 снежня 1918 г. увайшла ў Мінск, старшыня Мінскага губрэўкама **І.І. Рэйнгольд** 13 снежня накіраваў тэлеграмы ў Паўночна-Заходні абласны камітэт РКП(б) і УЦВК аб неабходнасці ўтварэння Беларускай савецкай рэспублікі [14, с. 171]. Палітбюро ЦК РКП(б) і СНК РСФСР былі вядомы і розныя падыходы да праблемы Беларускай дзяржаўнасці. *Кіраўнікі Заходняй вобласці* наогул не прызнавалі права Беларускага народа на дзяржаўнае самавызначэнне, адзначаючы, што «*белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжи-*

ты. Нашей задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых национальных рогаков» [15]. *Кіраўнікі Віцебскай, Смаленскай, Магілёўскай губерняў* былі супраць як існавання Заходняй вобласці, так і ўтварэння савецкай Беларусі. Кожная губерня, на іх погляд, павінна была самастойна выходзіць на цэнтр. *Беларускі нацыянальны камітэт пры Народным камісарыяце нацыянальнасцей РСФСР і беларускія камуністычныя секцыі Масквы і Петраграда* выступалі за ўтварэнне Беларускай савецкай рэспублікі як складанай часткі Расійскай Федэрацыі. Пытанне аб утварэнні савецкай Беларусі разглядалася 21–23 снежня 1918 г. на канферэнцыі беларускіх секцый РКП(б) у Маскве [14, с. 173]. Але кіраўніцтва РСФСР не спяшалася прымаць канчатковае рашэнне. *З аднаго боку*, з пачаткам Лістападаўскай 1918 г. рэвалюцыі ў Германіі ў яго была надзея калі не на сусветную, то хаця б на еўрапейскую сацыялістычную рэвалюцыю. 9 лістапада 1918 г. **Я. Святлоў**, выступаючы на VIII Усерасійскім з'ездзе Саветаў, гаварыў: «*Я ніколі не сумняваюся ў тым, што праз паўгода мы будзем мець моцную Савецкую ўладу. Не толькі ў краінах Аўстрыі, Венгрыі і Германіі, але і ў краінах згоды – у Францыі, Англіі і Італіі*». А на I Усебеларускім з'ездзе Саветаў у лютым 1919 г. быў больш катэгарычным: «*Мы напярэдадні паўстання ў Англіі, Францыі і Амерыцы*» [16, с. 30]. Зразумела, што для Савецкай Расіі патрэбна было «*акно*» на Захад для экспарту сацыялістычнай рэвалюцыі і яе падтрымкі. Такім «*акном*» і павінна была стаць Беларусь. Таму яна да пары і не абвешчалася як савецкая рэспубліка.

З другога боку, заходнія краіны выношвалі планы ўтварэння ўздоўж мяжы з РСФСР ад Балтыйскага да Чорнага мора шэрагу дзяржаў, своеасаблівага «*санітарнага кардона*». Яны павінны былі не прапускаць на Захад «*бальшавіцкую заразу*» і весці з ёю барацьбу. Адным з першых такую ідэю выказаў 8 снежня 1918 г. англійскі пасол у Францыі лорд **Берці** [14, с. 160]. Тады савецкі бок з мэтай захавання сацыялістычнай рэвалюцыі ў Расіі ўтварыў на заходняй мяжы шэраг буферных савецкіх рэспублік, якія аддзялялі РСФСР ад заходніх дзяржаў, не дазвалялі ім мець мяжу непасрэдна з Савецкай Расіяй. Яе кіраўнікі гатовы былі ісці на ўсё, каб толькі выратаваць рэвалюцыю. Ленін яшчэ 8 лютага 1918 г. пісаў: «*...Что выше – право наций на самоопределение или социализм? Социализм выше*» [17, с. 352]. Або такая заява Леніна 18 лютага 1918 г. на пасяджэнні ЦК РСДРП(б): «*Здесь говорили, что они (немцы. – І.С.) возьмут Лифляндию и Эстляндию, но мы можем их отдать во имя революции. Если они потребуют вывода войск из Финляндии – пожалуйста, пусть они возьмут революционную Финляндию. Если мы отдадим Финляндию, Лифляндию, Эстляндию – революция не потеряна*» [18, с. 337].

Становішча рэзка змянілася, калі 11 лістапада 1918 г. была абвешчана Польская незалежная дзяржава на чале з былым членам Польскай партыі сацыялістычнай **Ю. Пілсудскім**. Згодна з Малой Канстытуцыяй ён заняў найвышэйшую дзяржаўную пасаду – Начальніка краіны [19, с. 178] і быў скіраваны на тое, каб інтэграваць у адзіны дзяржаўны механізм тры часткі падзеленай Рэчы Паспалітай. Менавіта гэта акалічнасць прымусіла Палітбюро ЦК РКП(б) і СНК Савецкай Расіі прыняць рашэнне аб утварэнні Беларускай сацыялістычнай рэспублікі і тым самым ёю, як заслонаю, закрыць РСФСР ад Польшчы. На такое рашэнне паўплывала і тое, што кіраўніцтва РСФСР не жадала прызнання БНР заходнімі краінамі. У выніку 30 снежня 1918 г. Паўночна-Заходняя канферэнцыя РКП(б) у Смаленску па загадзе цэнтра прыняла рашэнне абвясціць Сацыялістычную Савецкую Рэспубліку Беларусі (ССРБ), а саму сябе – I з’ездам Камуністычнай партыі (большавікоў) Беларусі. У склад ССРБ з’езд уключыў Віцебскую, Гродзенскую, Мінскую, Магілёўскую, Смаленскую губерні, а таксама часткі Ковенскай, Віленскай і Чарнігаўскай губерняў [20, с. 347–348]. У пераліку адсутнічала значная частка Віленскай губерні, далучанай большавікамі да Літоўскай ССР. 1 студзеня 1919 г. быў падпісаны Маніфест Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі, якім *абвешчалася Беларускае савецкае незалежнае рэспубліка* [21, с. 219–220]. Зразумела, што дзяржаўная незалежнасць Беларусі не была поўнай. Не паспеў урад Беларусі пачаць працу, як 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) прыняў рашэнне выдзеліць з рэспублікі Віцебскую, Магілёўскую і Смаленскую губерні, пакінуўшы ў яе складзе Мінскую і Гродзенскую [14, с. 182–183]. ЦК КП(б) не пагадзілася з гэтым рашэннем. Ленін, азнаёміўшыся з яго пазіцыяй, зазначыў: «Рэспубліка – буферная і нужна постольку, пскольку граничит с другими странами. Поскольку Смоленская, Витебская и Могилевская губернии не граничат с другими странами – постольку их можно исключить» [22, с. 92].

2–3 лютага 1919 г. у Мінску працаваў I Усебеларускі з’езд Саветаў, з 230 дэлегатаў якога 213 з’яўляліся членамі РКП(б), 17 – спачуваючымі большавікам. Яны прадстаўлялі Мінскую, Смаленскую, Віленскую, Гродзенскую, Магілёўскую губерні, а таксама бежанскія арганізацыі [23, с. 143]. 3 лютага ён прыняў першую *Канстытуцыю ССРБ*, чым заклаў прававую аснову дзяржаўнага і грамадскага ладу [24, с. 187–190], а таксама *Дэкларацыю аб аб’яднанні Беларусі і Літвы ў адзіную савецкую рэспубліку*. 27 лютага 1919 г. на пасяджэнні ЦВК Літоўскай ССР і ЦВК ССРБ было прынята рашэнне аб утварэнні ССР Літвы і Беларусі (ЛітБел) з яе ЦВК і СНК [23, с. 148–149]. У складзе гэтых органаў не знайшлося месца большавікам-беларусам [16, с. 46].

Але ЛітБел праіснавала нядоўга: 2 сакавіка палякі захапілі Слонім, 21 красавіка – Вільню, 8 жніўня – Мінск. Восенню 1919 г. уся тэрыторыя ЛітБел была занята польскімі войскамі. Мяжа ўстанавілася на лініі Дзісна – Бабруйск і па рацэ Бярэзіне. Хуткія поспехі польскіх войскаў тлумачыліся не столькі іх лепшай падрыхтаванасцю, спрыяльным ваенна-тактычным становішчам, чаго нельга выключыць, колькі паводзінамі пераважнай часткі насельніцтва – сялянства. Акадэмік **І.М. Ігнаценка** адзначае, што малазямельныя сяляне не падтрымалі савецкую ўладу з-за памылак кіраўніцтва ЛітБела, «что, естественно, способствовало быстрому продвижению польских войск по территории республики» [14, с. 195]. На сярэдзіну ліпеня 1919 г. ЛітБел фактычна перастала існаваць. 2 красавіка 1920 г. урад РСФСР прызнаў незалежнасць буржуазнай Літвы, а 12 ліпеня гэтага ж года падпісаў у Маскве мірны дагавор з ёю, што *юрыдычна афармлялася ліквідацыя Літоўска-Беларускай ССР*. Гэта дзяржава, па меркаванні **В. Кнорына**, паступова «траціла сваю ўяўную незалежнасць і становілася фактычна часткай РСФСР, адміністрацыйна падпарадкаванай Маскве нароўні з астатнімі губернямі. Гэта цэлая эпопея развіцця Беларусі, зараджэння, росту і завядання нашай рэспублікі...» [25, с. 47].

У самой Польшчы не існавала адзінага пункта гледжання адносна дзяржаўнасці Беларусі. Яскрава выявіліся два пункты гледжання яе палітычнай эліты. На погляд **П. Вандзіча**, польскія нацыяналісты меркавалі анексіраваць Заходнюю Беларусь – каталіцкую і падвергнутую паланізацыі, але не зацікаўлены ў яе “рускай”, праваслаўнай часткі [26, с. 509]. Сапраўды, нацыянальныя дэмакраты на чале з **Р. Дмоўскім** актыўна выступалі ў падтрымку інкарпарацыйнай праграмы. Яна прадугледжвала далучэнне да Польшчы ўсходніх тэрыторый былой Рэчы Паспалітай. Беларусі ў ікраінаў меркавалася паступова асіміляваць, каб яны з цягам часу сталі палякамі. Яго галоўным палітычным апанентам выступаў **Ю. Пілсудскі**, родам з Віленшчыны, адзін з лідараў Польскай сацыялістычнай партыі. У разглядаемы час прапанаваў федэратыўную праграму, якая прадугледжвала стварэнне федэрацыі суверэнных дзяржаў. На першым этапе ў яе, меркавалася, павінны былі ўвайсці Польшча, Літва, Беларусь і Украіна [19, с. 190], уклаўшы ў форму гэтай дзяржавы польскі змест. Затым да яе планавалася далучыць краіны Цэнтральна-Усходняй Еўропы ад Балтыйскага мора да Чорнага і Адрыятычнага. Такая федэрацыя, на яго погляд, магла б прырэчыць дамінаванню Германіі і Савецкай Расіі. Аднак у польскай знешняй палітыцы перамагла інкарпарацыйная пазіцыя нацыянальных дэмакратаў. Характэрна, што на трэці дзень пасля заняцця палякамі Вільні **Ю. Пілсудскі** выступіў з адоз-

вай «*Да жыхароў былога Вялікага княства Літоўскага*». Ён прапанаваў ім самім вырашаць унутраныя, рэлігійныя і нацыянальныя пытанні, стварыць *федэрацыю Польшчы, Беларусі, Літвы і Украіны ў межах 1772 г.*, Вільні, Гродну і Коўну прапаноўваў статус асобных кантонаў. Аднак такі план не задавальняў па розных прычынах усе бакі.

8 снежня 1919 г. Вярхоўны савет Антанты вызначыў усходнюю мяжу Польшчы. Яна атрымала назву «*лініі Керзона*» па імені яе ініцыятара міністра замежных спраў Вялікабрытаніі **Дж. Керзона** [27, с. 576]. Не жадаючы абвастраць адносіны з Антантай, Ю. Пілсудскі скарэктаваў свае ваенныя планы – паставіў задачу «вызваліць» ад Саветаў тэрыторыю Беларусі і Украіны, якая ўваходзіла ў склад Рэчы Паспалітай да яе першага падзелу ў 1772 г. Землі на захад ад мяжы, устаноўленай у 1793 г., планавалася ўключыць у склад Польшчы, а на прасторы паміж усходняй мяжой 1793 г. і мяжой, існаваўшай да 1772 г., утварыць буферныя і саюзныя з Польшчай Беларускаю і Украінскую дзяржавы, на землях якіх свабодна і гарантавана прысутнічаў бы палітычны, эканамічны і духоўны польскі ўплыў [28, с. 23]. З гэтай мэтай польскі ўрад **І. Падарэўскага** пачаў перамовы са старшынёй Савета народных міністраў БНР **А. Луцкевічам**, які ў цэлым пагадзіўся з польскімі прапановамі. Ён лічыў, што лепш мець аўтаномію Беларусі і тым самым зберагчы асноўныя этнічныя землі беларусаў ад рабаўніцтва, чым нічога не мець: Савецкая Расія і Германія не прапаноўвалі нават гэтага. Прапольскую пазіцыю займалі і такія беларускія дзеячы, як **Я. Лёсік**, **А. Смоліч**, **І. Серада**, **В. Іваноўскі**, **К. Цярэшчанка**, **С. Рак-Міхайлоўскі** і інш. Але значная частка беларускіх нацыянал-дэмакратаў арыентаваліся на краіны Антанты і былі гатовы да таго, каб міжнародныя ваенныя сілы прынялі пад сваю ахову тэрыторыю БНР [16, с. 68, 71].

У такіх умовах 12 снежня 1919 г. у Мінску з дазволу польскіх акупацыйных улад *пачала працу* Рада БНР, расколтая на дзве часткі: *эсэры і сацыялісты-федэралісты выступалі супраць пагаднення з урадам Польшчы*, а група БНК *на чале з сацыял-дэмакратамі імкнулася, наадварот, заключыць дагавор з палякамі, ідучы насустрач пажаданням* Ю. Пілсудскага *аб прыняцці* Радай БНР *Граматы аб федэрацыі Беларусі з Польшчай*. У выніку 50 з 87 членаў Рады з ліку эсэраў і сацыялістаў-федэралістаў абвясцілі Раду праваздольнай, выключыўшы са свайго складу сацыял-дэмакратаў і іх паплечнікаў, пацвердзілі Устаўную грамату ад 25 сакавіка 1918 г. аб незалежнасці Беларусі, выступілі супраць плебісцыту на конт польскай улады ў краі, выбралі новы склад прэзідыума Рады і замянілі ўрад А. Луцкевіча ўрадам **В. Ластоўскага**. На чале Народнай рады стаў **П. Крачэўскі**, а яго намеснікамі – **П. Ба-**

дунова і В. Захарка. Пасля такога рашэння яны вымушаны былі эміграваць у Германію [29, с. 67]. Меншасць Рады (37 чалавек) абвясціла сябе Найвышэйшай радай і пацвердзіла паўнамоцтвы ўрада А. Луцкевіча. Найвышэйшую раду ўзначаліў сацыял-дэмакрат **Я. Лёсік** [30, с. 388]. Улічваючы гэта, польскія ўлады разагналі Народную раду за ўзурпацыю паўнамоцтваў, арыштавалі шэраг яе членаў, перагледзелі сваю палітыку адносна Беларусі. Ю. Пілсудскі на нарадзе ў Вільні 1 лютага 1920 г. выказаўся за культурную аўтаномію Беларусі, а прэм'ер-міністр Польшчы **Л. Скульскі** 22 красавіка гэтага ж года заявіў, што ўрад Польшчы вырашыў прызнаць права насельніцтва Беларусі на самакіраванне ў складзе Польшчы, але не падтрымліваў яго імкнення да дзяржаўнай незалежнасці. Аднак 30 красавіка 1920 г. Цэнтральная беларуская рада Віленшчыны і Гродна, БНК у Мінску выступілі супраць гэтай заявы, адстойваючы дзяржаўную незалежнасць Беларусі. У маі 1920 г. Найвышэйшая рада БНР, улічваючы складанае становішча на польска-савецкім фронце, прапанавала Польшчы заключыць дагавор тыпу Люблінскай уніі. Паводле яго Беларусь і Польшча знаходзіліся б у федэратыўнай сувязі, мелі б агульны сойм, але свае ўрады, войскі, заканадаўства, фінансы. Польскі бок не адказаў на гэту прапанову. У наступным месяцы Найвышэйшая рада дамагалася прызнання незалежнасці БНР і перадачы Беларусі да склікання Устаноўчага сойма пад пратэктарат Лігі Нацый [30, с. 388]. Аднак апошняя не лічыла беларускае пытанне важным.

Сапраўдныя адносіны Польшчы да суверэннасці Беларусі праявіліся ў сувязі з заключэннем Рыжскага мірнага дагавора. Перагаворы з Польшчай вяла расійска-ўкраінская дэлегацыя на чале з членам ЦК РКП(б) А. Іофэ. Ён адкрыта гаварыў аб прычынах перадачы Літве Вільні з краем у 1920 г.: «Товарищи, есть ли о чем говорить. Сейчас мы ведем войну с Польшей. Уступая жадным литовским ксендзам белорусскую территорию с гор. Вильня, мы, благодаря этому, не только обеспечиваем наш правый фланг, но в некоторых случаях получаем и помощь со стороны Литвы. Если мы Польшу победим, то и дни клерикально-буржуазной Литвы будут сочтены. Если же нам придется отступить вглубь Белоруссии, то мы оставляем этой ксендзовской Литве такое количество белорусского населения, которого она никогда не переварит. В результате недоразумений между литовцами и беларусами, которые мы считаем неизбежными, мы будем иметь революцию, которая, в свою очередь, сотрет с лица земли клерикально-буржуазную Литву» [31, с. 72–73].

Згодна з **У.Е. Снапкоўскім** польская дэлегацыя не супярэчыла ўдзелу УССР у перамовах, але рашуча выступіла, як і дэлегацыя РСФСР, су-

праць удзелу ў яе працы дэлегацыі ССРБ, адмаўляючы за ёй статус незалежнай і суверэннай дзяржавы [32, с. 111]. *18 сакавіка 1921 г. у Рызе быў падпісаны Мірны дагавор паміж Расіяй і Украінай з аднаго боку і Польшчай – з другога*. Бакі прызнавалі незалежнасць Украіны і Беларусі і вызначылі паміж сабой мяжу. Асобам рускай, украінскай і беларускай нацыянальнасцей, якія пражывалі ў Польшчы, прадастаўляліся ўсе правы на свабоднае развіццё культуры, мовы і выкананне рэлігійных абрадаў. Расія і Украіна таксама абавязваліся асобам польскай нацыянальнасці прадаставіць тым жа правамі на тэрыторыі Расіі, Украіны і Беларусі [33, с. 12–14, 17].

Такім чынам, выкладзены матэрыял дазваляе заключыць, што рэвалюцыі 1917 г. у Расіі падштурхнулі рух беларусаў у канчатковым выніку да дзяржаўнай незалежнасці. Аднак вырашэнне гэтага пытання ў многім залежала ад пазіцыі Савецкай Расіі, Германіі, а таксама Польшчы. Апошняя не прадаставіла ёй не толькі дзяржаўнага суверэнітэта, але нават культурна-нацыянальнай аўтаноміі, што супярэчыла нормам Рыжскага мірнага дагавора. У адрозненне ад Польшчы, РСФСР на частцы этнічнай тэрыторыі беларусаў дазволіла сфарміраваць беларускую дзяржаўнасць на савецкай аснове. Не трэба прыніжаць значэнне гэтага факта для беларусаў, бо ні Германія, ні Польшча не пайшлі на такі крок. Але нельга ўзвялічваць гэту падзею, таму што РСФСР пры ўтварэнні ССРБ кіравалася сваімі стратэгічнымі і тактычнымі інтарэсамі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Запруднік, Я. Справа аўтаноміі Беларусі ў першай Думе і «Наша ніва» / Я. Запруднік // 3 гісторыяў на «Вы»: Вып. 3. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 351 с.
2. Літаратура і мастацтва. – 1990. – 13 снеж.
3. Беларусь: энцыкл. давед. – Мінск: БелЭн, 1995. – 800 с.
4. Праатакол з'езду беларускіх нацыянальных арганізацый у Мінску 25–27 марта 1917 г. // Спадчына. – 1990. – № 4. – С. 29–33.
5. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994 – 1995. – Ч. 2. – 1995. – 560 с.
6. Плеханов, Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим / Г.В. Плеханов // Вопр. истории. – 1989. – № 12. – С. 103–106.
7. Мирный договор между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой // Спадчына. – 1993. – № 2. – С. 52–57.
8. Русско-германский дополнительный договор к мирному договору между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой от 27 августа 1918 г. // Спадчына. – 1993. – № 3. – С. 78–81.
9. Декреты Советской власти: в 13 т. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1964. – 664 с.
10. Декреты Советской власти: в 13 т. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1957. – 640 с.
11. Юхо, Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў / Я. Юхо // Спадчына. – 1991. – № 6. – С. 2–11.

12. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов: в 2 т. – М.: Политиздат, 1968–1971. – Т. 1 (1917–1918 гг.). – М.: Политиздат, 1968. – 758 с.

13. Ленин, В.И. Телеграмма Главкому И.И. Вацетису / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 37. – С. 234.

14. Игнатенко, И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск: Наука и техника, 1992. – 254 с.

15. Звезда. – 1918. – 6 окт.

16. Круталевич, В.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) / В.А. Круталевич, І.А. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1998. – 238 с.

17. Ленин, В.И. О революционной фразе / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 343–353.

18. Ленин, В.И. Речи на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 г. (вечером) / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 35. – С. 336–338.

19. Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. X–XXI стст. – Варшава: Польскі ін-т у Мінску, 2005. – 312 с.

20. Образование СССР. Сборник документов. 1917–1924 гг.: сб. док. – М.: АН СССР, 1949. – 471 с.

21. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо. – Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 1998. – 311 с.

22. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и материалы / сост. В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; науч. ред. М.Ф. Шумейко. – Минск: Лимариус, 2005. – 304 с.

23. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (старшыня) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917–1937 гг.) / І.Я. Марчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1973. – 696 с.

24. История Советской Конституции. 1917–1956 гг. – М.: Госюриздат, 1957. – 1046 с.

25. Кнорин, В.Г. Избранные статьи и речи / В.Г. Кнорин. – Минск: Беларусь, 1990. – 303 с.

26. Вандзіч, П. Дваццаты век / П. Вандзіч // История Центрально-Восточной Европы / Наталья Алексун, Даниэль Бовуа, Мари-Элизабет Дюкрё, Ежи Клочовский, Генрик Самсанович, Петр Вандич; пер. с фр.: М.Ю. Некрасов, А.Ю. Карачинский, И.А. Эгипти. – СПб.: Евразия, 2009. – 1120 с.

27. Советский энциклопедический словарь. – М.: Совет. энцикл., 1979. – 1600 с.

28. Волаціч, М. Лінія Кэрзона на фоне падзеяў і тэрытарыяльных зменаў у Усходняй Эўропе / М. Волаціч // Спадчына. – 1993. – № 6. – С. 16 – 33.

29. Глагоўская, Г. Васіль Захарка – другі Прэзідэнт БНР / Г. Глагоўская // Спадчына. – 1994. – № 1. – С. 70 – 74.

30. Сідарэвіч, А.М. Беларускае Народнае Рэспубліка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 1. – Мінск: БелЭн, 1993. – 494 с.

31. Пратэст Захаркі прэзідэнту Летувы // Спадчына. – 1994. – № 1. – С. 72–74.
32. Снапкоўскі, У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі : вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін : у 2 ч. – Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2004. – 303 с.
33. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей – с другой // Спадчына. – 1993. – № 4. – С. 12–22.

УДК 947.6 “1917/1991”

І. У. Вішнеўская

КАНЦЭПЦЫЯ НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАГА БУДАЎНІЦТВА І ШЛЯХІ ЯЕ РЭАЛІЗАЦЫІ Ў БССР

Дасягненне дзяржаўнай незалежнасці складае сутнасць і асноўны змест нацыянальнай ідэалогіі кожнага народа, які знаходзіцца ў залежным стане ад іншай нацыі. Беларускі народ не выключэнне. Пачынаючы з другой паловы XIX ст. у асяродку нацыянальна арыентаванай беларускай інтэлігенцыі выпрацоўваюцца разнастайныя канцэпцыі дзяржаўнага самавызначэння. Кожная прадстаўляла пэўны праект утварэння беларускай дзяржавы. У аснову большасці такіх праектаў была пакладзена праграма Беларускай Сацыялістычнай Грамады, якая звязвала дзяржаўнае самавызначэнне беларусаў з дэмакратычнай рэвалюцыяй у Расіі і звяржэннем самаўладдзя. Беларусь бачылася краёвай (тэрытарыяльнай) аўтаноміяй у складзе расійскай рэспублікі з уласным парламентам (соймам) і выразным размежаваннем кампетэнцый федэральных і краёвых органаў.

Пасля рэвалюцыйных падзей 1917 г. выявіліся два шляхі пабудовы незалежнай беларускай дзяржавы: тэрытарыяльная аўтаномія, як частка агульнай расійскай рэспублікі і ўнітарная беларуская суверэнная рэспубліка. Апошні праект быў упершыню сфармуляваны Вацлавам Ластоўскім, ідэолагам беларускага адраджэння, стваральнікам палітычнай арганізацыі “Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі” (1916 г.). Спроба рэалізацыі гэтага праекта была прадпрынята Радай Беларускай Народнай Рэспублікі ў сакавіку 1918 г., але, на жаль, не мела практычнага выніку.

Фактычна беларуская дзяржава ўзнікла ў савецкім варыянце 1 студзеня 1919 г. у выніку намаганняў беларускіх пракамуністычных сіл (беларускія секцыі РСДРП). Але працэс дзяржаўнага станаўлення быў замаруджаны Грамадзянскай вайной, адмоўнымі адносінамі да факта дзяржаўнага са-

мавызначэння Беларусі з боку суседніх краін, а таксама неразуменнем важнасці гэтага працэсу самімі беларусамі. Таму практычная рэалізацыя ідэі дзяржаўнага будаўніцтва пачынаецца толькі з 1920 г.

31 ліпеня 1920 г. была абвешчана Дэкларацыя аб незалежнасці БССР, у якой пацвярджаліся асноўныя палітычныя і гаспадарчыя прынцыпы беларускай савецкай дзяржаўнасці, заяўленыя пры ўтварэнні БССР і юрыдычна замацаваныя ў рашэннях I Усебеларускага з’езда Саветаў рабочых, сялянскіх, батрацкіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў 2–3 лютага 1919 г. У Дэкларацыі аб незалежнасці БССР падкрэслівалася, што рэспубліка з’яўляецца суверэннай савецкай дзяржавай.

Далейшае канстытуцыйнае афармленне Беларускай ССР было здзейснена на II Усебеларускім з’ездзе Саветаў рабочых, сялянскіх, батрацкіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў (снежань 1920 г.). Нягледзячы на тое, што ў дапаўненнях да Канстытуцыі ССР Беларусі, прынятых на гэтым з’ездзе, пытанне аб суверэннасці рэспублікі прама не ставілася, у прывітальных зваротах да РСФСР і УССР гаварылася, што “ў аснову ўсіх далейшых узаемаадносін паміж ССРБ, Расійскай і Украінскай савецкімі рэспублікамі павінна легчы прызнанне незалежнасці ССРБ, заяўленае ад імя УЦВК на I з’ездзе Саветаў рабочых, сялянскіх, батрацкіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў Беларусі.” [1, с. 251]. Па сутнасці, на I Усебеларускім з’ездзе Саветаў былі вызначаны не толькі прынцыпы аб’яднання савецкіх рэспублік у саюз, але і форма гэтага саюза. Так, у Дэкларацыі “Аб устанавленні цеснай федэратыўнай сувязі паміж БССР і РСФСР” падкрэслівалася, што “толькі свабодны дабравольны саюз працоўных усіх незалежных савецкіх рэспублік забяспечыць перамогу рабочых і сялян у іх барацьбе з усім астатнім капіталістычным светам.” [2, с. 225]. У сувязі з гэтым з’езд пастанаўляў пачаць перагаворы з РСФСР па ўстанавленні федэратыўнай сувязі паміж дзвюма дзяржавамі і звярнуцца з прапановаю да ўсіх незалежных савецкіх рэспублік далучыцца да перагаворнага працэсу.

Якасна новыя ўзаемаадносіны БССР з РСФСР заканадаўча былі замацаваны ў Саюзным рабоча-сялянскім дагаворы ад 16 студзеня 1921 г. У ім прызнавалася “незалежнасць і суверэннасць кожнага з дагаворных бакоў”, падкрэслівалася, што “з самага факта ранейшай прыналежнасці тэрыторыі ССРБ да былой Расійскай імперыі для ССРБ не вынікае ніякіх абавязальстваў у адносінах да каго б там ні было” [1, с. 265–266]. Галоўнымі мэтамі заключэння саюзнага дагавора абвешчаліся абарона краін, а таксама інтарэсы гаспадарчага будаўніцтва. Таму саюз паміж дзвюма савецкімі дзяржавамі характарызаваўся як ваенна-гаспадарчы. Форма і змест саюзнага дагавора сведчаць аб тым, што ас-

новай узаемаадносін бачылася ідэя палітычнай роўнасці. Але ў практыцы рэалізацыі апошняй мела месца дваістасць юрыдычнага статуса Беларусі, бо аб'яднаныя камісарыяты, а таксама Вышэйшыя Саветы Народнай гаспадаркі ўваходзілі ў склад Саўнаркама РСФСР, а ва ўрадзе БССР мелі толькі сваіх упаўнаважаных. Абвешчанае суверэннае БССР будавала свае адносіны з РСФСР фактычна на аўтаномных пачатках.

У асяроддзі партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва былі як прыхільнікі сапраўднай незалежнасці (А. Чарвякоў, Зм. Жылуновіч, У. Ігнатоўскі і інш.), так і тыя, што жадалі бачыць Беларусь толькі часткай тэрыторыі савецкай Расіі. Напрыклад, у кастрычніку 1920 г. у артыкуле “Мір і Беларусь” сакратар ЦК КП(б)Б В.Г. Кнорын сцвярджаў: “Беларусь вызначылася як Савецкая Рэспубліка, уваходзячая ў Расійскую Федэрацыю і такой яна будзе.” [3, с. 128]. “Састаўной часткай РСФСР” названа наша краіна ў матэрыялах III з’езда КП(б) Беларусі (лістапад 1920 г.)” [3, с. 128]. У 1922 г. партыйнае і савецкае кіраўніцтва РСФСР і іншых савецкіх рэспублік пачало сістэматычна абмяркоўваць пытанне юрыдычнага афармлення аб’яднання рэспублік у адзіную дзяржаву. Падчас абмеркавання выявіліся два падыходы да формы пабудовы новай дзяржавы. Адзін з іх прадстаўляў І. Сталін, другі – У. Ленін. Сталін, які ў РСФСР быў адказным за нацыянальную палітыку, лічыў, што рэалізацыя права нацый на самавызначэнне не павінна ісці далей за аўтаномію. У пісьме У. Леніну ў 1922 г. ён асуджаў камуністаў нацыянальных рэгіёнаў, якія “гульнію ў незалежнасць адмаўляюцца разумець як гульнію, упорна прызнаючы словы аб незалежнасці за сапраўдную манету і таксама ўпорна патрабуючы ад нас ажыццяўлення літары канстытуцыі незалежных рэспублік.” [3, с. 131]. І далей рабіў выснову: “каб формы ўзаемаадносін паміж цэнтрам і ўскраінамі адпавядалі фактычнаму становішчу спраў, фіктыўная незалежнасць павінна быць заменена рэальнай аўтаноміяй.” [3, с. 131]. Старшыня Саўнаркама У. Ленін выказаў нязгоду з канцэпцыяй аўтанамізацыі і настойваў на неабходнасці стварыць “новы паверх, федэрацыю раўнапраўных рэспублік.” [3, с. 132]. Згодна з гэтай ідэяй усе незалежныя рэспублікі, уключаючы РСФСР, павінны быць у роўным прававым становішчы. “Мы, – пісаў У. Ленін, – прызнаём сябе раўнапраўнымі з Украінскай ССР і інш. і разам і нароўні з імі ўваходзім у новы саюз, новую федэрацыю – Саюз Савецкіх Рэспублік Еўропы і Азіі” [3, с. 132–133]. Прынцып, прапанаваны Леніным быў падтрыманы ўсімі савецкімі рэспублікамі, у тым ліку і Беларуссю. На IV Усебеларускім з’ездзе Саветаў у снежні 1922 г. была прынята пастанова аб неабходнасці аб’яднання рэспублік на аснове ўзаемнай роўнасці, цесных эканамічных і палітычных сувязяў. У рэзалюцыі з’езда падкрэслівалася, што такое аб’яднанне павінна забяспечыць самастойнае нацыянальна-культурнае

будаўніцтва і стварыць неабходныя гарантыі для праяўлення гаспадарчай ініцыятывы кожнага з яго членаў.

30 снежня 1922 г. I з’езд Саветаў СССР зацвердзіў праект Дагавора і Дэкларацыі аб утварэнні СССР. Пасля дадатковага разгляду 31 студзеня 1924 г. II Усесаюзным з’ездам Саветаў была зацверджана першая савецкая Канстытуцыя. Дагавор і Дэкларацыя аб утварэнні СССР набылі сілу закона з уводам у дзеянне першай Канстытуцыі СССР, прынятай 2-й сесіяй ЦВК СССР 6 ліпеня 1923 г.

Такім чынам, у перыяд з 30 снежня 1922 г. да 6 ліпеня 1923 г. федэратыўная дзяржава знаходзілася ў стадыі канстытуцыйнага афармлення. У цэлым яна давала магчымасці для развіцця федэрацыі ў дэмакратычным напрамку, выроўнівання эканамічнага і культурнага развіцця нацый. Разам з тым у Асноўны Закон увайшоў пастулат аб абмежаванасці суверэннітэту рэспублік на карысць цэнтральных органаў, які хаваў у сабе небяспеку зацвярджэння безумоўнага прыярытэту агульных інтарэсаў над інтарэсамі нацыянальнымі. Сталін ва ўмовах таталітарнага палітыка-прававога рэжыму цалкам рэалізаваў сваю ідэю аўтанамізацыі.

Другім напрамкам нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва БССР стала барацьба яе лідараў за зварот этнічных беларускіх зямель, якія ў час Грамадзянскай вайны адышлі да РСФСР. Выступаючы на VII з’ездзе Кампартыі Беларусі кіраўнікі рэспублікі А. Чарвякоў, У. Ігнатоўскі і іншыя выказваліся за ўзбуйненне Беларускай ССР, разумеючы што гэты працэс стане магутным імпульсам да развіцця ўсіх вытворчых сіл краіны.

Больш разгорнутае абгрунтаванне неабходнасці захавання тэрытарыяльна-этнічнай цэласнасці Беларусі было дадзена ў 1923 г. у дакладной запісцы ЦК КП(б)Б у ЦК РКП(б) па пытанні аб тэрыторыі Беларускай ССР. У ёй звярталася ўвага на тое, што “ў момант абвешчэння Савецкай Беларусі было прынята пад увагу палітычнае значэнне гэтага абвешчэння, але не былі ўлічаны ўсе тыя асаблівасці, якія выдзяляюць Беларусь у асобы рэгіён у эканамічным, нацыянальна-бытавым і ў іншых адносінах і гэтым вызначаюць тэрыторыю Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі.” [4, с. 67]. Зыходзячы з гэтага, кіраўнікі КП(б)Б і Беларускай дзяржавы рабілі выснову аб тым, што гаспадарчае, дзяржаўнае і культурнае развіццё Беларусі стрымліваецца невялікай тэрыторыяй і штучным разрывам гаспадарчых і культурных сувязяў паміж рэгіёнамі, якія складаліся на працягу стагоддзяў.

У пачатку сакавіка 1924 г. адбылося першае ўзбуйненне БССР. У яе склад былі ўключаны 15 паветаў і асобныя воласці Віцебскай, Гомельскай і Смаленскай губерняў. Але паўднёва-ўсходняя частка Беларусі

заставалася ў складзе РСФСР. 26 верасня 1926 г. у пісьме ЦК КП(б)Б, накіраваным у ЦК УКП(б) падкрэслівалася, што пытанне аб вяртанні беларускіх тэрыторый павінна быць станоўча вырашана па прычынах агульнапалітычных меркаванняў, эканамічнага будаўніцтва, нацыянальнага складу насельніцтва. У выніку другога ўзбуджэння тэрыторыя БССР павялічылася на 15 727 км² і складала 126 311 км². Вяртанне БССР тэрыторый на яе ўсходніх межах значна ўзмацніла эканамічны патэнцыял краіны, стварыла магчымасці для культурнага развіцця.

Ідэалогія нацыянальнага адраджэння, а значыць, і ўмацавання суверэнітэту рэспублікі рэалізоўвалася таксама праз палітыку беларусізацыі. Па сутнасці, яна ўяўляла сабою прыстасаванне нацыянальнай палітыкі большавікоў да эканамічных, сацыяльных, этнічных умоў, гістарычных і культурных традыцый беларусаў. Гэта была дзяржаўная палітыка, падтрыманая і распрацаваная ў вышэйшых кіруючых структурах КП(б)Б. Але як ні парадаксальна, у сваім асноўным змесце палітыка беларусізацыі вырастала з ідэі і практыкі беларускага нацыянальнага руху. Асноўныя прынцыпы, нормы, формы і метады палітыкі беларусізацыі распрацоўваюцца на партыйных з'ездах у 1920–1924 гг. Так, у рэзалюцыі Х з'езда КП(б)Б было запісана: “Партыя павінна дапамагчы прыгнечаным масам не велікарускіх народаў: развіць і ўзмацніць у сябе савецкую дзяржаўнасць у формах, адпавядаючых нацыянальна-бытавым умовам гэтых народаў; б) развіць і ўзмацніць у сябе дзейныя ў роднай мове суд, адміністрацыйныя ўстановы, гаспадарчыя ўстановы ўлады, складзеныя з людзей мясцовых, ведаючых быт і псіхалогію мясцовага жыхарства; в) развіць у сябе прэсу, школу, тэатр, клубную справу і наогул культурна-асветныя ўстановы ў роднай мове; г) паставіць і развіць шырокую сець курсаў і школаў як агульнаадукацыйнага, так і прафесіянальна-тэхнічнага напрамку ў роднай мове для хутчэйшай падгатоўкі мясцовых кадраў па ўсім галінам кіравання і найраней у галіне асветы.” [5, с. 132–133].

Ідэя беларусізацыі ішла ад практыкі і адразу ж пераўтваралася ў канкрэтныя дзеянні. Ідэолагі палітыкі беларусізацыі бачылі сваю задачу ў тым, каб прыстасаваць асноўныя канцэптуальныя падыходы і накірункі нацыянальнага адраджэння, якія вызначыў беларускі нацыянальны рух да канкрэтных абставін, суаднесці іх з тэорыяй і практыкай савецкага будаўніцтва.

Пашырэнне тэрыторыі Беларусі і правядзенне палітыкі беларусізацыі аказалі значны ўплыў на настрой беларускай эміграцыі і насельніцтва Заходняй Беларусі. Палітыка ўрада Савецкай Беларусі ўспрымалася як правядзенне ў жыццё ідэалаў нацыянальна-вызваленчага руху.

Такім чынам, у 20-я гг. мінулага стагоддзя асноўныя напрамкі нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва – заканадаўчае замацаванне суверэнітэту краіны і афармленне яе тэрыторыі і беларусізацыя былі часткова рэалізаваны. Вялікая заслуга ў гэтым належала левым плыням нацыянальна-вызваленчага руху, якія ўспрынялі марксісцка-ленінскую ідэалогію, далучыліся да бальшавіцкай партыі, падтрымалі Савецкую ўладу, аднак не адмовіліся ад ідэі дзяржаўнага самавызначэння беларускага народа. Многія з іх увайшлі ў вышэйшыя органы партыйнага і савецкага кіраўніцтва Беларусі. Сярод апошніх былі старшыня ЦВК БССР А. Чарвякоў, наркам асветы У. Ігнатоўскі, рэдактар “Савецкай Беларусі” З. Жылуновіч, намеснік наркама замежных спраў А. Бурбіс, намеснік наркама асветы А. Баліцкі і многія іншыя.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. История Советской Конституции. 1917–1956 : сб. док. / отв. ред. Д.А. Гайдук, В.Ф. Коток. – М. : АН СССР, 1957. – 551 с.
2. Вішнеўскі, А., Юхо, Я. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А. Вішнеўскі, Я. Юхо. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 1998. – 320 с.
3. Круталевіч, В.А., Юхо, І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) / В.А. Круталевіч, І.А. Юхо. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 238 с.
4. Ладзеў, У.Ф., Брыгадзін, П.І. На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У.Ф. Ладзеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 128 с.
5. Кароль, А. Беларусізацыя – палітыка нацыянальнага адраджэння / А. Кароль // Крыжовы шлях : дапам. для вывучаючых гісторыю Беларусі / А. Кароль. – Мінск : Згода, 1993. – С. 118–165.

УДК 947.6 «1917/1918»

С.Ф. Лапановіч

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА НЕОКУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ 1917–1918 гг.

В период Первой мировой войны территория белорусских губерний Российской империи была разделена на две части – в 1915 г. немецкая армия оккупировала Гродненскую, часть Минской и Виленской губер-

ний. Под российской властью остались части Минской, Виленской, а также Витебская и Могилевская губернии. После Февральской революции 1917 г., когда весной наблюдалось фактическое двоевластие Временного правительства и различных Советов, на съезде представителей советов названных губерний для централизации руководства на местах была создана (как временное объединение) Западная область. При этом реальным центром силы в регионе был Западный фронт российской армии, театр боевых действий и тыловая зона которого занимали значительную часть неоккупированной территории Беларуси.

В результате вооруженного восстания 25–26 октября (по старому стилю) 1917 г., главными организаторами которого была партия большевиков во главе с В.И. Лениным (Ульяновым), а непосредственное руководство осуществлял Военно-революционный комитет (ВРК) Петроградского Совета, Временное правительство было свергнуто. 25–27 октября состоялся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором был избран высший орган советской власти – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), и сформировано первое советское правительство – Совет народных комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным.

Первое сообщение о событиях в Петрограде поступило в Минск в час ночи 26 октября 1917 г. В тот же день состоялось заседание исполкома Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали только представители от партии большевиков. Исполнительный комитет Минского Совета издал приказ № 1, в котором указывалось, что власть в Минске перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революционным организациям и политическим партиям края с предложением немедленно начать формирование временных органов революционной власти на местах [2, с. 36].

26 октября 1917 г. Минский и Областной Совет по примеру Петроградского ВРК создали Военно-революционный комитет Западного фронта, который возглавил борьбу против антисоветских организаций. В документах имеет также названия Революционный комитет, Временный военно-революционный комитет, ВРК Западной области, Военно-революционный комитет Минска и Западного фронта, Минский ВРК, Военревком Минского Совета, Военно-революционный комитет Северо-Западной области и Западного фронта. В состав комитета входили лидеры большевиков белорусских губерний И.Я. Алибегов, С.И. Берсон, В.В. Вашкевич, М.И. Калманович, В.Г. Кнорин, Н.И. Кривошеин, К.И. Ландер (председатель бюро ВРК), А.Ф. Мясников, Н.В. Рогзинский и др. (всего более 25 чел.) [9].

Штаб Западного фронта сообщил в Ставку верховного командования, что власть в Минске захватил Совет рабочих и солдатских депутатов. Совместно Штабом Западного фронта, фронтовым комитетом и руководством партий эсеров, меньшевиков, бундовцев был образован Комитет спасения революции под председательством Т. Колотухина, который предъявил Минскому Совету ультиматум и требовал передать ему всю власть. Большевистский Совет не имел достаточных вооруженных сил в городе и поэтому вынужден был пойти на тактический компромисс: он формально передал власть на Западном фронте Комитету спасения революции, последний обязывался не направлять войска на Петроград и Москву.

Однако обстоятельства в городе за два-три дня заметно изменились. 30 октября 1917 г. сначала городское собрание правлений и комитетов профсоюзов приняло постановление о поддержке власти Советов, а затем II съезд гренадерского корпуса 2-й армии заявил о готовности корпуса защищать новую революцию. Советскую власть поддержали также дивизионный комитет при Штабе Западного фронта, съезд комитетов 10-й армии, комитеты ряда корпусов и дивизий. В Минск прибыл бронированный поезд, который взял под охрану Минский Совет и город. Власть Советов поддержал II съезд 2-й армии. Учитывая новые обстоятельства, ВРК принял постановление о роспуске Комитета спасения революции, взял всю власть в свои руки, назначил временно исполняющим обязанности командующего Западным фронтом подполковника В. Каменщикова [2, с. 37].

Вечером 2 ноября 1917 г. в городском театре состоялось собрание Минского Совета рабочих и солдатских депутатов вместе с представителями воинских и фабрично-заводских комитетов. Собрание обсудил доклад большевика А.Ф. Мясникова о задачах, которые нужно было осуществить Советской власти. В конце октября – начале ноября 1917 г. Советская власть устанавливалась в ряде других городов неоккупированной территории Беларуси.

Кроме борьбы с противниками большевиков ВРК одновременно занимался административно-хозяйственной деятельностью. В составе ВРК были организованы отделы: гражданский, военный, хозяйственный, снабжения, организационный и связи, мандатный, информационный. Общее руководство работой отделов осуществляло бюро ВРК, в которое входили представители от каждого отдела. ВРК расширил свои полномочия на все административные учреждения, суд, почту, телеграф, решал различные споры, посылал своих представителей для организации ревкомов на местах [9].

Как полагает И.М. Игнатенко, сравнительно легкая победа сторонников Октябрьской революции на неоккупированной территории Беларуси была обусловлена глубоким политическим и экономическим кризисом, который явился как результатом Первой мировой войны, так и последствиями управлением страной царским и Временным правительствами. Многие граждане видели выход из кризисного положения в Декретах II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о мире, земле, формировании Временного Рабоче-Крестьянского правительства – СНК. Подавляющее большинство городских и уездных Советов Беларуси одобрило решения Советской власти [2, с. 37].

При этом отметим, что ряд Советов депутатов восприняли большевистское восстание 25–26 октября отрицательно, как государственный переворот, и потребовали создания демократического правительства. Например, на такой же позиции находился съезд крестьянских депутатов Западного фронта, который продолжал оставаться под сильным влиянием партии эсеров. Эсеры и их сторонники воспринимали большевистские декреты II Всероссийского съезда Советов не как законы, а как обычные постановления общественных организаций, как декларативные заявления некоторой части общества. По этой причине они считали, что декреты съезда должно утвердить всенародное Учредительное собрание. Правые эсеры активно вели агитацию среди крестьян, старались убедить их в том, что II Всероссийский съезд Советов стал на узкопартийную точку зрения большевиков, которые не учитывали настроение трудового крестьянства [2, с. 38].

В сложившихся обстоятельствах ВРК Западного фронта стремился закрепить победу большевиков – было решено провести съезды Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Западной области и фронта. 18 ноября 1917 г. в Минске начал работу III съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Участники съезда отметили, что Советская власть приняла Декрет о земле, начала переговоры о заключении мира, осуществляла мероприятия по улучшению условий жизни народа и по наведению порядка в стране. С этой позиции съезд выразил доверие новой власти и поддержал ее декреты, также было признано необходимым объединение исполкома крестьянских депутатов и исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов [2, с. 39].

19 ноября 1917 г. открылся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области. На съезде были представлены 17 Советов: Бобруйский, Борисовский, Ветковский, Вилейский, Ганцевичский, Игумельский, Докшицкий, Жлобинский, Замирьевский, Лунинецкий, Минский, Несвижский, Осиповичский, Речицкий, Рогачевский рабочих

и солдатских, Слуцкий и Синявский крестьянских депутатов. Большевиков было 460 человек из общего числа 560 делегатов. Из представленных Советов под влиянием эсеров и меньшевиков находились только Рогачевский и бундовцев – Осиповичский Совет [2, с. 39]. Съезд осудил социалистические партии, которые покинули II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, одобрил первые большевистские декреты. По вопросу о соглашении с другими социалистическими партиями съезд положительно высказался за соглашение только с теми политическими силами, которые признали власть Советов и новые декреты.

20 ноября 1917 г. начал работу II съезд армий Западного фронта. Из 714 делегатов, прибывших на съезд, большевиков было 473, левых эсеров – 74, эсеров правых и центристов – 7, максималистов – 9, анархистов – 5, меньшевиков – 24, беспартийных – 103.

Съезд попытался решить вопрос организации советской власти на Западном фронте и в Западной области, для чего была разработана и утверждена схема организации советов. Предусматривалась организация Советов рабочих и солдатских депутатов, Советов крестьянских депутатов и Советов батрацких депутатов, а в армии – армейских организаций. Советы крестьянских депутатов и Советы батрацких депутатов сливались в единый Совет крестьянских и батрацких депутатов, который являлся государственной властью в деревне. Советы рабочих и солдатских депутатов и Советы крестьянских и батрацких депутатов вместе с представителями армии, профессиональных союзов, железнодорожного союза и союза почтово-телеграфных служащих образовывали Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который был объявлен государственной властью в области, губерниях и армии [2, с. 39].

Единый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и Западного фронта формировался путем делегирования представителей: от съезда рабочих и солдатских депутатов – 35 человек, от съезда крестьянских депутатов – 35, от фронтового съезда – 100, от профсоюзов – 11, от железнодорожного союза – четыре, от почтово-телеграфного союза – два человека. Совет являлся высшей законодательной властью в области и на фронте. Делегации в Совет от области и фронта перевыбирались через четыре месяца на соответствующих съездах [2, с. 40].

ВРК одобрил инициативу II съезда армий Западного фронта, а также областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, крестьянского съезда Минской и Виленской губернии об организации единой власти в области и на фронте. Исполнительные комитеты этих съездов

объединились и образовали 26 ноября 1917 г. Областной исполнительный комитет Западной области и фронта (Облисполкомзап). Под руководством Северо-Западного областного комитета РКП(б) Облисполкомзап возглавлял всю военно-политическую и хозяйственную жизнь Западной области и фронта.

В состав Облисполкомзапа вошли Фронтальной комитет, исполнительные комитеты областного съезда Советов и съезда крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, представители профсоюзов, союзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. Председателем Облисполкомзапа вначале был избран Н.В. Рогозинский, затем им стал А.Ф. Мясников. В структуре Облисполкомзапа был образован президиум, 13 отделов: военный, внутренних дел, продовольственный, финансовый, национальный, земельный, работы, торговли и промышленности, народного просвещения, юстиции, почты и телеграфа, железнодорожный и опеки, а также три комиссии: редакционная, информации и связи, хозяйственная. Отделы в своей деятельности являлись автономными. Руководители отделов назывались комиссарами [8]. Отметим, что Облисполкомзап со дня образования стремился монополизировать всю власть в области и на фронте, соперничая как с другими местными большевистскими органами, так и с национально-демократическими силами.

Для координации деятельности комиссариатов и решения наиболее важных вопросов создан Совет народных комиссаров Западной области и фронта, который существовал с 26 ноября (9 декабря) 1917 г. по 25 февраля 1918 г. с центром в Минске (с 21 февраля 1918 г. в Смоленске). В период с ноября 1917 г. по январь 1918 г. должности председателя занимали К.И. Ландер, А.Ф. Мясников и М.И. Калманович. В январе 1918 г. должность председателя упразднена, создана коллегия комиссаров, которые по очереди председательствовали на заседаниях [10].

Определенный период параллельно с созданным СНК продолжал действовать прежний орган власти – Военно-революционный комитет Западного фронта (председатель бюро ВРК К.И. Ландер). Отделы СНК Западной области и фронта, созданные по аналогии с центральными органами власти – СНК РСФСР, с течением времени должны были приспособляться к местным особенностям через реорганизации, смену руководства, налаживание сотрудничества с рабочими организациями, служащими прежних правительственных учреждений, органов самоуправления и др. Мероприятия СНК нередко проводились в условиях противодействия со стороны бывших служащих государственных, общественных и других учреждений. Большинство профсоюзов относились к органам Советской власти оппозиционно и неохотно шли на сотрудничество с ними [10].

В декабре 1917 г. в Минске национально-демократическими силами был созван Всебелорусский съезд, который попытался начать создание национальных органов власти. В ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. по приказу К.И. Ландера съезд был распущен. Был распущен и Центральный белорусский военный совет, арестованы некоторые его деятели. В декабре 1917–1918 гг. по приказу СНК было прекращено издание ряда газет, для укрепления новой власти во главе с комиссариатом юстиции началось создание революционных трибуналов. Работа СНК прекращена 19 февраля 1918 г. в связи с наступлением германской армии и частей 1-го польского корпуса (после эвакуации в Смоленск СНК деятельность не возобновил) [10].

Процесс создания новых органов власти тесно связан со взглядами большевиков на проблему территориально-административного деления. Как отмечает С.А. Елизаров, старое административно-территориальное деление на губернию, уезд и волость не соответствовало планам большевиков, которые стремились к обобществлению средств производства и государственному управлению экономикой. Предшествующее административно-территориальное деление бывшей Российской империи нередко не учитывало экономические изменения, вызванные бурным развитием капитализма [1].

Будущие административно-территориальные изменения Советская власть определила в обращении «Об организации местного самоуправления» Народного комиссариата внутренних дел Советской России к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов от 24 декабря 1917 г. В документе подчеркивалось, что «многие губернские и уездные центры сохраняют до сих пор свое значение исключительно как центры административные, тогда как центрами промышленной и торговой жизни являются другие пункты тех же губерний и уездов». Именно в последние Советы должны были переместить административные центры [1]. Декретом СНК РСФСР от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» местным Советам предоставлялось право самостоятельно изменять территории губерний, уездов, волостей и создавать новые административно-территориальные единицы [1].

В декабре 1917 г. была установлена Советская власть в Витебской и Могилевской губерниях. Витебский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов состоялся 11–17 декабря 1917 г., в его работе приняли участие 500 делегатов, 70 % которых составляли большевики. Съезд признал власть, которую установил II Всероссийский съезд Советов, образованное им правительство – Совет Народных

Комиссаров, и заявил о своем стремлении проводить в жизнь декреты съезда [2, с. 40].

Съезд утвердил Положение об управлении губернией. Высшим органом власти в губернии объявлялся губернский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Из числа делегатов съезд формировал губернский Совет депутатов по принципу: по три депутата от каждого уезда, восемь – от Витебского городского Совета и 24 депутата избирались общим собранием делегатов, из них пять человек – от батраков и военных. Члены губернского Совета выбирались на полгода с правом отзыва в любое время в случае противодействия депутата воле народа [2, с. 40].

5 января 1918 г. в Могилеве раздельно состоялись II губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и IV съезд Советов крестьянских депутатов. 14 января 1918 г. состоялось объединение исполнительных комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов и Советов крестьянских депутатов Могилевской губернии. В объединенный исполком на паритетных началах вошли по 29 членов исполкомов, выбранных соответствующими съездами Советов [2, с. 40–41].

Важнейшей задачей большевиков была организация новой власти на местах. Областной и губернские Советы без установления Советской власти в уездах, городах, волостях, сельских поселениях не могли успешно провести революционные преобразования. Губернские и уездные органы Советской власти стремились расширить сеть советов на местах. Большинство волостных и местечковых Советов в Витебской и Могилевской губерниях было создано в январе – марте 1918 г.

Съезды рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Витебской и Могилевской губерний не принимали решений о вхождении этих губерний в состав Западной области и о слиянии выбранных ими исполкомов с Облисполкомзапом. Подчеркнем, что исполкомы Витебской и Могилевской губерний действовали самостоятельно, органы Советской власти этих губерний не делегировали своих представителей в состав Облисполкомзапа и областного СНК. Согласно утвержденной съездами схеме организации Советской власти Витебская и Могилевская губернии считали себя самостоятельными и признавали высшими органами власти ЦИК и СНК РСФСР [2, с. 41–42]. Таким образом, на территории Беларуси сохраняется такая основная административная единица, как губерния, само существование которой Облисполкомзап трактовал как «царский пережиток» [4]. Подобная ситуация станет поводом для серьезного противостояния Витебского и Могилевского губисполкомов с Облисполкомзапом.

В результате наступления немецкой армии и вынужденно заключенного большевиками Брестского мира вся территория Беларуси была оккупирована Германией. 19 февраля 1918 г. Облисполкомзап эвакуировался сначала в Оршу, а затем в Смоленск [2].

Западная область, согласно постановлению II съезда Советов Западной области, была реорганизована. 10–14 апреля 1918 г. в состав Западной области включена Смоленская губерния Московской области, а административный центр переместился из Минска в Смоленск. С учетом изменяющейся внутренней и внешнеполитической обстановки проекты областного деления постоянно менялись. Например, летом 1918 г. большевики видели Россию разделенной на 10 областей, а именно: Северную, Центральную, Западную, Поволжскую, Западно-Сибирскую, Центрально-Сибирскую, Дальневосточную, Уральскую, Туркестанскую и Кавказскую. Западная область с центром в Смоленске должна была включать Витебскую, Смоленскую, Могилевскую и части Черниговской, Калужской, Орловской и Курской губерний [5, с. 8]. При этом этническая территория Беларуси рассматривалась руководством Северо-Западного обкома РКП(б), Облисполкомзапа и СНК Западной области и Западного фронта как административная единица РСФСР.

Несмотря на тяжелейший кризис, большевики уделяли большое внимание восстановлению разрушенного войной хозяйства. Для организации и регулирования всей хозяйственной деятельности на территории Западной области 1 мая 1918 г. был создан Совет народного хозяйства (СНХ) Облисполкомзапа [7, л. 1]. Постановлением СНХ Западной области от 19 мая 1918 года была установлена структура совета, которая включала секретариат, статистическое отделение, и следующие отделы: финансовый транспортный, топливный, ликвидационный, торговли и кооперации, общественных работ и благоустройства, фабрично-заводской, сельскохозяйственный, страховой. В течение лета 1918 г. в результате реорганизации количество отделов увеличилось до 10, появились также экономический комитет и коллегия по управлению государственными национализированными и общественными предприятиями [6, л. 5, 11–12, 50]. Предполагалось создать четкую и разветвленную сеть СНХ на уровне области, губерний и уездов.

Деятельность Советов, их борьба с разрухой нередко встречала противодействие органов власти предшествующего периода (царского и Временного правительств) – городских дум и земств, Земгора, которые иногда саботировали выполнение решений Советской власти. В тех случаях, когда Советы не могли найти взаимопонимания с городскими думами, земскими учреждениями, ими принимались решения о ликвидации этих

органов. Но при этом значительное количество рядовых служащих бывших городских и земских учреждений были включены в состав исполнительных комитетов городских, уездных и волостных Советов в качестве хозяйственных отделов. Это имело положительное значение, поскольку у местных органов управления и самоуправления были квалифицированные кадры, которых не хватало в Советах. По мере расширения сети советов количество старых органов управления и самоуправления, соответственно, сокращалось. Советы постепенно становились единственными органами власти и управления на местах [2, с. 43–45].

Главные политические конкуренты большевиков – эсеры – активно пропагандировали идею разделения бывшей Российской империи на Московскую, Северную, Западную и Уральскую коммуны. На этом фоне между эсерами и большевиками, которые шли к полному контролю над всей территорией бывшей Российской империи, возник конфликт – большевики переехали из Петрограда, центра Северной коммуны и сильных позиций эсеров, в Москву [4]. Как считает ряд белорусских историков, в это время активизировался конфликт и в Западной области между сторонниками идеи Западной коммуны и губернскими центрами.

Как отмечает А.Н. Кукса, начало конфликту между так называемыми областниками и губернскими центрами положило решение, принятое 5 апреля 1918 г. в Тамбове А. Мясниковым и членами Президиума Областного исполнительного комитета, которые заявили о необходимости создания крупного Западного областного центра со столицей в Смоленске. В состав Западной области должны были войти Смоленская, Витебская и Могилевская губернии, причем необходимость такого объединения объяснялась слабостью политических, экономических и культурных сил губернских центров. В апреле 1918 г. также в Смоленске был созван II съезд Советов Западной области, на котором принимается решение о необходимости упразднения губернских центров. Летом 1918 г. противостояние между Облисполкомзапом и губисполкомами достигло предела, в уездные исполкомы приходили указания от одних и других, нередко противоречащие один другому [4].

30 июля – 1 августа 1918 г. в Москве состоялся съезд председателей губернских Советов, который принял резолюцию об Областном объединении Советов. В ней съезд признал возможным образование Областного советского объединения при условии хозяйственно-экономической общности интересов объединяемых губерний, или по причине затруднительности управления из центра (но непременно с утверждения центра). Учитывая такое решение, Северо-Западный областной исполком КП(б) 5 августа 1918 г. начал готовить упразднение губерний. Ликви-

дация губисполкомов поручалась Президиуму Облисполкомзапа, который должен был создать особые ликвидационные комиссии с участием представителей всех отделов Облисполкомзапа и учетно-контрольной коллегии. Следующим шагом планировалось провозглашение Западной коммуны в составе Могилевской, Минской, Смоленской и Витебской губерний с центром в Смоленске [4].

Ликвидационным комиссиям, направленным в губернские центры, чинились серьезные препятствия. Более того, в начале августа Могилевский губисполком сам поставил вопрос о необходимости упразднения Облисполкомзапа. Северо-Западный областной комитет РКП(б) даже выпустил обращение с указанием на нарушение партийной дисциплины представителями Витебского и Могилевского губисполкомов. Но во второй половине августа ситуация резко изменилась. На заседании Облисполкомзапа 14 августа 1918 г., выслушав новые инструкции из Москвы, постановили, что до особого разрешения вопроса о губернских центрах Западной области, Могилевский и Витебский губисполкомы временно сохраняют свое существование [4]. Таким образом, решение о прекращении деятельности Могилевского и Витебского губисполкомов не получило поддержки в Москве и губернские центры продолжили свое функционирование.

11–13 сентября 1918 г. на III съезде Советов Западной области последняя была переименована в Западную коммуну с центром в Смоленске (объединяла Смоленскую и тогда еще оккупированные Витебскую, Могилевскую, Минскую и Виленскую губернии). Тем временем в Петрограде Е.С. Канчер, а в Москве Белорусский национальный комиссариат и белорусские секции при РКП(б) активно пропагандировали идею создания Белорусской советской республики. Организовывали съезды беженцев-белорусов. Лидеры белорусских организаций проводили встречи с лидерами большевиков – В.И. Лениным, И.В. Сталиным, М.В. Фрунзе и др., на которых мотивировали необходимость образования белорусского советского государства [4].

Под влиянием различных факторов начинают ослабевать позиции так называемых областников. К концу 1918 г. руководство большевиков решило, что наличие самостоятельных в политическом и экономическом плане областных объединений Советов является серьезным препятствием к централизации управления страной в чрезвычайных условиях Гражданской войны и иностранной интервенции [1]. В ноябре 1918 г. большевистское руководство решило устранить все областные организации. Для разработки вопроса была создана комиссия в составе представителей Народных комиссариатов и по одному от каждой обла-

сти [4]. В административной комиссии при ВЦИК 24 ноября 1918 г. состоялся доклад по вопросу об отношении к областному делению. Мнения разделились, часть выступала за сохранение области, другие (в том числе председатель комиссии Я. Свердлов) считали, что области как территориально-административные единицы изжили себя, так как были созданы не по производственному принципу, а по географическому [4].

После отхода немцев в ноябре 1918 г. Красная Армия начала занимать территорию Беларуси. В качестве временных чрезвычайных органов на освобожденной территории были созданы Минский, Бобруйский и Молодечненский военные советы [8, л. 1–13]. 10 декабря 1918 г. Красная Армия освободила Минск.

23 декабря 1918 г. в Москве состоялось заседание комиссии ВЦИК, на котором произошло юридическое оформление Западной области как административно-территориальной единицы РСФСР. А.Ф. Мясников продолжал лоббировать идею сохранения и расширения Западной коммуны (области). По его мнению, в состав Западной коммуны должны были войти: Смоленская (за исключением двух восточных уездов), Витебская, Могилевская, Черниговская, Минская, Виленская и Ковенская губернии с областным центром в Минске [4]. Но высшее большевистское руководство решило по-другому. 25 декабря 1918 г. И.В. Сталин сообщил А.Ф. Мясникову, что ЦК партии согласился с белорусскими большевиками в вопросе образования Белорусской советской республики [4].

Таким образом, после освобождения территории Беларуси от германских войск в конце декабря 1918 г. большевики отказались от идеи восстановления Западной области (коммуны). В начале 1919 г. в силу различных политических, социально-экономических и геополитических причин была провозглашена Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ), а Западная коммуна и Облисполкомзап были ликвидированы.

Список использованных источников

1. Елизаров, С.А. Административно-территориальное деление ССРБ (январь-февраль 1919 г.) / С.А. Елизаров // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф., 20 февр. 2012 г. – Новосибирск : Сиб. ассоц. консультантов, 2012. – С. 103–108.
2. Ігнаценка, І. Кастрычніцкі этап рэвалюцыі / І. Ігнаценка // Гісторыя Беларусі : у 6 т. // рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5.
3. Кукса, А.Н. Западная область: минский период (март 1917 – февраль 1918 гг.) / А.Н. Кукса // Наука – обществу, производству, экономике : материалы 11-й Междунар. науч.-техн. конф. : в 4 т. – Минск : БНТУ, 2013. – Т. 4. – С. 59.

4. Кукса, А.Н. Конфликт между Облисполкомзапом и губернскими центрами в 1918 г. / А.Н. Кукса // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., г. Магілёў, 25–26 чэрв. 2015 г. / уклад. А.М. Баццокоў, І.А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2015. – С. 153–159.

5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1. – О. 1. – Д. 1.

6. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1. – О. 1. – Д. 2.

7. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1. – О. 1. – Д. 5.

8. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 5. – О. 1. – Д. 2.

9. Стужынская, Н.І. Ваенна-рэвалюцыйны камітэт Заходняга фронту / Н.І. Стужынская // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: М.В. Біч [і інш.] ; прадм. М. Ткачова; маст. Э.Э. Жакевіч. – Т. 2 : Беліцк–Гімн / рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – 536 с. – С. 181–182.

10. Сяменчык, М. Савет народных камісараў Заходняй вобласці і фронту / М. Сяменчык // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: М.В. Біч [і інш.] ; прадм. М. Ткачова; маст. Э.Э. Жакевіч. – Т. 6. – Кн. 1: Пузелі – Усяя / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2001. – 591 с. – С. 188–189.

УДК 947.6

А.М. Сувалаў, А.М. Сувалава

РАССТАНОЎКА ПАЛІТЫЧНЫХ СІЛ У БЕЛАРУСІ ПАСЛЯ ЛЮТАЎСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ 1917 г.

У 1917 г. значны ўплыў на расстаноўку палітычных сіл у Беларусі аказвалі агульнарасійскія партыі і арганізацыі. Гэта тлумачылася цэлым шэрагам фактараў.

Па-першае, у Часовым урадзе і ў Саветах рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў большасць месцаў належала прадстаўнікам менавіта агульнарасійскіх, а не нацыянальных партый, дадзенае становішча натуральным чынам паўтаралася ў мясцовых органах улады. Дамінаванне ў Беларусі было асабліва важна для агульнарасійскіх палітыкаў у сувязі з прыфрантавым становішчам рэгіёна.

Па-другое, агульнарасійскія партыі, валодаючы шырокімі фінансавымі магчымасцямі і добра наладжанай сеткай партыйнага друку, праводзілі сур'ёзную і мэтанакіраваную прапагандысцкую і агітацыйную працу сярод мясцовага насельніцтва.

Па-трэцяе, беларускія нацыянальныя партыі і арганізацыі фактычна знаходзіліся яшчэ на стадыі арганізацыйнага і ідэалагічнага афармлення. Вясной 1917 г. аднавіла сваю дзейнасць Беларуска-Сацыялі-

стычная Грамада, аформіліся Беларуская народная партыя сацыялістаў, Беларуская хрысціянская дэмакратыя, Беларуская народная грамада, Беларускі народны саюз і шэраг іншых. Гэтыя арганізацыі толькі разгортвалі сваю дзейнасць і, безумоўна, не валодалі ні дастатковым вопытам парламенцкай працы альбо рэвалюцыйнай барацьбы, ні апаратам кадрowych палітычных дзеячаў, ні фінансавымі магчымасцямі сваіх расійскіх калегаў.

З прычыны вышэйзгаданых абставінаў агульнарасійскія палітычныя партыі і арганізацыі аказвалі сур'ёзны, а па шэрагу пытанняў дамінуючы, уплыў на фарміраванне масавай свядомасці і грамадскай думкі па асноўных праблемах грамадска-палітычнага жыцця Беларусі. Стратэгічныя і тактычныя ўстаноўкі ўсіх партый у той ці іншай меры закралі на найбольш важныя і надзённыя праблемы: абвясчэнне формаў дзяржаўнага ладу Расіі, меры па хутчэйшым заканчэнні вайны, праекты вырашэння аграрнага пытання, дзяржаўнае рэгуляванне прамысловасці, барацьба з беспрацоўем і іншыя пытанні.

У першай дэкларацыі Часовага ўрада ад 3 сакавіка 1917 г. абвясчлася роўнасць усіх грамадзян Расійскай дзяржавы ў правах незалежна ад іх саслоўнай, рэлігійнай і нацыянальнай прыналежнасці [4, с. 419]. Адмена веравызнаўчых і нацыянальных абмежаванняў меркавала знішчыць (ліквідаваць) абмежаванні ў дачыненні правоў на жыхарства і перамяшчэнні, уласнасць, рухомую і нерухомую маёмасць, заняткі гандлем і прамысловасцю, удзел у гандлёва-прамысловых таварыствах, паступленне ў навучальныя ўстановы. Што тычыцца нацыянальных моў, то ўжыванне іх было дапушчана толькі ў справядстве прыватных устаноў і пры выкладанні ў прыватных школах. За рускай мовай захоўваўся статус дзяржаўнай.

Аднак усталяванне палітычнай роўнасці не забяспечвала аўтаматычнай роўнасці нацый і народнасцей. Зыходзячы з палітычнай і сацыяльна-эканамічнай абстаноўкі, якая склалася ў 1917 г., дзяржаўна-прававыя акты Часовага ўрада не вырашалі нацыянальных праблем у Расіі. Больш за тое, шэраг палажэнняў дадзеных дакументаў так і засталіся на паперы [2, с. 30].

Юрыдычнае абвясчэнне дэмакратычных свабод, з аднаго боку, і паслабленне цэнтралізаванай расійскай улады, з другога, спрыялі актывізацыі нацыянальна-палітычных рухаў на ўскраінах былой імперыі. Праграмы значнай часткі нацыянальных партый і арганізацый патрабавалі стварэння дэмакратычнай федэратыўнай Расійскай рэспублікі на аснове роўнасці ўсіх нацый і народнасцей. Канкрэтныя механізмы рэалізацыі гэтага праекта і ступень іх радыкальнасці вар'іраваліся ў залежнасці ад сацыяльнага складу арганізацый і рэгіёнаў іх узнікнення.

Вясной 1917 г. нацыянальныя партыі і арганізацыі актыўна заявілі пра сябе і ў Беларусі. Аднак варта адзначыць, што ўздым нацыянальнага руху ў Беларусі адбываўся больш павольнымі тэмпамі, чым у суседніх рэгіёнах, напрыклад, у Польшчы, Украіне, Літве, Латвіі. Дадзеная акалічнасць тлумачыцца, у першую чаргу, падзелам Беларусі ў выніку Першай сусветнай вайны на дзве часткі: заходнюю, акупаваную нямецкімі войскамі, і ўсходнюю, якая з'яўлялася прыфрантавай зонай расійскай арміі. У заходняй частцы з канца 1915 г. дзейнічаў Віленскі Беларускі Народны Камітэт, які каардынаваў працу нацыянальных, як палітычных, так і культурна-асветніцкіх арганізацый Заходняй Беларусі. Ва ўсходняй частцы Беларусі аналагічнага цэнтра не толькі не існавала, але і не магло існаваць таму, што дзейнасць у прыфрантавай зоне любых палітычных партый і арганізацый была забаронена.

Заходні фронт істотна ўплываў на развіццё палітычных і нацыянальных працэсаў у Беларусі. Па дадзеных С.С. Рудовіча, на 1 лютага 1917 г. у трох войсках Заходняга фронту налічвалася 1620,6 тыс. салдат, афіцэраў і ваенных чыноўнікаў, а таксама больш за 100 тыс. чалавек, якія праходзілі службу ў тылавых падраздзяленнях фронту [5, с. 40].

Пераважная большасць гэтых людзей былі выхадцамі з цэнтральных раёнаў Расіі, Каўказа, Сярэдняй Азіі. Акрамя таго, да пачатку 1917 г. у Беларусі асела каля 175 тыс. бежанцаў з Польшчы [1, с. 8]. Іх аб'ектыўна не цікавілі задачы і перспектывы развіцця беларускага нацыянальнага руху, а ўжо з сярэдзіны 1917 г. яны пачалі аказваць і актыўнае супрацьдзеянне працэсам нацыянальнага самавызначэння беларусаў.

Значны ўплыў у Беларусі расійскіх і польскіх палітычных сіл тлумачыцца таксама мабілізацыяй беларусаў у расійскую армію. Толькі з усходніх губерняў на франты былі адпраўлены 682,2 тыс. чалавек, што склала 12–13 % насельніцтва Беларусі [1, с. 8]. Акрамя таго, па меры набліжэння фронту велізарная колькасць людзей рушыла ў цэнтральныя часткі Расіі: у пачатку 1917 г. у розных расійскіх губернях налічвалася каля паўтара мільёнаў чалавек (1 474 444) – бежанцаў з беларускіх губерняў, што склала каля 54 % ад агульнай колькасці бежанцаў у Расіі.

Такім чынам, змена этнічнага складу насельніцтва ў Беларусі з прычыны прытоку ў Заходнія губерні вайскоўцаў з Цэнтральных і Усходніх губерняў і польскіх бежанцаў, з аднаго боку, і мабілізацыі беларусаў у войска і перасялення беларускіх бежанцаў у цэнтральную Расію, з другога боку, стала значным фактарам запаволенасці развіцця беларускага нацыянальнага руху ў параўнанні з суседзямі.

Сітуацыя складалася такім чынам, што ў пачатку 1917 г. найбольш актыўныя цэнтры беларускага руху ўзніклі за межамі Беларусі: у Пецяр-

бургу, Маскве, Адэсе, Арле і іншых гарадах. На новых месцах бежанцы-беларусы стваралі дабрачынныя, культурна-асветніцкія і іншыя арганізацыі, частка з якіх па меры развіцця рэвалюцыйных падзей набывала больш радыкальны характар і вылучала палітычныя патрабаванні.

Лютаяўская рэвалюцыя ў Расіі актывізавала стварэнне шматлікіх партый, арганізацый і груп і на тэрыторыі Беларусі. У праграмах і стратэгічных напрамках дзейнасці кожнай з іх у той ці іншай ступені разглядалася рашэнне нацыянальнага пытання. 1917 г. – гэта перыяд кансалідацыі беларускага нацыянальнага руху. Прадстаўнікі розных сацыяльных слаёў і палітычных арганізацый імкнуліся выпрацаваць агульную платформу па пытаннях нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, асветы і культуры. Цэнтрам беларускага нацыянальнага руху стаў Мінск.

Пасля перамогі Лютаяўскай рэвалюцыі ў Расіі ў цэлым і ў Беларусі ў прыватнасці намецілася некалькі магчымых варыянтаў грамадска-палітычнага развіцця: парламенцкая (буржуазная) дзяржава; сацыялістычная рэспубліка; усталяванне ваеннай дыктатуры; поўная анархія, развал дзяржавы з непрадказальнымі наступствамі. Не выключалася і магчымасць вяртання да манархічнай формы кіравання. Як вядома, Лютаяўская рэвалюцыя, зрынуўшы царызм, не вырашыла асноўных агульнадэмакратычных і агульнанацыянальных задач (аб міру, зямлі, барацьбе з разрухай і голадам, нацыянальнае пытанне). Гэта стала ўнутранай спружынай далейшага развіцця рэвалюцыйнага працэсу.

Стаўленне да рэвалюцыі, яе мэт і задач было неадназначным не толькі ў розных сляях насельніцтва, але і ў рамках аднаго класа. Розніца ў палітычных поглядах вызначалася гістарычнымі, географічнымі, нацыянальнымі і шэрагам іншых фактараў. Сама рэвалюцыя ўяўляла сабой складанае перапляценне розных плыняў і кірункаў, класавых, агульнадэмакратычных, агульнанацыянальных тэндэнцый.

Тут і сацыялістычныя ідэалы працоўнага класа (вельмі неаднароднага па сваім складзе), і спецыфічныя патрабаванні сялянства (яшчэ больш неаднароднага, перш за ўсё па сацыяльнай стратыфікацыі), і імкненне народаў да раўнапраўя і нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння, і агульнае для большасці грамадзян, але па-рознаму ўсведамляемае жаданне дэмакратыі. Акрамя таго, неабходна адзначыць, з аднаго боку, цягу людзей да спынення вайны і ўсталявання міру, а з другога – патрыятычныя настроі, уласцівыя ўсяму народу, але асабліва моцныя ў інтэлігенцыі, афіцэрства, дробнай буржуазіі.

Аналіз расстаноўкі палітычных сіл агульнарасійскіх і нацыянальных партый восенню 1917 г. паказаў, што сацыялістычная альтэрнатыва, прапанаваная бальшавікамі, з’явілася на той момант вызначаль-

най тэндэнцыяй грамадска-палітычнага развіцця, а таму і рэалізавалася на практыцы ў кастрычніку 1917 г.

Супраць сацыялістычнага варыянту развіцця выступілі буйная і сярэдняя буржуазія, памешчыкі, найвышэйшае чыноўніцтва, часткі інтэлігенцыі, генералітэту і афіцэрства. У кастрычніку 1917 г. яны пацярпелі палітычнае паражэнне і ў далейшым былі пазбаўлены прывілеяў і эканамічных рычагоў, многіх падвергнулі рэпрэсіям. У той жа час рэвалюцыю падтрымала большасць рабочых і салдат, маса сялянства, асабліва пасля Дэкрэта аб зямлі, немалая частка інтэлігенцыі і многія нацыянальныя партыі і рухі. Меншавікі, эсэры, анархісты таксама выступалі ў сваіх праграмах за сацыялістычныя ідэалы. Такім чынам, большасць народа сапраўды зрабіла сацыялістычны выбар. Лідар эсэраў В. Чарноў сказаў на пасяджэнні Устаноўчага сходу, што «краіна паказала небывалае ў гісторыі жаданне сацыялізму» [3, с. 77].

Як бачым, сацыялістычныя настроі прадстаўлялі не толькі бальшавікі, усе асноўныя палітычныя партыі, акрамя кадэтаў, выступалі з сацыялістычнымі ідэямі. Аднак меншавікі і эсэры былі супраць самой пастаноўкі пытання аб пераходзе Расіі да сацыялізму менавіта ў 1917 г.

Меншавікі, спасылаючыся на непадрахтанасць краіны, адкладалі пераход да сацыялізму на далёкую будучыню, прапаноўвалі заняцця на дадзеным этапе буржуазна-дэмакратычным уладкаваннем грамадства. Больш за тое, яны запалохвалі масы небяспекай «скачка» да сацыялізму.

Эсэры, якія з’яўляліся носьбітамі нэанародніцкай ідэалогіі, развівалі ідэю «асаблівага шляху» Расіі да сацыялізму праз сялянскую абшчыну і кааперацыю на аснове сацыялізацыі зямлі і ўраўняльнага землекарыстання. Але пасля лютага яны актыўна падтрымалі меншавіцкае палажэнне аб дачаснасці сацыялізму ў Расіі.

Эсэра-меншавіцкія лідары казалі пра магчымасць «трэцяга шляху», які палягаў паміж буржуазнай і бальшавіцкай дыктатурай. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі яны заявілі, што выступаюць і супраць адкрытай контррэвалюцыі, і супраць бальшавіцкай праграмы перабудовы. Аднак відавочна, што ва ўмовах класавай жорсткасці, палярызацыі рэвалюцыйных і контррэвалюцыйных сіл сама магчымасць лавіравання паміж гэтымі сіламі аказвалася нікчэмнай. Спробы рэалізаваць дадзены варыянт і ў 1917 г., і пазней, скончыліся няўдачай. Практычна «трэцяя сіла» працавала супраць Савецкай улады, на карысць контррэвалюцыі, хаця многія лідары эсэраў і меншавікоў былі шчырымі ў сваім імкненні не дапусціць яе ўсталявання.

У сувязі з гэтым асабліваю важнасць набыло пытанне пра магчымасць кааліцыі паміж бальшавікамі і іншымі сацыялістычнымі пар-

тыямі. У лістападзе 1917 г. стварэння «аднастайнага сацыялістычнага ўрада» запатрабаваў Усерасійскі выканаўчы камітэт чыгуначнага прафсаюза (Викжель). Абмеркаванне пытання аб кааліцыі прывяло да сур'ёзнага крызісу ў кіраўніцтве партыі бальшавікоў, што кажа аб надзвычайнай важнасці пытання. На пэўным этапе сур'ёзную становую ролю адыграў блок бальшавікоў і левых эсэраў, у многіх раёнах існавалі аб'яднаныя бальшавіцка-меншавіцкія партыйныя арганізацыі. Але ў цэлым сацыялістычныя сілы былі занадта разнастайныя, і па цэлым шэрагу як аб'ектыўных, так і суб'ектыўных прычын, шырокая кааліцыя сацыялістычных сіл у канцы 1917 – пачатку 1918 гг. не рэалізавалася на практыцы. Спрацавалі старыя і новыя рознагалосці, палітычны максіmalізм бальшавікоў, непрыманне іх метадаў іншымі сацыялістычнымі партыямі. Меншавікі і эсэры марылі стаць «трэцяй сілай», а бальшавікі хацелі застацца адзінай сілай, якая вызначае грамадска-палітычнае развіццё краіны.

У нацыянальных рэгіёнах, у тым ліку і ў Беларусі, агульныя праблемы пагаршаліся нявырашанасцю і глыбінёй нацыянальнага пытання. Як ужо было адзначана лютаўскія падзеі ў Расіі паслужылі свайго роду каталізатарам для стварэння шматлікіх нацыянальных партый, арганізацый і груп, кожная з якіх імкнулася рэалізаваць сваю праграму і ўзначаліць нацыянальны рух. Канчатковай мэтай усякага падобнага руху з'яўляецца стварэнне незалежнай дзяржавы. У перыяд лютага – кастрычніка 1917 г. большасць беларускіх нацыянальных партый і арганізацый (Беларуская народная партыя сацыялістаў, Беларуская Сацыялістычная Грамада, Беларуская народная грамада і інш.) спалучалі ў сваіх праграмах, з аднаго боку, сацыялістычныя ідэі, а з другога – рэфармісцкія ўяўленні аб шляхах сацыялістычнай перабудовы грамадства. Яны выступілі ў падтрымку Часовага ўрада і ўзнялі патрабаванне аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай федэратыўна-дэмакратычнай рэспублікі.

Кастрычніцкая рэвалюцыя ў Петраградзе яшчэ ў большай ступені стымулявала імкненне беларусаў да адраджэння ўласнай дзяржавы, тым больш што ў праграмных дакументах РСДРП(б) (пазней – РКП(б)) і ў першых актах Савецкай улады абвяшчалася права народаў на самавызначэнне, аж да аддзялення і стварэння незалежных дзяржаў. Аднак на практыцы Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці і Заходняга фронту (Аблвыкамзах), які ажыццяўляў уладу ў Мінску ад імя бальшавікоў, выступаў супраць беларускага нацыянальнага адраджэння. У такой сітуацыі лідары нацыянальнага руху прапанавалі абвясціць Беларусь незалежнай дэмакратычнай рэспублікай з перадачай усёй улады

Краёвай Радзе. Для канчатковага вырашэння пытання пра беларускую дзяржаўнасць 15–17 снежня 1917 г. быў скліканы Усебеларускі з'езд. Сярод яго дэлегатаў выявілася некалькі альтэрнатыўных варыянтаў вырашэння дадзенай праблемы. Такое развіццё падзей супярэчыла інтарэсам бальшавіцкага кіраўніцтва Заходняй вобласці і фронту, і таму з'езд быў разогнаны.

Далейшыя падзеі (наступ нямецкіх войскаў на Беларусь, падпісанне сепаратнага мірнага дагавора паміж Савецкай Расіяй і Германіяй, абвешчэнне Беларускай Народнай Рэспублікі) прывялі да расколу ў беларускім нацыянальным руху, што, у сваю чаргу, негатыўна адбілася на яго далейшым лёсе. З прычыны знешніх і ўнутраных фактараў у Расіі і Беларусі ў 1917–1918 гг. з усіх магчымых альтэрнатыў грамадска-палітычнага развіцця рэалізаваўся сацыялістычны варыянт, прапанаваны бальшавікамі. Гэта ў сваю чаргу паўплывала на рашэнне праблемы нацыянальнай дзяржаўнасці і самавызначэння Беларусі ў яе савецкім варыянце.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кобрын, М.У. Беларускі нацыянальны рух: 1917–1920 / М.У. Кобрын. – Мінск : Беларус. выд. т-ва «Хата», 2004. – 95 с.
2. Макарова, Т.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. : Восточные районы / Т.П. Макарова. – М. : Наука, 1979. – 224 с.
3. Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П.В. Волобуева. – М. : Политиздат, 1991. – 240 с.
4. Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы / под ред. Л.С. Гапоненко. – М. : Акад. наук СССР, 1957. – 857 с.
5. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.

УДК 94(82)(=161.3)

С.В. Шабельцев

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОНИМА «БЕЛОРУСЫ» В ЭМИГРАНТСКОЙ СРЕДЕ В АРГЕНТИНЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила общественно-политический строй на просторах бывшей Российской империи. Одним из важных новшеств стала национальная политика коммунистической партии, провозгласившей равенство всех народов и

допустившей формирование национальных республик (в том числе и Белорусской), которые в 1922 г. были объединены в составе СССР. Такие кардинальные изменения неизбежно отразились на этническом самосознании белорусов как в самой Беларуси, так и за ее пределами. Национальная политика московского правительства вела к трансформации понятия «белорус» и в Аргентине: в этой стране сложилось белорусское сообщество переселенцев из Западной Беларуси, которая в 1921–1939 гг. являлась частью межвоенной Польши.

В период существования Российской империи с середины XIX в. на территории Беларуси царские власти проводили политику православизации, с последующей русификацией края: католиков стремились перевести в православие, параллельно вытесняя из общественной жизни польский язык и расширяя сферу употребления литературного русского языка. Уроженцы сельской местности современной Беларуси различались по вероисповеданию и разговаривали в основном на диалектах белорусского языка. Но вопрос: «Кем ты являешься?» – часто вызывал у крестьянина затруднения, и он мог ответить: «тутэйшы» [1, с. 21, 97–98], иногда добавляя, что он «русский» (если православный) или «поляк» (если католик).

Национальная политика имперских властей по отношению крестьян в Беларуси была непоследовательна. С одной стороны, наблюдалось стремление представить край как абсолютно белорусский, что подразумевало «русский», поскольку белорусы (наравне с «великороссами» и «малороссами») рассматривались как часть («племя») триединого русского народа. В ходе переписи 1897 г. крестьян, говоривших по-белорусски (как православных, так и католиков), записывали белорусами. В результате, в Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской губерниях насчитали 5 408 тыс. белорусов, из которых 1026,6 тыс. (18 %) являлись католиками. 2/3 записанных в белорусы католиков проживало в Виленской и Гродненской губернии [2, с. 38, 41]. С другой стороны, российские чиновники при осуществлении своей власти часто всех католиков считали поляками и проводили по отношению к ним дискриминационную политику.

Польские исследователи охарактеризовали перепись 1897 г. как тенденциозную и искажавшую реальность, поскольку в число поляков записывали только интеллигенцию и землевладельцев, которые владели литературным польским языком. А жителей деревни, которые использовали белорусско-польские говоры, автоматически относили к белорусам, что снижало общее количество польского населения. По мнению П. Эберхардта, значительная часть тогдашних жителей Гродненской и Виленской губерний имела литовское происхождение: в результате сла-

вянизации они утратили литовский язык в пользу польско-белорусского местного говора. Но от белорусов это население отделялось католицизмом, и для него польская культура была более привлекательна, чем культура православных белорусов. Перемешанный с польским языком белорусский говор определялся «жителями деревни как «тутэйшы» язык, и таким образом эта особенность теряет основное предназначение как примета национальности, особенно потому, что локальные диалекты подвергались быстрым изменениям <...> Крестьянин-католик, который употребляет славянские диалекты и который живет на литовско-белорусском пограничье, становится окончательным поляком, а православный крестьянин, что живет в границах бывшей Речи Посполитой, – на большой территории бывшего Великого Княжества Литовского – белорусом» [3, с. 30–31].

Доступные нам российские документы, которые описывают миграцию в империи, показывают, что православные и католики на территории современной Республики Беларусь различались по своему поведению и российские чиновники часто их не просто не смешивали, а даже противопоставляли. При этом «белорусами» чиновники называли только православных. Например, в тот же год, когда проводилась всероссийская перепись (1897 г.), витебский губернатор писал о прекращении переселения крестьян на территорию Сибири: «и в этом нельзя не видеть большого счастья для губернии, потому что это значительное по размерам движение притягивало главным образом коренное население – белорусов, а католики, литовцы и латыши на переселение записывались мало, что для Витебской губернии виделось явлением печальным и ненормальным» [4, с. 816]. То есть, витебский губернатор, во-первых, католиков губернии белорусами не считает, а во-вторых, в вопросе переселения в Сибирь видит отличие поведения белорусов от того, как ведут себя латыши, литовцы и католики.

Не объединяются воедино православные с католиками и в исследовании эмиграции из Виленской губернии (1912 г.). Л. Офросимов отмечает, что часть населения губернии стремится эмигрировать на запад, а другая – уехать в Сибирь. Объясняется этот факт «племенным составом» губернии, когда «чисто русское православное население за границу едет неохотно»: белорусы стремятся «сидеть дома» или едут в Сибирь, Ригу и Петербург. «Ополяченные же и обруселые литовцы» массово эмигрируют в Америку. При этом в доказательство своего вывода Л. Офросимов приводит религиозный состав эмигрантов: «Из указанного числа – 17 680 лиц, уехавших в Виленской губернии за границу – 14 960 человек р.-католиков, и лишь 2 690 человек православных

и 30 человек старообрядцев» [5, с. 5–6]. Показательно, что язык является идентифицирующим фактором только для определения литовцев. Л. Офросимов говорит о белорусах как о местной разновидности «чисто православного населения». Кстати, Л. Офросимов заметил, что официальные данные процентного состава национальностей по Виленской губернии (они базировались, как известно, на основании языка) неверны.

Если затрагивать эмиграцию из Российской империи в Аргентину, то о белорусах в то время речь велась только как о разновидности православного «русского» населения. По данным руководства православной церкви при Российской миссии, находившейся в Буэнос-Айресе, белорусы среди православных в период с 1909 по 1913 гг. составляли 25–30 % (55–70 % украинцы и 8–10 % великороссы) [6, л. 171–172]. Вероятно, священники в Буэнос-Айресе определяли их как белорусов по языку. Белорусское самосознание у них было невысоким, эти эмигранты были немногочисленны (до 3 тыс. человек), до 1914 г. не создали ни одной белорусской общественной организации.

Взгляд на белорусов изменился после Октябрьской революции. В СССР была отброшена прежняя теория о триедином русском народе, а, например, термины «великороссы» и «малороссы» уже считались анахронизмами. Согласно новой доктрине русские, украинцы и белорусы – это пусть и близкие, но отдельные этносы со своей отличительной культурой. То есть, белорусы признавались самостоятельным народом, а не одним из русских «племен». Советские руководители, учитывая этнические особенности населения, на территории проживания того или иного народа создавали национальные республики (например, Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР)). При этом советская концепция предполагала не только объединение людей одной культуры в своем государстве (или государственном образовании в виде национальной республики или округа), она предписывала построение коммунистического общества всеобщего равенства. Тем самым белорусский проект в виде БССР имел как этническое, так и идеологическое наполнение. В этой связи Советская Беларусь становилась привлекательной моделью общественного устройства для значительной части населения Западной Беларуси, оказавшегося после 1921 г. в составе Польши, где господствовали «буржуазные порядки».

В межвоенный период (1921–1939 гг.) в Аргентину белорусы переезжали только из Польши. Все эмигранты из этой страны, вне зависимости от их этнической принадлежности, в Аргентине назывались «поляк»: «местное население никогда не хотело различать, кто поляк, кто литовец, кто украинец, кто белорус. У них одна характеристика – «по-

ляк»» [7, с. 202]. В определении количества белорусов межвоенного периода переселения в Аргентину сошлемся на польского исследователя Ч. Пактача, который оперировал цифрой в 220 тыс. польских граждан в Аргентине (в конце 1930-х гг.), среди которых евреев – 100 тыс., поляков – 50 тыс., украинцев – 50 тыс., белорусов – 20 тыс. [8, р. 120].

Отправляясь в поиски белорусской идентичности жителей Аргентины, приехавших в 1921–1939 гг., стоит обратиться к исторически первому, распространенному еще в Российской империи, пониманию того, что белорус – это разновидность православного «русского». У части эмигрантов такое устоявшееся представление было актуальным. Православный священник Валентин Ивашевич (родом из Полесья) отметил, что он русский, а белорусами и украинцами не назывались – все русские. То же представление о единстве всех православных «русских» продемонстрировала и активный член белорусских просоветских обществ в Аргентине Анна Споровец. В 1984 г. в газете «Родной голос» она обратилась с призывом к «соотечественникам» жертвовать на православный Храм в честь всех святых в земле российской просиявших в г. Лянус (пригород Буэнос-Айреса): «хочется, чтобы и наша совесть была также оправданной перед Христом, людьми нашими, проживающими здесь в Аргентине, и нашим великим русско-православным народом» [9]. Обозначая свою принадлежность к «русско-православному» народу, А. Споровец, дочь полешука из-под Дрогичина, знала, как и В. Ивашевич, что она, по крайней мере, по ассоциации с местностью, белоруска: в середине 1950-х гг. она переехала в БССР, но через несколько лет вернулась в Аргентину.

Старая имперская трактовка о триедином русском народе продолжала действовать в Аргентине не только среди эмигрантов-белорусов, но и у части украинцев из Волыни (регион Западной Украины). Происшедшие геополитические изменения, которые привели в 1921 г. к отделению Западной Беларуси и Волыни от «России» (как они в просторечье называли СССР), ими воспринимались как нарушение нормы. «Белорусско-волынский конгломерат» в Аргентине представлял собой совокупность людей, которые могут поговорить между собой на родном языке без переводчика, отметить православный праздник, повспоминать о прошлом. Когда необходимо было как-то себя определить, эти православные эмигранты называли себя «русо» («русскими»). Они знали, что разделяются на белорусов и украинцев в зависимости от своего языка и/или территории происхождения, но при этом могли рассматривать себя как единый народ. Например, в 1942 г. правление украинско-белорусского культурного общества в Касеросе (пригород Буэнос-Айреса) обратилось че-

рез «Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 г.» («БИК на 1943 г.») к соотечественникам с призывом вступать в эту организацию:

«Правление также обращается ко всей Белорусской и Украинской эмиграции, проживающей в Касеросе и окрестностях, с призывом посещать общество, записываться в его члены, показать на практике перед другими народностями этой страны, что наш Украинский и Белорусский народ любит свой язык, свою национальную культуру и объединение, которое так необходимо особенно в теперешний момент» [10, с. 111].

Среди православных эмигрантов сохранялась ориентация на «Россию», которая, в их представлении, стала Советским Союзом. Но такая ориентация приводила к тому, что на эмигрантов в Аргентине оказывала воздействие национальная политика в СССР, которая придавала новый смысл понятию «белорус». Советский подход предполагал, что народ – это совокупность людей, объединенных общей культурой, важнейшим элементом которой является язык. У белорусов и украинцев из Польши были языковые различия, хотя белорусы могли и не называть свой язык «белорусским», считая, что они разговаривают на своем «деревенском» говоре. Но от украинского такой диалект белорусского языка отличался. К тому же просоветские украинцы стремились читать и писать по-украински, а особенностью белорусов была ориентация большинства из них на литературный русский язык.

Тяга к белорусскому письменному языку обычно проявлялась у выходцев из центральной и северной части Западной Беларуси. Например, сохранилось письмо (от 28.03.1928 г.), обращенное в редакцию газеты «Беларуская Крыніца» («Bialoguskaja Krynica»), жителя окрестностей Браслава, в котором он просил выслать пробную партию этой белорусскоязычной газеты Петру Чаркасу, который жил в Буэнос-Айресе [11, л. 66-66об]. Существует и письмо (от 22.09.1935 г.) Францишка Павловского на белорусском языке, отправленное в адрес этой газеты из Аргентины [12, л. 1-6об]. Примечательно, что в конце письма Ф. Павловский как бы извинялся за свое изложение: «біларускай пісоўні зусім не знаю» [12, л. 6об]. Это неумение писать, а нередко и читать по-белорусски, было обусловлено историческим развитием Беларуси. Литературным белорусским языком владели немногие эмигранты, поскольку в российских школах он не преподавался, а в межвоенной Польше обучение на белорусском прошло мизерное количество жителей. Печатные издания межвоенных белорусских эмигрантов в Аргентине использовали в основном русский язык [13, с. 6].

Вместе с тем в «БИК на 1941 г.» на белорусском языке были представлены предисловие, статья «Рэзультат выбараў у Заходняй Беларусі»,

два стихотворения и православный календарь на каждый месяц (католический календарь – на испанском). И, одновременно, на 63-й странице «БИК на 1941 г.» под белорусскоязычной статьей размещено стихотворение на русском языке «Родной язык». Его автор Федор Матяс пишет, что «среди чужестранных людей свой русский язык забываем», а далее:

<i>Язык наших сказок, былин,</i>	<i>За речью следите своей</i>
<i>Язык наших песен народных</i>	<i>И русские книги читайте,</i>
<i>И гениев русских равнин,</i>	<i>Ему обучайте детей,</i>
<i>Писателей наших природных.</i>	<i><...> Сказки, стихи изучайте.</i>

В представленном стихотворении содержится призыв изучать русский язык, и понятно, что автор считает «своими» русских писателей и мыслителей. В отчетах белорусских обществ эмигрантов межвоенного периода упоминаются организованные ими школы русского языка, белорусского – никогда. Справедливости ради, стоит упомянуть, что в «БИК на 1942 г.» был представлен белорусский алфавит и краткое объяснение белорусского правописания, но к открытию кружков изучения белорусского языка, вероятно, это не привело: в отчетах обществ о них ничего не говорится.

В последующем, когда в Аргентину из СССР стали присылать газеты на белорусском языке, многие эмигранты межвоенного периода не могли читать эту периодику. Редко случалось, что житель Аргентины просил выслать ему такие газеты. Например, Михаил Гуйский (родился недалеко от Свири) писал по-белорусски: «Прайшло палавіна века, мовы не забыў, помню, як маці навучыла, і гэтай самай мовай прашу Радакцыю «Голаса Радзімы» не адказаць і прыслаць газетку «Голас Радзімы», за што згарі дзякую з паважаннем» [14, л. 16–17]. Более распространенной была позиция Николая Сабича, который демонстрировал в 1963 г. отсутствие желания изучать белорусский язык: «Я являюсь выходцем из Западной Беларуси, недалеко от Минска, и выехал еще из бывшей Польши в 1931 году, когда мне было всего 17 лет. Стоило некоторого усилия, чтобы сохранить хотя до некоторой степени Русский язык, так как Белорусским я <...> не владею и, не смотря на мою принадлежность к местности, почему-то не имею к нему симпатий» [15]. Стремление белорусов в Аргентине изучать не белорусский, а русский язык ими объяснялось и большей распространенностью последнего, его высоким статусом на международной арене [16].

Касаясь вопроса белорусской идентичности эмигрантов, основой для которой являлся язык, неизбежно встает вопрос о католиках, которые говорили по-белорусски. Отметим, что у многих эмигрантов в Аргентине сохранялось прежнее стереотипное мнение, что «католик – значит

поляк». Белорусская идентификация католиков уроженцами Западной Беларуси воспринималась как нетипичное явление: «В Буэнос-Айресе тоже развозили разные овощи, фрукты, хлеб. И приехал тот, кто хлеб развозил, белорус из-под Вильно. Белорус Дрозд, но католик. Он добрая душа, мы переехали к ним» [17, с. 320]. С другой стороны, многие католики из Западной Беларуси были уроженцами тех мест, где были распространены диалекты, близкие к литературному белорусскому языку. Таким образом, в случае просоветской ориентации для них было естественным объединение с православными земляками (на основе политического и культурного единства). Именно католики были инициаторами создания в 1934 г. первого в Аргентине белорусского общества «Беларуская Культурна-Прасветная Грамада». Перед этим произошел их разрыв с польским обществом, поскольку «белорусы не хотели служить тем, от кого должны были уехать со своей родины» [18, с. 29–30].

Зафиксируем составную позицию организаторов первого белорусского общества: их приверженность национальной культуре и политическое отторжение Польши. Во-первых, члены созданного общества использовали белорусский язык в названии организации. Во-вторых, недовольство социально-политическим устройством польского государства толкало этих эмигрантов, исходя из чувства противоречия, к просоветской ориентации. В «социалистическом» СССР существовала БССР и провозглашалось развитие белорусской культуры.

Ориентация белорусов на СССР определенно содействовала укреплению их национального самосознания. Советское федеративное устройство позволяло говорить о развитии государственности белорусов в рамках БССР. Эмигранты в Аргентине находили разнообразные подтверждения того, что белорусский народ является равным другим народам и имеет собственные атрибуты государственности. В рамках советского национального дискурса белорусы становились полноценной, равной остальным нацией, что давало основания для уничижительной критики русских белоэмигрантов: «В царской России когда-то эти господа украинцев называли малороссами, а про белорусов даже совсем не упоминали. Белорусы были вычеркнуты из истории. Эти господа тогда старались русифицировать украинское и белорусское население, а теперь свою «культуру» хотят в массы проводить. Поздно вы, господа, обдумались учить белорусов» [19]. Обвинения в национальном притеснении звучали и в адрес польского посольства в Аргентине, которое «недоброжелательно относилось к развитию национального самосознания украинцев и белорусов» [20, с. 82]. Те белоэмигранты, которые во время Второй мировой войны перешли на просоветские позиции, вынужде-

ны были принять и признание белорусов как нации. Например, журнал «Звено» (Буэнос-Айрес) в 1946 г. писал о положении в Аргентине: «Все, буквально все: сирийцы и французы, украинцы и англичане, белорусы и американцы, евреи и бельгийцы и проч. и проч. – все имеют свои общества и организации» [21]. В представленном перечислении народов белорусы выглядят такими же как и все остальные (равными, в том числе, и русским, а не «ответвлением» последних).

В 1939 г. после присоединения Западной Беларуси к СССР у многих белорусов возникло страстное желание вернуться в родные места, где существует «самый справедливый социальный строй на земле». Этому помешало начало Великой Отечественной войны, что вызвало всплеск активности эмигрантов, которые сплотились и приняли участие в движении поддержки СССР. Работа в комитетах помощи и обществах, носивших название «белорусские», последующее участие в конгрессах славян, где белорусы демонстрировали себя в качестве отдельного народа, повышали уровень белорусского самосознания у эмигрантов. Однако это не отменяло структурной сложности их идентификации: если раньше понималось, что белорусы – это разновидность «русских», то теперь считали, что они разновидность советских людей. При этом термины «русо» и «советико» аргентинцами, да и самими эмигрантами часто отождествлялись, поскольку бытовало представление, что СССР – это «Советская Россия».

В последующее после 1945 г. десятилетие советская ангажированность белорусов в Аргентине усилилась. Этому способствовало Посольство СССР, которое появилось в Буэнос-Айресе в 1946 г. Теперь эмигранты смогли поменять свои прежние польские паспорта на советские, и превращались из «поляк» в «советико». В заполняемых в посольстве анкетах указывалась национальность, и уроженцы Беларуси записывались как белорусы. На бытовом уровне белорусы в Аргентине могли называться по-прежнему «поляк» и «русо», но многие из них осознавали себя белорусами. Потомки эмигрантов также знали о своем белорусском происхождении: в просоветских клубах в Аргентине последовательно проповедовался интернационализм, и белорусы (в том числе и дети) на мероприятиях демонстрировали свою национальную самобытность.

В некоторых регионах Аргентины советское влияние на белорусов было слабым (что было редким явлением). В этом случае сохранялись прежние представления о белорусах как о части русских, характерные для времен Российской империи. Примером последнего может служить Русская община («Colectividad Rusa») в Мисьонесе. В этом отдаленном

северном штате живут украинцы и белорусы, но постоянной просоветской организации не существовало. В 1987 г. в Миссьонесе было создано сообщество, состоящее из украинцев, белорусов и русских, оно стало называться Русской общиной, которая в качестве символа также использовала советский красный флаг.

Приведенный анализ эмигрантов в Аргентине показывает, что, как правило, «белорусскость» являлась частью их сложной идентификационной структуры. До Октябрьской революции белорусами называли православных эмигрантов, рассматривая их как часть «триединого русского народа». Но после установления коммунистической власти белорус – это представитель, составная часть советского народа. Повышался уровень белорусского самосознания, чему способствовала политическая ориентация на СССР, в составе которого была БССР. Активность в проявлении своей этничности близких им народов (в первую очередь, украинцев) толкала белорусов на поиски собственной идентичности, которую они находили в особенностях своей культуры. И в качестве отдельного народа белорусы проявили себя в движении помощи СССР и в славянском движении в Аргентине.

Список использованных источников

1. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / Собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном : в 3 т. – Т. 3 : Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. / П. Штейн. – Санкт-Петербург : Тип. император. Акад. наук, 1887–1902. – 535 с.
2. Смалянчук, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.
3. Эбэрхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898–1989 г. / П. Эбэрхардт. – Мінск : Беларус. фонд Сораса, 1997. – 277 с.
4. З справаздачы губернатара цару. Масавы перасяленчы рух і хваляванні сялян-перасяленцаў Віцебскай губерні // Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Том II (1772 – 1903 гг.) / Н. Нікольскі (гал. рэд.) – Мінск : Акад. навук БССР. – 1940. – 940 с.
5. Офросимов, Л.С. Отхожий промысел за океан. Обследование Виленской губернии / Л.С. Офросимов. – Вильна : Электро-тип. М.Ш. Гродзенскага, 1912. – 28 с.
6. Ціхаміраў, А.В. Беларуская эміграцыя. 90-я гады XIX ст. – 1917 г. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А.В. Ціхаміраў. – Мінск, 1993. – 255 л.
7. Романович, В.А. Воспоминания / В.А. Романович // Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.). Зборнік

дакументаў і ўспамінаў / С. Шабельцаў (склад.). – Мінск : Медысонт, 2009. – С. 199–227.

8. Paktacz Czeslaw. Ukraińcy w Polskich Siłach Zbrojnych w czasie II wojny światowej // Polska – Ukraina: trudne pytania. – Т. 9 – Warszawa, 2002. – 220 р.
9. Споровец, А. Обращение к соотечественникам / А. Споровец // Родной голос. – 1984. – 29 марта.
10. Ткач, В. Украинско-белорусское культурное общество в Касерос / В. Ткач // Беларус. илюст. календарь на 1943 г. – 1942. – С. 109–111.
11. Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 43.
12. БГАМЛИ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 44.
13. Предисловие // Беларус. илюст. календарь на 1941 г. – 1940. – С. 5–6.
14. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1267. – Оп. 3. – Д. 90.
15. Общество «Украина». – Письмо Н. Сабича от 19.12.1963.
16. Речь преподавательницы на курсах русского языка Галины Ивановны Волос // Родной голос. – 1981. – 10 дек.
17. Теребей, З. Воспоминания / З. Теребей // Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.). Зборнік дакументаў і ўспамінаў / С. Шабельцаў (склад.). – Мінск : Медысонт, 2009. – С. 317–323.
18. Гайлевич, В.И. Краткий очерк основания и развития белорусских культурных организаций в Аргентине / В.И. Гайлевич // Беларус. илюст. календарь на 1947 г. – 1946. – С. 26–33.
19. Шишка, В. Крокодиловы слезы / В. Шишка // Новая Газета. – 1939. – 29 окт. – С. 2.
20. Белорусская эмиграция в Аргентине и ее Культ-Организации // Беларус. илюст. календарь на 1943 г. – 1942. – С. 78–84.
21. Сергеев, А. О Русском Культурном Центре / А. Сергеев // Звено. – 1945. – № 2. – С. 3.

ПРАВО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.13

Н.А. Горбатов

ОБ ИСТОЧНИКАХ (ФОРМАХ) ПРАВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 г.

Право как и всякое общественное явление имеет формы своего внешнего выражения, объективного реального существования и функционирования.

В правовой науке внешние формы, при помощи которых фиксируются, закрепляются, официально выражаются юридические нормы, получили название юридических источников права. Этот термин укрепился в юридической литературе как результат признания того, что формы права выступают одновременно и носителями юридических норм, тем «резервуаром», в котором они пребывают и из которого мы получаем соответствующую правовую информацию [1, с. 315].

Внешние формы выражения права, которые возникают в результате сложного процесса правообразования, таким образом, выступают одновременно в юридическом смысле и источниками права.

В советском правоведении значение юридической формы преуменьшалось исходя из марксистского положения о приоритете содержания по отношению к форме. Более того, в советской правовой литературе 20-х гг. XX в. поднимался вопрос о необходимости вообще освобождения от юридической формы [2, с. 23–24]. Между тем форма любого предмета или явления имеет весьма важное значение и оказывает существенное влияние на развитие соответствующего содержания [3, с. 384]. С понятием формы Г.Ф.В. Гегель связывал определенность, поскольку она закрепляет определенную ступень в развитии явлений. Как утверждали в Древнем Риме *dat esse zeī* – форма дает бытие вещи. Форма права в демократических обществах отражает нормативно закрепленную волю общества и однозначно указывает на степень демократичности его политической и правовой системы. Никакое самое ценное содержание не может стать элементом системы правового регулирования, если оно не будет объективировано в надлежащей форме [4, с. 15]. Иными словами, нормы не могут приобрести качества правовых, невозможно их ре-

альное функционирование без официального придания им надлежащей юридической формы. Только вследствие формальной определенности нормы приобретают качества официального общеобязательного правила поведения и подпадают под государственную защиту.

В правоведении с понятием формы (источника) права обычно связывается стабильность функционирования правовой системы, определенность и предсказуемость правовых решений компетентных органов и, в первую очередь, органов правосудия, поскольку определенность, детализированность юридических норм предотвращают субъективизм и произвол при рассмотрении конкретных юридических дел.

Названные и другие обстоятельства предопределяют постоянное внимание юридической науки и практики к проблемам, относящимся к формам (источникам) права. В этом смысле важное значение имеет и исторический опыт, который позволяет учитывать имеющуюся практику и предотвращать ошибки прошлого в сфере правового регулирования общественных отношений. Сказанное относится и к проблемам формирования и развития советского права, его источников в период нескольких лет после октябрьских событий 1917 г., которое осуществлялось на основе марксистской теории социалистической революции.

Как известно, марксистское учение характерно нигилистическим отношением к праву, как регулятору общественных отношений. Им обосновывалось его полное подчинение потребностям экономики. Более того, с точки зрения исторических судеб право рассматривалось как временное явление, которое присуще только эксплуататорским обществам. По мнению К. Маркса, в будущем бесклассовом коммунистическом обществе необходимость в праве отпадает. Оно отомрет и постепенно трансформируется в правила коммунистического общежития. Тем не менее в соответствии с воззрениями К. Маркса необходимость права в условиях первой фазы коммунизма сохраняется. Данное положение он обосновывал в работе «Критика Готской программы», написанной им в 1875 г. [5, с. 259]. Однако одновременно речь шла о создании в этот период нового права, которое отвечало бы интересам пролетариата и формирующегося нового строя.

Поскольку в соответствии с марксистским учением буржуазия при помощи своего законодательства обеспечивает «интересы жадных и не считающихся ни с чем собственников», оно не может служить коммунистическим целям. В этой связи победа революции, приводящая к смене общественной формации, неизбежно влечет за собой изменение эксплуататорской правовой системы, ее слом, как и старого буржуазного государственного аппарата. К. Маркс по этому поводу писал: «Сохра-

нение законов, относящихся к предшествовавшей общественной эпохе, изданных представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, – это означает возведение в закон только этих интересов, находящихся в противоречии с общими потребностями» [5, с. 259].

Опираясь на учение К. Маркса, В.И. Ленин, в свою очередь, подчеркивал необходимость права в условиях переходного к социализму периода и на низшей фазе коммунизма. «Не впадая в утопизм, – писал он, – нельзя думать, что свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всех норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу» [6, с. 95].

Необходимость права в переходный от капитализма к социализму периода, т. е. при диктатуре пролетариата, связывалась большевиками в первую очередь с задачей подавления сопротивления представителей свергнутых эксплуататорских классов и их пособников. При этом подчеркивалось, что социалистическое право немыслимо без аппарата, способного принуждать к соблюдению его норм. Принуждение оправдывалось тем, что оно применяется к паразитирующему меньшинству, и рассматривалось в качестве самозащиты пролетариата. Его задача, в терминологии большевиков, состояла в обезвреживании классовых врагов трудящихся, агентуры империализма и иных особо опасных антисоциальных элементов, а также правонарушителей из числа морально неустойчивых представителей трудящихся.

Одновременно, руководствуясь положениями марксистской теории социалистической революции относительно упразднения старой правовой системы и старого государственного аппарата, В.И. Ленин после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. немедленно приступил к слову, уничтожению буржуазного государственного аппарата и упразднению старого буржуазного права.

Правовой основой слома буржуазного права следует считать Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., который исходил из того, что старое право в целом подлежит отмене и не может использоваться Советским государством. Декреты о суде № 1 1917 г. и № 2 1918 г. устанавливали, что новые советские суды при рассмотрении дел могут руководствоваться законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Революционное правосознание при этом выступало в качестве критерия, с помощью которого суды определяли, какие старые правовые нормы можно использовать. Однако Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. ссылки на законы свергнутых правительств были и вовсе отменены. Старое законодатель-

ство оказалось излишним, поскольку базировалось на иных социально-экономических основах, иных идеологических и моральных ценностях. Были упразднены прежние законы, прежние судебные и другие органы. Возникла ситуация своеобразного правового вакуума, образно говоря, период «бесправья». Старое законодательство было отменено, а новое не создано, поскольку этот процесс достаточно сложный и длительный. Само право стало связываться не с законодательством, а с «революционным правосознанием». Революционным правосознанием следовало руководствоваться, рассматривая конкретные вопросы, решая конкретные дела, т. е. оно стало юридической основой для судебной и административной практики. В указанный период, таким образом, правосознание выступало в качестве основного источника права. А диктатура пролетариата рассматривалась как власть, не связанная никакими (в том числе и своими) законами. «Плох тот революционер, – говорил В.И. Ленин в июле 1918 г., имея в виду Декрет об отмене смертной казни, – который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона» [7, с. 63]. Иными словами, главными регуляторами и руководством к действию стали революционная целесообразность и революционное правосознание. На основе своеобразного понимания революционных целей и революционной целесообразности использовалось и так называемое местное правотворчество, носившее в значительной степени обыденно – упрощенный, а нередко и неправовой характер.

По вопросу о том, как долго длился период законодательного вакуума в советской исторической и юридической литературе не существовало единого мнения ученых. В одних случаях этот период доводился до конца 1918 г., в других – он ограничивался серединой 1918 г. Высказывались и иные суждения. В постсоветской юридической литературе этот вопрос рассматривается несколько иначе. Как пишет, например, Л.И. Спиридонов, советские суды и административные органы на протяжении 5 лет после октября 1917 г. руководствовались преимущественно «революционным правосознанием». Первые кодексы новой власти появились только в 1922 г. [8, с. 146]. Работа по созданию нового законодательства отличалась крайней хаотичностью, непоследовательностью. Например, в апреле 1920 г. Наркомюст решил поставить перед Всероссийским съездом деятелей юстиции вопрос о целесообразности разработки Гражданского кодекса. Доклад по этому вопросу было поручено подготовить А.Г. Гойхбарху. Суть доклада состояла в том, что в ГК необходимости нет. Съезд согласился с Гойхбархом. Однако уже в 1921 г. возникла потребность вернуться к данному вопросу [9, с. 114]. При этом в процессе подготовки новых актов соответствующие орга-

ны руководствовались все тем же «революционным правосознанием». По этому поводу комиссар юстиции в 1917–1918 гг. П.И. Стучка писал: «Мы делали это стихийно, руководствуясь своим революционным чутьем, теоретического подхода, теоретической помощи у нас не было и, прибавим, быть не могло» [10, с. 43]. Что касается первых декретов советского государства и ряда других актов, то они расцениваются скорее как пропагандистские, декларативно-политические документы, призывы к массам, преследовавшие цель обеспечения поддержки большевиков широкими слоями населения. Некоторые акты устанавливали репрессивные меры относительно буржуазии. На основе первых актов регулировалась лишь незначительная часть общественных отношений. Первая Конституция 1918 г. также рассматривается, как политический акт, закрепляющий победу над буржуазным классом, декларировавший факт перехода власти к Советам трудящихся, т. е., по сути, к большевикам. Она представляла собой политическую программу, провозглашавшую основы нового общественного строя, принципы деятельности новой власти, определяла отношение к свергнутым классам и их политико-правовым учреждениям и др. В.И. Ленин писал: «Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов» [11, с. 111].

И только по мере того, как революционный «пыл» уступал место необходимости обеспечения хоть какой-то стабильности, большевики вынуждены были приступить к созданию новых законов. При этом формирование новых подходов к пониманию права, его целям, задачам, шло в жесткой борьбе, которая для отдельных ее участников имела роковые последствия.

Итак, в соответствии с высказанными в юридической литературе суждениями революционное правосознание как источник права играло доминирующую роль вплоть до 1922 г., т. е., по сути, до образования СССР. В этой связи закономерно возникают вопросы: что представляло собой «революционное правосознание» как источник права в указанный период; была ли возможность на его основе обеспечить надлежащее правовое регулирование общественных отношений; могли ли люди, попавшие в водоворот исторических событий, рассчитывать на обоснованное и хотя бы минимально справедливое рассмотрение их дел, особенно в сфере уголовно-правовой и административно-правовой практики? Исторические факты не дают основания ответить на эти вопросы утвердительно.

Революционное правосознание послеоктябрьского периода 1917 г. некоторые исследователи относят к категории обыденного. Большинство лиц, вовлеченных в сферу принятия решений правового характера

не только не обладали какими-либо юридическими познаниями, но не имели достаточной и общей грамотности. Более того, главным условием и требованием к этим лицам были не юридические знания, а преданность революции. Юридическая практика того периода показала, что их представления о праве носили не просто нигилистический характер, но отличались и явным антиюридизмом, поскольку были основаны, главным образом, на политической целесообразности. Как писал П.И. Стучка, источником формирования правосознания трудящихся классов были программы – минимум партий большевиков и эсеров [12, с. 356]. Понимая право как средство подавления свергнутых эксплуататорских классов, как инструмент борьбы с дворянством, белым офицерством, духовенством и пр. новые судебные и административные органы при рассмотрении дел указанных и других категорий лиц не связывали себя такими правовыми понятиями, как «вина», «причинная связь», «обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность», «незначительность деяний», «крайняя необходимость», «необходимая оборона» и т. д. Это освобождало соответствующие органы от необходимости связывать наказание с объективными обстоятельствами дела. Независимо от наличия или отсутствия вины, других обстоятельств наказание определялось исходя из понимания революционной целесообразности, революционного «чутья» и классовой непримиримости. Главным обстоятельством для выбора меры наказания являлось классовое происхождение обвиняемого. Характерно в этом отношении высказывание члена коллегии ВЧК М. Лациса: «Не ищите при расследовании доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему задать, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны решать судьбу обвиняемого» [13, с. 15]. Уличенные в антисоветских деяниях люди при привлечении к ответственности лишались всяких правовых гарантий. По свидетельству современников, даже такие невинные бытовые предметы, как очки или шляпа могли служить признаком «буржуазности» и соответствующего отношения к их обладателям. Нередко уголовное наказание назначалось не в судебном, а в административном порядке [14, с. 11]. После принятия постановления СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» внесудебные расправы с подлинными и мнимыми врагами Советской власти приобрели массовый характер и в сущности лежали за пределами права. Например, в случаях, когда расследование проводилось чрезвычайными комиссиями, смертные приговоры приводились в исполнение вообще без судебного разбирательства. Право вершить суд, вмешательство в человеческие судьбы в этот период перестало быть тонкой и трагической проблемой,

поскольку терял всякий смысл вопрос моральной ответственности судей. Тысячи смертных приговоров выносили судьи различных судов и революционных трибуналов только на основе «пролетаратского чутья» и «революционного правосознания». У этих органов практически не было никаких ограничений при выборе меры наказания. Их приговоры были окончательными и обжалованию не подлежали.

В советской юридической и политической литературе при освещении вопросов, связанных с созданием нового права и действием революционного правосознания как источника права в первые годы после октября 1917 г. обычно в краткой форме упоминалось, что в ходе строительства нового общества, в том числе и нового права, неизбежным были на первых порах и «некоторые ошибки и извращения». В действительности это был мрачный период господства беззакония и произвола, а нередко и простым сведением счетов, имевший тяжкие последствия для народов бывшей Российской империи. И «революционное правосознание» сыграло свою зловещую роль. В сущности, оно лишь по названию было правовым, поскольку не соответствовало представлениям о праве, сложившимся в мире к началу XX в. По своей природе это было политическое сознание, нацеленное на удержание власти любой ценой. На практике оно послужило основанием беспредельного насилия и физического уничтожения огромного количества людей, всех кто представлял истинную или мнимую угрозу для партии большевиков, захватившей власть, по формуле «в отношении противников большевизма позволено всё».

В правовых теориях современных демократических обществ правосознанию, как форме духовного отражения правовой действительности в сознании личности, придается важное значение. Это обусловлено тем, что формирование и действие в обществе позитивного права неразрывно связано с его осознанным восприятием людьми, ибо вне сознания и деятельности человека немислимо правовое регулирование общественных отношений. Именно при помощи правосознания внешние правовые установления, выраженные в нормах права, переводятся во внутренние мотивы и установки личности, а затем – в ее реальное поведение.

Правосознание таким образом оказывает существенное регулятивное воздействие на поведение личности в сфере права. Однако, как писал С.С. Алексеев, механизм его действия замыкается «чисто» духовной сферой. Правосознание «работает» через общую правовую оценку социальных фактов, суждения об их соответствии идее правового и законного, чувство права и законности и вытекающую отсюда волевою направленность поведения людей [1, с. 201]. Это в полной мере относится и к лицам, осуществляющим правоприменение на профессиональной основе.

Следовательно, при всей важности регулятивного потенциала правосознания оно не может выступать в качестве непосредственного и, более того, единственного основания при разрешении конкретных юридических дел, т. е. быть источником права. Таким основанием в странах, относящихся к романо-германской правовой традиции, могут быть только соответствующие нормы позитивного права, а в случае их отсутствия (при использовании аналогии, там где она допускается) таким основанием может быть норма, регулирующая сходные отношения, либо дело решается исходя из общих начал и смысла действующего законодательства.

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 361 с.
2. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий / Е.Б. Пашуканис ; Коммунист. Акад. Секция общ. теории права и государства. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Коммунист. Акад., 1926. – 129 с.
3. Философский словарь / И.Т. Фролов [и др.] ; под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1981. – 445 с.
4. Зивс, С.Л. Источники права / С.Л. Зивс. – М. : Наука, 1981. – 239 с.
5. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1957. – Т. 6. – 757 с.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 33. – 434 с.
7. Гринберг, М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов / М.С. Гринберг // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 63–73.
8. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права : курс лекций / Л.И. Спиридонов ; Санкт-Петерб. высш. шк. МВД России. – СПб., 1995. – 301 с.
9. Новицкая, Т.Е. В.И. Ленин и первые шаги кодификации гражданского права в Советской России / Т.Е. Новицкая // Совет. государство и право. – 1990. – № 1. – С. 113–118.
10. Пашуканис, Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства / Е.Б. Пашуканис // Совет. государство и революция права. – 1931. – № 1. – С. 11–40.
11. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 45. – 190 с.
12. Стальевич, А.К. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / А.К. Стальевич, П.И. Стучка. – Рига, 1964. – 748 с.
13. Лацис, М.И. Красный террор / М.И. Лацис // Крас. террор. – 1918. – № 1. – С. 1–2.
14. Игнатенко, Д.Д. Социалистическая законность (юридическое закрепление права на государственный произвол) / Д.Д. Игнатенко, Р.А. Ромашков // История государства и права. – 1999. – № 1–2. – С. 10–14.

УЧЕНИЕ О ПРАВЕ Е.Б. ПАШУКАНИСА

Современная ситуация методологического плюрализма в сфере познания правовой реальности иногда приводит к тому, что ученые-правоведы согласовывают и унифицируют свои взгляды не в части того, что есть право, а в полностью противоположном направлении – что уж точно не может претендовать на это высокое звание. А если в дело вмешивается еще и идеологическая (политическая) ангажированность, что, к сожалению, свойственно и для науки, несмотря на то, что знание не может быть ни «левым», ни «правым, ни «центристским», то становится очевидно, что иногда «дружить против кого-нибудь» куда выгоднее, чем самостоятельно генерировать новые оригинальные идеи и концепты. Полагаем, именно такая ситуация сложилась в современной юриспруденции и в отношении советской теоретической юридической науки. Распад СССР самим своим фактом позволил некоторым исследователям одним махом отказаться от всего, что было создано в сфере юриспруденции (в том числе и ими самими), и, более того, заклеить позором саму причастность к данной деятельности, обличить в косности, недалекости, отсталости, узости мышления, перейти под знамена современных концепций самого различного толка.

Особенно непросто в такой ситуации приходится молодым ученым, только делающим свои первые шаги на поприще юридической науки. Недостаточная широта мировоззрения, слабая теоретическая подготовка обуславливает шаткость и уязвимость методологических позиций авторов, а стремление или навязанная необходимость быть в тренде ведет к тому, что такому специалисту не остается ничего другого как примкнуть к наиболее влиятельному здесь и сейчас лагерю и вместе с ним «дружить против кого-нибудь», ведь традиции он не знает и не хочет знать, потому что это не актуально, в настоящем не разобрался, ибо современная картина правовой реальности очень пестрая, мозаична и, чего уж греха таить, сложна для понимания, и, как следствие, не видит будущего, что является главной задачей хорошего ученого. Куда ведет такой путь?

Цель нашей работы – на примере взглядов, пожалуй, первого действительно советского правоведа Е.Б. Пашуканиса сформировать представление о той социально-политической обстановке, которая сложилась после 1917 г. и послужила истоком и «питательной средой» для дальней-

шего развития советского государства и права, а также ознакомить читателей с некоторыми понятиями и категориями марксизма, что позволит самостоятельно сформировать свое отношение, прежде всего, к эпохе, и правильно понимать причины и последствия событий, имевших место быть за более чем 70-летнюю историю существования СССР.

Судьба Е.Б. Пашуканиса трагична. Пик его научной и юридической карьеры пришелся на конец 20-х – начало 30-х гг. XX в., когда ученый возглавил Институт советского строительства и права Коммунистической академии (ныне – Институт государства и права Российской академии наук), а в 1936 г. занял пост заместителя Народного комиссара юстиции СССР. Однако уже в 1937 г. был обвинен в участии в антисоветской террористической организации и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Основной труд Е.Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий)» увидел свет в 1924 г. и сразу приобрел огромную известность, выдержал несколько переизданий, был переведен на ряд иностранных языков.

Для создания достоверной картины той эпохи требуется понимание настроений, царивших в умах советской интеллигенции, в том числе юристов. Старый мир был разрушен революцией, и на его обломках строится новый справедливый мир, в котором буржуазным пережиткам нет места. Вот и Е.Б. Пашуканис актуальность своей работы объясняет тем обстоятельством, что философия марксизма – нового мира – не смогла, точнее, не успела, создать собственной теории права, и это упущение, несомненно, должно быть устранено. Отсюда и цель работы – «построить марксистское руководство по общей теории права» [1, с. 3].

В то же время автор отмечает, что пролетарское право – не есть изобретение новых категорий и обобщений, а временная замкнутость общественных отношений в «узком горизонте буржуазного права», и его постепенное отмирание при переходе к коммунизму. Чтобы проиллюстрировать эту позицию автора, можно обратиться к изданию труда «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий» 1924 г., где автор отмечает, что «пролетарский государственный капитализм уничтожает ...» [2, с. 95]. В издании труда 1927 г. правовед заменяет указанное выражение на «пролетарскую диктатуру», называя оригинальное «непродуманным и неверным определением советского хозяйственного уклада» [1, с. 81]. В целом же задачу марксистской теории права Е.Б. Пашуканис обозначает как проверку вывода об исчерпании буржуазной, самой совершенной формы права путем изучения его на конкретном историческом материале [1, с. 82]. По мнению

ряда исследователей творческого наследия Е.Б. Пашуканиса, именно последовательное отрицание им существования особого «пролетарского права», а сторонником такой позиции был никто иной, как А.Я. Вышинский (с марта 1935 г. по май 1939 г. Прокурор СССР), в конечном итоге сыграло ключевую роль в его трагической судьбе.

В целом же, по мнению Е.Б. Пашуканиса, общество, которое по состоянию своих производительных сил вынуждено сохранять эквивалентное отношение между затратами труда и вознаграждением в форме, хотя бы лишь отдаленно напоминающей обмен товарными стоимостями, вынуждено будет сохранить и форму права [1, с. 23]. Таким образом, право будет существовать до тех пор, пока блага в обществе будут распределяться на основании эквивалентности затраченного труда, т. е. по труду, а не по потребностям, как того требует коммунистическое общество, так как только право, реализация которого обеспечивается принудительной силой государства, способно гарантировать подобный обмен.

Почему именно буржуазного, а не, скажем, рабовладельческого? Дело в том, что, полагал ученый, правовая форма как таковая появляется только на определенном уровне развития общества, а до этого долгое время пребывает в зародышевом состоянии, не отграничивается от иных социальных регуляторов (обычай, религия). Затем, постепенно развиваясь, она достигает максимального расцвета, максимальной дифференцированности и определенности. Правовая форма в ее наиболее развернутом виде соответствует буржуазно-капиталистическим общественным отношениям [1, с. 62]. Таким образом, по мнению Е.Б. Пашуканиса, на добуржуазном этапе развития право настолько слабо развито, что фактически не существует (в дальнейшем правовед откажется от этого тезиса) и, соответственно, право является атрибутом исключительно буржуазного общества. Второй предпосылкой, обосновывающей необходимость изучения права именно в буржуазном обществе, является мысль о том, что только изучение более совершенных форм права позволяет лучше понять его бытие на более ранних, отживших стадиях развития общества.

Напомним, с точки зрения марксизма, право, государство и ряд других институтов являются надстройкой над экономическим базисом. В буржуазном обществе как наиболее развитом экономические отношения схематично складываются следующим образом: абстрактный собственник-производитель создает продукт, т. е. конкретный вид труда человека превращается в материальный объект – продукт. Продукт, подлежащий обмену на рынке, приобретает свойство стоимости (меновый стоимости) и становится товаром. В этом качестве он может быть обме-

нан на другой товар или деньги как всеобщую меру абстрактного человеческого труда, затраченного на производство продукта.

Итак, право представляет собой «мистифицированную форму некоего специфического социального отношения» [1, с. 36]. Особенность этого отношения состоит в том, что в его основе лежит противоположность частных интересов, которая, по мнению Е.Б. Пашуканиса, и является основной предпосылкой правового регулирования. По образному выражению правоведа, именно частноправовые отношения составляют «наиболее консолидированное ядро юридической туманности» [1, с. 37]. Причиной тому служит то, что именно в этих отношениях юридический субъект, «persona» находит воплощение в конкретной личности эгоистически хозяйствующего субъекта – товаровладельца, собственника, носителя частных интересов. В конечном итоге, именно отношение товаровладельцев является тем социальным отношением, отражением которого является форма права [1, с. 39]. Что касается государственного (публичного) права, то, по мнению правоведа, в нем «усилия юристов обычно жестоко посрамляются действительностью, ибо в своем деле власть никакого вмешательства не терпит и всемогущества юридической логики не признает» [1, с. 50].

Таким образом, в основе правового регулирования, по мнению Е.Б. Пашуканиса, лежит юридическое отношение, которое «есть только другая сторона отношения между продуктами труда, ставшими товарами» [1, с. 41]. В этом смысле учение о праве правоведа в некоторой степени сближается с социологическим типом правопонимания. Правоотношению принадлежит примат над нормой права. В свою очередь, последняя либо прямо выводится из уже сложившихся отношений, либо представляет собой только симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений. Автор, последовательно критикуя юридический позитивизм, отрицая тождественность закона и права, полагает, что научное изучение правовых явлений может считаться только с фактами. «Если известные отношения действительно сложились, значит, создалось соответствующее право, если же был только издан закон или декрет, но соответствующих отношений на практике не возникло, значит, была попытка создать право, но эта попытка не удалась» [1, с. 43].

Правоотношение невозможно без участников, субъектов, так как даже норма права выделяется из общей массы регулирующих правил – нравственных, эстетических, утилитарных и т. д., именно тем, что она предполагает лицо, наделяемое правом и при этом активно притязующее [1, с. 55]. Анализ субъекта правовых отношений Е.Б. Пашуканиса начинается с того, что товар с имманентно присущим ему свойством стои-

мости не может быть обменян на другой сам по себе, а предполагает сознательный волевой акт со стороны товаровладельца. «Поэтому одновременно с тем, как продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости, человек приобретает свойство юридического субъекта и становится носителем права» [1, с. 64–65]. По мнению ученого, именно меновая сделка дала идею юридического субъекта как абстрактного носителя всех возможных правопритязаний. Кроме того, наряду со сделкой всегда имеет место быть и спор, вытекающий из противоречия частных интересов. В качестве товаровладельцев все люди абсолютно свободны и формально равны между собой в той же степени, как и участники рыночных отношений. В конечном итоге, общество, по мнению Е.Б. Пашуканиса, «есть не что иное, как идеализированный, перенесенный в заоблачные высоты философской абстракции, освобожденный от своего грубого эмпиризма рынок, на котором встречаются независимые производители ...» [1, с. 66].

В то же время Е.Б. Пашуканис с необходимостью включает в категорию «субъект права» и моральную составляющую, но делает это весьма оригинально. Одной из предпосылок товарно-правового общества, по мнению ученого, является идея о том, что продукты человеческого труда могут относиться друг к другу как стоимости только в том случае, если люди будут относиться друг к другу как независимые и равные личности [1, с. 97]. Значит, для того, чтобы товарное общество могло успешно функционировать, личность должна рассматриваться одновременно в трех аспектах: моральный субъект – равноценная личность; субъект права – собственник; носитель интереса, притязания – эгоистический хозяйствующий субъект. Идея принципиальной ценности и равенства людей – это, по мнению Е.Б. Пашуканиса, естественно-правовой предрассудок, объективно проявляется лишь в единственном аспекте их совместного бытия – возможности людей приравнять свой общественно-полезный труд к труду вообще, закладывать его в товар и обмениваться им.

Буржуазному обществу соответствует особый тип морали – это рационалистическая этика И. Канта, его категорический императив – поступи так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом, – который «представляется для товаропроизводящего общества максимальным достижением и высшим культурным благом» [1, с. 102]. Такая этика так же, как и рынок, кладет в основу идею эквивалентности, поэтому не приемлет героизма или подвига, так как этого нельзя потребовать от другого. Однако ученый отмечает, что в действительности этический акт заключает в себе противоречие и самоотрицание, при-

водя в качестве примера деятельность крупного капиталиста, который «добросовестно» разоряет мелкого, не посягая при этом на ценность его личности. И эта двойственность буржуазной этической формы есть ее существенный признак, уничтожение которого ведет к уничтожению самой формы, на смену которой приходит общество, «мыслящее свои отношения простыми и ясными понятиями вреда и пользы» [1, с. 103].

Ничего в этом плане не меняется и относительно понимания пролетарской морали, которая, в отличие от всеобщей этики И. Канта, является классово-моральной, а значит, в ней морально должное выступает как классово-полезное. Однако в такой форме мораль все равно выступает специфическим отношением должноствования. Так, классовое содержание этики не уничтожает ее формы. В пролетарском коллективе используются средства давления для побуждения его членов к морально-должному поведению, но, с другой стороны, этот же коллектив квалифицирует поведение как моральное только тогда, когда это внешнее принуждение как мотив отсутствует. В таком случае разговоры об особой классовой морали есть лицемерие. Отмирание морали как формы буржуазного общества неизбежно произойдет одновременно с отмиранием буржуазного права и государства, и до этого времени будет использоваться для регулирования общественных отношений по принципу эквивалентности.

Говоря о справедливости, ученый логично отмечает, что сама по себе данная категория не обладает собственным содержанием, а потому не может быть использована в качестве критерия, скажем, построения идеального отношения. «Понятие справедливости почерпнуто из менового отношения и вне его ничего не выражает» [1, с. 105]. По поводу этой точки зрения с Е.Б. Пашуканисом трудно согласиться, так как еще Аристотель выделял справедливость коммутативную (уравнивающую, воздавать равным за равное), именно о ней говорит ученый, и дистрибутивную (распределяющую, воздавать неравным за неравное) [3, с. 91]. Иначе говоря, справедливость отражает не только идею эквивалентности, но и пропорциональности, чуждую для рынка. В этой части представляет интерес мысль ученого о том, что справедливость является «ступенькой, по которой этика спускается к праву» [1, с. 105]. Ведь нравственное поведение должно быть сознательным и добровольным, а справедливость может быть вынужденной. Принуждение (общественное) к нравственному поведению стремится отрицать свое существование, справедливость публично «воздается» человеку. В таком ключе Е.Б. Пашуканис рассматривает справедливость как нравственно-юридическую или этико-правовую категорию, находит точки соприкосновения и расхождения этической и правовой формы, что, на наш взгляд, является наиболее адекватным ее восприятием.

И, наконец, возникновение публичной власти и государства ученые связывают с тем, что государство, во-первых, выступает гарантом осуществления сделок и, во-вторых, в этой роли преследует уже не частные интересы, а «безличный интерес порядка» [1, с. 85]. Юридический субъект – вознесенный в небеса абстрактный товаровладелец – по своей воле отчуждает и приобретает товар, но реализация его воли требует встречного движения со стороны другого товаровладельца, что находит выражение в соглашении независимых волей – договоре. Подчинение одного участника рыночных отношений другому противоречит самой идее такой формы функционирования человеческого общества, поэтому принуждение «должно выступать как принуждение, исходящее от некоторого абстрактного общего лица как принуждение, осуществляемое не в интересах того индивида, от которого оно исходит, – ибо каждый человек в товарном обществе – это эгоистический человек, – но в интересах всех участников правового общения [1, с. 90]. Кроме того, в своей работе автор отмечает, что «чисто теоретически правовое общение может быть сконструировано как обратная сторона менового общения, то для практической его реализации требуется наличие более или менее твердо установленных общих шаблонов, разработанной казуистики и, наконец, особой организации, которая применяла бы эти шаблоны к отдельным случаям и обеспечивала бы принудительное выполнение решений. Наилучшим образом эти потребности обслуживаются государственной властью» [1, с. 106]. Таким образом, по мнению Е.Б. Пашуканиса, государство – гарант реализации прав личности, выступает при этом от лица общества, а не конкретного индивида, что позволяет сохранить в обществе действие принципа эквивалентности.

Таким образом, в своей работе «Общая теория права и марксизм» Е.Б. Пашуканис смог сделать то, что не удалось до этого ни одному ученому – построить логичную, достаточно полную и последовательную теорию права на основании марксизма. Ученому удалось убедительно доказать связь юридической формы с экономической и, основываясь на этом постулате, наполнить новым содержанием традиционные правовые категории «право», «государство», «правоотношения», «норма права» и др. Полагаем, что в теории, конечно, можно обнаружить «белые пятна», требующие своего восполнения, но для своей эпохи научная новизна этой работы не вызвала сомнений, и поэтому ее популярность была всецело оправданной. Для современных исследователей, особенно молодых ученых, теория права Е.Б. Пашуканиса, получившая в юридической литературе название «меновая», представляет интерес хотя бы потому, что предлагает альтернативу укоренившемуся в сознании шаб-

лону о том, что государство и его правовая надстройка с точки зрения марксизма-ленинизма есть «орудие насилия над эксплуатируемым классом» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Советская юридическая мысль намного богаче и ярче, чем может показаться на первый взгляд, и все еще ждет своего исследователя, способного идеологически беспристрастно оценить творческое наследие советских ученых-правоведов, а не отбросить его в сторону только на основании того, что идея построения коммунистического общества потерпела крах.

Список использованных источников

1. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм / Е.Б. Пашуканис. – Изд. 3-е. – М. : Коммунист. Акад., 1927. – 128 с. – («Секция права и государства»).
2. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм. (Опыт критики основных юридических понятий) / Е.Б. Пашуканис. – М. : Соц. акад., 1924. – 160 с. – («Секция права и государства»).
3. Воропаев, Д.А. Содержание и виды справедливости в «Этике» Аристотеля / Д.А. Воропаев // Проблемы правотворческой и правоприменительной практики в условиях развития информационного общества : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2015. – Ч. 1. – С. 90–93.

УДК 343.985

В.С. Гайдельцов

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН (К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Исторический экскурс во времена зарождения теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД), а также характеристика процесса ее формирования и развития представляет определенные сложности в силу разноречивости научных взглядов на данную проблему. В немалой степени этому способствует также закрытость ведомств, которые наделены полномочиями на проведение ОРД, их ревностное отношение к сохранению в тайне организации и тактики ее осуществления.

Сегодня вряд ли можно найти двух ученых или педагогов, которые давали бы аналогичное определение ОРД и согласованно освещали хотя бы основные этапы ее развития. Разброс мнений поразителен. В.А. Ильичев, например, пишет «Поскольку сущностью оперативно-розыскной деятельности является проведение разведывательных мероприятий с

целью получения и использования информации о противнике (потенциальном или ведущем активные действия), то по большому счету можно утверждать, что этот вид деятельности возник вместе с появлением на земле «человека разумного» [1].

Гораздо более сдержанна в этом смысле Ассоциация Профессionalов Сыска, отмечая, что «Современная отечественная теория ОРД стала формироваться с начала 1960-х годов, после принятия уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, где впервые на законодательном уровне появился термин «оперативно-розыскные меры», осуществление которых было возложено на органы дознания» [2]. Необходимо только добавить, что создавалась и формировалась названная теория в ОВД. Например, теории и практике обеспечения государственной безопасности даже названный термин «оперативно-розыскная деятельность» до принятия соответствующего закона не был известен.

Нет определенности и в понимании содержания ОРД. Во многих изданиях истоки ОРД видят в применении так называемого «агентурного метода», ссылаясь даже на Священное писание. С этим методом связывают также сущность того, что привычно именуют сыском. При этом категорично подразделяют уголовный сыск и сыск политический. С легкой руки журналистов «политический сыск» превратился чуть ли ни в ругательство, как средство преследования политических инакомыслящих, что никакого отношения к реальному положению вещей не имеет.

Парадокс, но с принятием в 1992 г., в том числе и в Республике Беларусь, первых законов об оперативно-розыскной деятельности, в них ОРД стала рассматриваться исключительно как процесс осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Агентурная деятельность, т. е. использование помощи граждан в сборе необходимой для решения задач ОРД информации, отошла на задний план.

Анализ нормативных актов и не очень обширной открытой литературы по данному вопросу показывает, что термин «оперативно-розыскная деятельность» до революции 1917 г. вообще не использовался. В сфере борьбы с преступностью речь шла о сыске как уголовном, так и политическом. Скорее за счет сыска политического как средства, охранявшего царскую власть, он и был скомпрометирован в глазах общества. После свержения царской власти сыск практически выходит из юридического оборота и заменяется понятием розыска, в том числе и уголовного. Политический сыск трансформируется в деятельность по обеспечению государственной безопасности. В послевоенные годы, более активно с начала 1960-х гг., формируется теория оперативно-розыскной деятель-

ности органов внутренних дел, а параллельно ей – теория обеспечения государственной безопасности. На наш взгляд, это свидетельствует о смене ценностных ориентиров полиции и жандармских структур как защитников царской власти, на вектор защиты интересов рабочих и крестьян народной милицией и соответствующего государства вплоть до общенародного – органами государственной безопасности.

Принятие в Российской Федерации, Республике Беларусь и других постсоветских государствах законов об оперативно-розыскной деятельности дало широкой юридической общественности возможность получить представление и судить о правовых основах оперативно-розыскной деятельности. Наряду с этим в основном в России появляется множество публикаций, пособий, курсов лекций по ОРД, содержание которых не соответствует их названиям. По содержанию это различного рода правовые комментарии Закона об оперативно-розыскной деятельности, ибо организация и тактика этой работы не может в силу законодательства о государственных секретах описываться в открытых работах. В силу названных причин ни о какой общей теории оперативно-розыскной деятельности, а тем более методологии названной работы правоохранительных органов и спецслужб речи вообще не может идти.

Именно поэтому мы уже не раз писали и предлагали активизировать сотрудничество и взаимодействие в сфере оперативно-розыскного законодательства, давая правовую характеристику ОРД.

Национальную безопасность страны призвана обеспечивать деятельность государственных органов, организаций, в том числе общественных объединений, а также отдельных граждан по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства, которая включает:

определение жизненно важных интересов личности, общества и государства;

выявление факторов, создающих угрозу национальной безопасности; формирование системы противодействия негативным факторам и возникающим угрозам.

Национальная безопасность, согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, рассматривается как безопасность Республики Беларусь в различных сферах и обеспечивается функционированием системы, представляющей собой совокупность субъектов обеспечения национальной безопасности, объединенных целями и задачами по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства, которые осуществляют согласованную деятельность в рамках законодательства.

В указанном контексте ОРД может рассматриваться как элемент названной системы, одно из средств противодействия и ликвидации угроз национальной безопасности, в том числе и такой угрозы, как преступность.

Как элемент обеспечения национальной безопасности ОРД – сложная и специфичная система, представляющая собой совокупность взаимообусловленных основных элементов (цели, задачи, средства, субъекты, объекты и результат), выражающих ее сущность.

Статья 1 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит развернутое, общее для всех субъектов легитимное определение оперативно-розыскной деятельности.

Выражая сущность ОРД через совокупность ее характерных признаков, она к важнейшим из них относит следующие:

государственно-правовой статус ОРД;
возможность гласного и негласного ее проведения;
исключительность круга субъектов, наделенных правом ведения ОРД;
ограничение сферы применения ОРД постановкой определенных целей и задач.

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь не оставляет также сомнений в том, что базовым по отношению к ОРД, наиболее общим понятием является деятельность оперативная. Не уяснив содержания деятельности оперативной, невозможно определить природу деятельности оперативно-розыскной.

Под оперативной деятельностью следует понимать деятельность субъекта по решению стоящих (поставленных перед ним) основных задач. Таким образом, к оперативным подразделениям следует относить только те подразделения, которые в органе (ведомстве) решают поставленные перед ним основные задачи.

Оперативно-розыскная деятельность, используемая для решения оперативных задач, может рассматриваться как подсистема по отношению к деятельности оперативной.

Исходя из определенных государством целей и задач, можно определить объем оперативной деятельности любого субъекта, а не только правоохранительного органа либо специальной службы.

С целью всесторонней правовой характеристики ОРД следует остановиться и на сущности деятельности розыскной, как поисковой работы специально на то уполномоченных органов государства по получению информации, необходимой для ликвидации либо нейтрализации угроз национальной безопасности Республики Беларусь.

Отметим лишь, что розыскная деятельность является более широким понятием, чем оперативно-розыскная деятельность, и включает как не-

процессуальные, так и процессуальные поисковые мероприятия. Отсюда и различия в статусе субъектов розыскной деятельности. Если процессуальной поисковой работой могут заниматься только сотрудники органов, перечисленных в Законе об оперативно-розыскной деятельности, то процессуальным поиском, кроме них, имеют право заниматься также дознаватели и следователи.

Список использованных источников

1. Ильичев, В.А. Оперативно-розыскная деятельность [Электронный ресурс] / В.А. Ильичев // Режим доступа: <https://lawbook.online/deyatelnost-rozyisknaya-operativno-operativno-rozyisknaya-deyatelnost.html>. – Дата доступа: 05.03.2018.
2. Оперативно-розыскная деятельность (открытый фонд) : Ассоциация Профessionалов Сыска «АПС» // Режим доступа: <https://alldetectives.ru/ord/sushchnost-operativno-rozysknoj-deyatelnosti/operativno-rozyskna-deyatelnost-kak-nauka.html>. – Дата доступа: 05.03.2018.

УДК 340.1

В.А. Волков

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Функционирование судебной системы всегда играло важное значение в жизнедеятельности общества. Следует отметить, что с изменением государственного устройства и представлений о том, как необходимо управлять обществом, ее система также подвергалась переустройству. В истории известны неоднократные случаи реформирования судебной системы. Иногда она не просто подвергалась реформированию, а происходила ее коренная трансформация.

Важность функционирования судебной системы и ее органов заключается в том, что они призваны разрешать ситуации, когда люди не могут самостоятельно прийти к консенсусу. В обществе, начиная с первобытно-общинного, всегда возникали различные спорные ситуации, которые требовали соответствующего разрешения (урегулирования). По мере развития общества и усложнения общественных отношений требовались более сложные механизмы разрешения возникающих конфликтов.

В настоящее время науке неизвестно, когда появился первый суд. Согласно сведениям по истории государства и права известно, что с того момента как древнее общество столкнулось с необходимостью как-то разрешать возникающие в процессе жизнедеятельности споры до появления прообраза привычных нам судебных органов, прошло очень много времени.

Вначале люди самостоятельно разрешали возникающие конфликты. И так как со временем они усложнялись, появилась необходимость для правильного и независимого принятия решения в привлечении к их разрешению третьих лиц. Сперва это были сородичи, позже – пользующиеся особым уважением в этом обществе лица, а еще позднее – князья, как верховные законодатели и судьи. Последние решали дела единолично или с Советом дружины. Князь мог обратиться и к городскому вечу или поручить отправление правосудия своим наместникам. Такие лица княжеской администрации, как бояре, тиуны, огнищане также обладали судебными полномочиями.

Судебная власть и суд не являются синонимами. Кроме этого, они находятся в разной связи с государством. Несмотря на то что суд с течением времени проходил определенную трансформацию, он присутствовал в любом государстве с момента его образования. И, по нашему глубокому убеждению, он будет существовать всегда, пока существует государство. Что же касается судебной власти, то таковая была не всегда. Судебная власть может существовать только там, где имеется соответствующее разделение властей как способ государственного устройства. Соответственно, наличие в государстве суда не означает автоматического наличия и судебной власти. Наличие суда может служить только предпосылкой образования судебной власти. Образование судебной власти полностью является задачей государства. О наличии таковой мы можем говорить только тогда, когда не только законодательно закреплено наличие этой власти, но и когда она действительно является полностью обособленной. Говоря про обособленность, следует понимать ее независимость, так как взаимодействие ветвей власти между собой также имеет важное значение.

Каждый исторический период характеризуется своими особенностями. Знание истории помогает нам определить ориентиры и направления развития общества, понять происходящие в реальное время события, предостеречь от ошибок. Каждое последующее поколение использует накопленные знания и опыт. Многое зависит и от того, кто находится в каждый исторический промежуток времени у власти, каково государственное устройство в эту эпоху.

Период существования Российской империи характеризуется достаточно длительным интервалом – почти в два века. За это время произошло много изменений, связанных с организацией и управлением обществом. В том числе произошли изменения, связанные с судебной системой. Несомненно, нам интересен именно этот промежуток времени, так как попытки образования судебной власти, по нашему мнению, появились именно в Российской империи.

Российская империя образовалась в 1721 г. и просуществовала до 1917 г. Ее образование – заслуга царя Петра I, который провел радикальные изменения во внутренней и внешней политике государства. В результате Северной войны 1700–1721 гг. была разгромлена мощная шведская армия и были возвращены русские земли, захваченные Швецией в конце XVI – начале XVII вв. Русское царство в 1721 г. становится Российской империей во главе с Императором Всероссийским.

Первый российский Император Петр I предпринял целый ряд реформ. Им была проведена реформа государственного управления, преобразования в армии, был создан военный флот, была осуществлена реформа церковного управления, направленная на ликвидацию автономной от государства церковной юрисдикции и подчинение российской церковной иерархии Императору. Были осуществлены финансовая реформа, мероприятия по развитию промышленности и торговли. В 1703 г. был основан Санкт-Петербург, а в 1712 г. он стал столицей государства вместо Москвы. Петр I провел и реформирование судебной системы.

Необходимо отметить, что Петр I начал реформирование судебной системы еще до образования Российской империи. С 1717 по 1719 гг. он предпринял определенные действия, чтобы отделить суд от администрации. Им был учрежден сенат, создана юстиц-коллегия, провинциальные и городские суды, восемь надворных судов в крупных административных центрах, военный суд – полковые и генеральные кригсрехты. Он содержал органы для решения политических вопросов. Ими являлись Преображенский приказ и Тайная канцелярия розыскных дел. При этом эти учреждения находились вне поля ведения юстиц-коллегии.

Сенат являлся апелляционной инстанцией, рассматривал наиболее важные государственные дела, а также судил высших должностных лиц. Коллегии осуществляли судебные функции в рамках своих полномочий. Юстиц-коллегия занималась управлением местных судов, а также являлась апелляционной инстанцией по отношению к ним. На местах действовали надворные (на территории губернии) и нижние (на территории провинции) суды. Именно в их учреждении отразилась первая в российской истории попытка отделить суд от администрации. Функции

Верховного суда выполняли Сенат и Юстиц-коллегия. Ниже их находились: в провинциях – гофгерихты, или надворные апелляционные суды в крупных городах и провинциальные коллегияльные нижние суды. Провинциальные суды вели гражданские и уголовные дела всех категорий крестьян кроме монастырских, а также горожан, не включенных в посад. Судебные дела горожан, включенных в посад, с 1721 г. вел магистрат. В остальных случаях действовал единоличный суд (дела единолично решал земской или городской судья). Но в 1722 г. нижние суды были заменены провинциальными судами, возглавляемыми воеводой.

Однако созданные судебные органы не соответствовали тем задачам управления, которые существовали в то время. С 1722 по 1727 гг. созданные судебные органы были ликвидированы. В результате чего суд вновь слился воедино с органами управления. При этом состязательный принцип судопроизводства был заменен следственным принципом, как результат обострения классово-сословной борьбы [1, с. 402].

В последующем только при императрице Екатерине II, которая провела в 1775 г. административную и судебную реформы, суд отделяется от управления, т. е. судебные органы от административных. Вводится в действие сословный принцип судостроительства, т. е. для каждого сословия существует свой суд. Судебные органы формируются на новых выборах в начале, которые сочетались с назначением. В.О. Ключевский писал, что в первые годы своего правления Екатерина II на основе анализа прошений, сенатских и коллежских дел «усмотрела, что ни о чем не установлено однообразных правил, а законы, изданные в разное время при различном расположении умов, многим казались противоречивыми, а потому все требовали и желали, чтобы законодательство было приведено в лучший порядок» [2, с. 69].

Судебные органы делились на две инстанции. Первая действовала на уровне уездов и рассматривала основные судебные дела. Вторая – на уровне губернии как апелляционная и ревизионная инстанция. По Учреждению о губерниях 1775 г. был организован уездный суд для дворян, как низшая инстанция, состоявший из уездного судьи и двух заседателей, которые избирались дворянством уезда и утверждались губернатором. Был образован и верхний земский суд (один на губернию), который являлся апелляционной и ревизионной инстанцией для уездного суда. Земский суд делился на два департамента (по уголовным и гражданским делам). Каждый из них состоял из председателя, назначавшегося императрицей по представлению Сената, и пяти заседателей, избиравшихся дворянством. Для городских жителей был свой сословный суд. Для них низшей инстанцией, состоявшей из двух бургомистров и четырех ратманов,

избиравшихся купцами и мещанами уездного города сроком на три года, стал городской магистрат. Губернский магистрат (один на губернию) являлся апелляционной и ревизионной инстанцией для городских магистратов. Как и верхний земский суд он состоял из двух департаментов (уголовного и гражданского), во главе которых находились председатели, назначавшиеся Сенатом. Они рассматривали дела коллегиально вместе с тремя заседателями, избиравшимися купцами и мещанами губернского города. Государственные крестьяне судились в пил/спей расправе (суд низшей инстанции), состоявшей из судьи, назначенного губернским правлением из чиновников, и из восьми заседателей, избранных крестьянами. Верхняя расправа выполняла роль апелляционной и ревизионной инстанции для нижних расправ. В двух ее департаментах уголовном и гражданском действовали председатели, назначаемые Сенатом, и по пять заседателей, избранных самими крестьянами.

Таким образом, новая судебная система на уровне высших инстанций отделила уголовный суд от гражданского. Этого принципа придерживались в создании двух высших апелляционных и ревизионных инстанций – палат уголовного и гражданского суда, поставленных над всеми судебными местами губернии. Императрица назначала в каждую палату председателя, а Сенат – двух советников и двух ассессоров.

В 1775 г. для дополнительной защиты гражданских прав по отдельным категориям дел (малолетние обвиняемые и др.) на основании принципа «естественной справедливости» по инициативе Екатерины II был создан Совестный суд. В его компетенцию входили контроль законности заключения обвиняемых под стражу, примирение сторон, освобождение общих судов от дополнительной нагрузки по запутанным делам и преступлениям, которые не представляли значительной общественной опасности. Решения Совестного суда не обладали в имущественных спорах законной силой, а судьи не имели полномочий приводить решение в действие. В случае отсутствия добровольного согласия сторон иск подлежал передаче в суд общей юрисдикции. При Екатерине II произошли существенные изменения в организации судебной системы. Однако данные изменения не затронули судебного процесса. В то же время было ограничено применение пыток, а в уездных городах они были вообще запрещены. В губернских судах для их использования необходимо было разрешение губернатора. Еще одним нововведением явилась разработка системы подачи апелляций. Устанавливался недельный срок по объявлению приговора для заявления о ее подаче, годичный срок для ее оформления лицами, жившими в России, и двухгодичный для лиц,

живших за границей. Пересмотр в апелляционном порядке допускался лишь в отношении гражданских и тех уголовных дел, которые возбуждались по инициативе пострадавших. Остальные уголовные дела могли пересматриваться только по инициативе суда высшей инстанции.

При Павле I произошло преобразование всей системы государственной власти. Эти преобразования коснулись и судебных органов. Главной целью реформирования была бюрократизация и централизация государственного аппарата. Но предпринятые изменения не смогли улучшить сложившуюся при Екатерине II судебную систему. Политика Павла I не устраивала дворянство, так как они могли утратить свое господствующее положение в обществе, а деятельность вновь созданных судебных органов на местах оказалась неэффективна. В результате чего произошел заговор и дворцовый переворот 11 марта 1801 г. [3, с. 62–63].

Судебная реформа 1864 г., проведенная императором Александром II, стала следующим, и очень значимым в истории развития судебной системы России, этапом. 20 ноября 1864 г. им были приняты четыре судебных устава, которые полностью преобразовали судебную систему: Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав Уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Они внесли революционные изменения в систему судостроительства и судопроизводства. В уставах была отражена идея целостности механизмов правосудия. Цель судебного реформирования, по выражению императора Александра II, заключалась в том, чтобы «... водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный...», Возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность...» [4, с. 502].

В соответствии с этими уставами, создавались две судебные системы: местные (волостные, мировые суды, мировые судьи и их съезды) и общие (окружные, создаваемые для нескольких уездов), судебные палаты по уголовным и гражданским делам, которые распространяли свою деятельность на несколько губерний, кассационные (по уголовным и гражданским делам) департаменты Сената. Но в духовной, военной, коммерческой, крестьянской сфере действовали свои юрисдикции. При этом суды стали бессловесными, была отменена система формальных доказательств, суд отделялся от администрации. Произошло установление состязательности и гласности в судебном процессе, отделение судебной власти от обвинительной. Были учреждены суд присяжных, выборный мировой суд, адвокатура. Необходимо отметить, что мировые суды, хотя и находились обособленно от судебной системы, были подчинены вышестоящему судебному органу, которым являлся Сенат.

Кроме судебной, в 60–70 гг. XIX в. был проведен ряд и других реформ: крестьянская, военная, городская, земская. Необходимость проведения этих реформ назревала не один год. Говоря о судебной системе государства, следует отметить, что до этого она находилась в особенно плачевном состоянии. Суд действовал на законодательстве Петра I, Екатерины II и даже в отдельных случаях на Соборном уложении 1649 г.

Судебная реформа 1864 г. была наиболее прогрессивной из всех проведенных до этого реформ. Именно в этот период, на наш взгляд, на основании вышеизложенных изменений, можно говорить о попытке образования судебной власти. Хотя представления о ней отличались от современного ее понимания в силу того что в то время отсутствовали конституционные основы государственности и полноценный принцип разделения властей. Результатом этой реформы стало воплощение международных стандартов и принципов осуществления правосудия: гласности, состязательности, равенства сторон в судебном процессе и др. [5, с. 67].

Реформы, проведенные в последующем Александром III, называют контрреформами. Они заключались в пересмотре многих достижений предыдущего курса в таких важнейших сферах жизни российского общества, как земство, городское самоуправление, суд, образование и печать.

Судебные уставы 1864 г. продолжали действовать и при Александре III. Однако гласность в судопроизводстве по политическим делам ограничивалась. Публикации отчетов о политических процессах были запрещены. Из ведения суда присяжных были изъяты все дела о насильственных действиях против должностных лиц. Необходимо отметить, что такие изменения были вызваны объективными историческими процессами, происходящими в тот период. В частности, на них повлияло и смертельное ранение бомбой Александра II в 1881 г. Вследствие чего было утверждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Согласно ему при необходимости генерал-губернатор или министр внутренних дел могли передать любое дело в военный суд, где оно рассматривалось в закрытом заседании, если посчитают, что оно может послужить поводом к нарушению порядка.

Обер-прокурор К.П. Победоносцев в 1885 г. призвал Александра III отказаться от публичности судебных заседаний, состязательности процесса, упразднить суд присяжных. Но Император не решился полностью менять ту систему, которая была установлена в результате реформы 1864 г. Однако определенные, и надо сказать существенные, изменения им были сделаны. Произошли изменения в низовых судебных органах. В основном были ликвидированы мировые судьи, решавшие помимо разбора мелких дел спорные вопросы между крестьянами и помещика-

ми. Они были сохранены лишь в трех крупных городах – Москве, Петербурге и Одессе. Мировые судьи были заменены земскими участковыми начальниками. При этом на эти должности предоставлялись исключительно дворяне с высоким имущественным цензом. Особенностью являлось то, что, в отличие от мирового суда, земские участковые начальники все спорные вопросы решали единолично. Необходимо отметить, что на их решении могло отражаться и мнение администрации.

В дальнейшем, при Императоре Николае II существовали две судебные системы: местные и общие суды. В систему местных судов входили волостные суды, мировые судьи и съезды мировых судей. К общим судам относились окружные суды, учреждаемые для нескольких уездов, судебные (по гражданским и уголовным делам) палаты, распространявшие свою деятельность на несколько губерний или областей, и кассационные (по гражданским и уголовным делам) департаменты Сената.

Власть судов распространялась на все сферы, кроме тех, где действовала юрисдикция духовных, военных, коммерческих, крестьянских и инородческих судов. Реформа судебной системы закрепила новые принципы: отделение суда от администрации, создание всесословного суда, равенство всех перед судом, несменяемость судей и следователей, прокурорский надзор, выборность мировых судей и присяжных заседателей. Изменились функции прокуратуры, а именно: поддержание обвинения в суде, надзор за деятельностью судов, следствия и местами лишения свободы. После периода контрреформ коснувшиеся судебной системы изменения свидетельствовали о новом этапе либерализации судебного процесса. В 1885 г. была отменена публичная казнь, в 1886 г. расширяется право присяжных в процессе. Они получают возможность вновь участвовать в постановке вопросов. С 1899 г. в судебных палатах вводится обязательное назначение защитника. В 1909 г. в русском законодательстве появляется институт уголовно-досрочного освобождения. С 1910 г. время, проведенное арестованным в предварительном заключении, стало засчитываться в срок заключения. В 1913 г. суду предоставляется право восстановления в правах или реабилитации. Новшеством также стало появление административной юстиции, ставшей прототипом арбитража. Ее появление обусловлено развитием административно-хозяйственных отношений и связей.

В годы Первой мировой войны процессуальное судебное право подвергается изменениям. Данные изменения были вызваны чрезвычайными обстоятельствами. Законом от 20 июля 1914 г. учреждались полковые и этапные, корпусные суды, военно-окружные и главный военный суд. Судопроизводство в военно-полевых судах осуществлялось в исключительном порядке. Оно имело, соответственно, свои особенности,

которые заключались в краткосрочности слушания (не более двух суток), отсутствия защиты, корпоративности состава суда, невозможности обжалования принятого решения.

Ликвидация судебной власти как государственно-правового института произошла в результате революционных преобразований 1917 г. При этом необходимо отметить, что Февральская революция и принятые в тот период реформы, привнесли определенные изменения в судебную систему. Однако Временное правительство не посягнуло на основы судебной власти в России. Реформирование коснулось института земских участковых начальников и суда с сословными представителями – они были упразднены. Были введены мировые суды на волосном уровне. Должности судей мировых судов стали выборными. Учреждались административные суды. Несменяемость судейского корпуса была сохранена, созданы комиссии по расследованиям деятельности судов. Политическая нестабильность и отсутствие четких ориентиров в тот период явилось причиной того, что Временное правительство не смогло удержать власть [6, с. 39].

Октябрьская революция и деятельность Советской власти продемонстрировали абсолютно другое отношение к буржуазному суду. 29 ноября 1917 г. был закрыт Сенат, главный военный суд с военно-прокурорским надзором, военными следователями и Петроградский коммерческий суд. В ночь на 30 ноября 1917 г. был закрыт Петроградский окружной суд. После чего В.И. Ленин констатировал: «...безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения, а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно» [7, с. 162–163].

Таким образом, почти за двухсотлетний период истории Российской империи судебная система неоднократно подвергалась изменениям. Этому способствовали определенные исторические события. Необходимо отметить, что важное значение в происходящих реформах в рассматриваемый интервал времени играло и то, кто находился во главе империи. У каждого императора были свои видения государственного устройства в общем и судебной системы в частности.

Историю развития судебной системы Российской империи условно можно разделить на три основных этапа. Первый этап – с момента ее образования и до реформы 1864 г. Второй этап – после реформы 1864 г., а третий этап – период контрреформ. При этом 1864 г. является самым значимым в истории Российской империи, так как именно в это время, по нашему глубокому убеждению, предпринимались попытки образования судебной власти.

Список использованных источников

1. Серов, Д.О. Судебная реформа Петра I : историко-правовое исследование : монография / Д.О. Серов. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2009. – 488 с.
2. Ключевский, В.О. Курс русской истории : в 9 т. / В.О. Ключевский. – М. : Мысль, 1989. – Т. 5. – 478 с.
3. Слободянюк, И.П. Судебная система России в период «просвещенного абсолютизма» / И.П. Слободянюк // Рос. юстиция. – 2005. – № 3. – С. 62–63.
4. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с приложением рассуждений, на каких они основаны. Издание Государственной Канцелярии. – СПб., 1866. – С. XXXIX–XL. Цитируется по : Кутафин, О.Е., Лебедев, В.М., Семигин, Г.Ю. Судебная власть в России : история, документы : в 6 т. / науч. консультант проекта Е.А. Скрипилев. – Т. III : От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / отв. ред. А.В. Наумов. – М. : Мысль, 2003. – 829 с.
5. Коротких, М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / М.Г. Коротких. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 185 с.
6. Смыкалин, А. Судебная система России в начале XX века / А. Смыкалин // Рос. юстиция. – 2001. – № 12. – С. 39–42.
7. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. – 5-е изд. – Т. 36 : Март–июль 1918. – М. : Политиздат, 1969. – 741 с.

УДК 347.73

Е.Н. Григорьева

НАЛОГОВАЯ РЕФОРМА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Динамика развития современного человечества, а также общественных отношений как его следствия, предопределяет постоянный поиск новых ресурсов для дальнейших эволюционных, а не революционных преобразований общества, государства и права. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь базируется на богатом историческом опыте становления ее государственности, эволюции гражданского общества и права. В этом контексте вызывает научный интерес ретроспективный анализ революционного опыта начала XX ст. как попытки переосмысления основных признаков государства, среди которых немаловажна и роль налогов. Общеизвестно, что революционные преобразования, имевшие место в начале XX в., оказали влияние и на становление налоговой политики возникшего Советского государства.

Одним из первых советских нормативных правовых актов, регулирующих налоговые правоотношения, был Декрет Совнаркома РСФСР от 30 ноября 1917 г. «О взимании прямых налогов». Как указывает Э.В. За-

рецкая, он стал более жестким продолжением налоговой политики Временного правительства и включал в себя как порядок сбора налогов, так и меры ответственности за их неуплату [1, с. 32].

В период военного коммунизма с 1918 по 1921 гг. основным началом взимания налогов являлся принцип прямого натурального обложения в сочетании с резко прогрессивной шкалой налогообложения. Существование этого принципа в исследуемый период при осуществлении продовольственной разверстки в условиях тотального продовольственного кризиса явилось катализатором в выявлении принципа классовости налоговой системы. Данное обстоятельство подтверждается историческими фактами возложения всей тяжести налогового бремени на сельское население. В городах сбор налогов практически не осуществлялся. В это время все государственные органы занимались фискальной функцией (Наркомфин, Наркомтруд, Наркомпрод, НКВД), т. е. в первые годы советской власти в налоговые правоотношения был вовлечен широкий круг субъектов со стороны государства [2, с. 8]. Отличительной чертой налоговой политики первых лет Советской власти было полное игнорирование принципов налогообложения, обоснованных классиками экономической и финансовой теории, начиная от А. Смита. Пробелы в налоговом законодательстве, как отмечает Э.В. Зарецкая, заполнялись революционным правосознанием [1, с. 34]. Период первых лет Советской власти представлял собой наглядный пример функционирования права вне рамок законодательства, когда внутреннее правосознание становилось первичным.

В рассматриваемое время признаками налоговой политики, по словам А.А. Маслениковой, являлись: множественность платежей, насильственные методы взимания, повсеместное несанкционированное обложение, широкое использование правосознания в качестве источника налогового права, сбор налогов нефинансовыми органами, натурализация налогов, грубое нарушение прав и свобод человека [2, с. 8].

Военный коммунизм – время расцвета «околоналоговых» режимов: трудовой и гужевой повинности, контрибуций и реквизиций, повсеместного распространения самочинных налогов. Данные изъятия проходили под налоговыми лозунгами, но к налогам, в обычном их понимании, отношения не имели. Политика идеологии и практики «военного коммунизма» неизбежно привела к повсеместной тотальной разрухе, в том числе в области экономики. В этот момент налог сводился к насильственным изъятиям и стал средством восстановления «классовой справедливости».

В то время некоторые представители экономической науки находили смелость указать на гибельность такой фискальной политики при по-

строении налоговой системы Советского государства. Так, Л.Н. Юровский доказывал, что в существующих условиях необходимо было резко сокращать тяжелое бремя военных расходов, покончить с милитаризацией и «военно-коммунистической» организацией народного хозяйства, стимулировать частную инициативу, «разгосударствливать» экономику путем ликвидации «военного хозяйства» во всех его видах и перехода от государственного хозяйства к частному хозяйству [3, с. 79]. Тяжелое экономическое состояние государства заставило его руководителей пересмотреть свои взгляды и перейти к рыночным экономическим методам хозяйствования при построении его налоговой системы, которыми и стала новая экономическая политика (нэп).

С 1922 г. проводилась налоговая реформа, направленная на налаживание функционирования всей финансовой системы государства. Наряду с принятием мер, направленных на укрепление денежной единицы молодого государства, снятием запретов на кустарный промысел и торговлю, развитием кредитной системы, была разработана и система налогов, в основу которой был положен опыт функционирования до-революционной налоговой системы.

Н.Д. Кондратьев в 1921 г. при переходе к нэпу в период отсутствия устойчивого денежного обращения первоначально отстаивал идею единого натурального налога. В 1924 г. заканчивалась денежная реформа, в связи с чем ученый предложил новые формы построения налоговой системы и принципы ее организации. Они нашли отражение в проекте акта о едином сельскохозяйственном налоге, в котором фиксировались следующие принципы построения налоговой системы государства: максимальное приближение к обложению ренты; принцип районности обложения в зависимости от доходности каждого хозяйства; устойчивости объекта обложения; принцип умеренного прогресса; денежное исчисление и взимание налога; улучшение практики взимания налога; окладное обложение [3, с. 143–144].

Постепенно, в условиях нэпа, которая осуществлялась под руководством ученого-экономиста, доктора юридических наук Г.Я. Сокольников, был взят курс на плавный переход от натуральных к денежным налогам. Происходили изменения и в механизме Советского государства, что проявилось в образовании в составе Наркомфина Управления налогами и государственными доходами [4, с. 64].

Переход к нэпу, появление частного имущества и частных доходов создали возможность для установления разнообразных налогов. Так, составляющими элементами налоговой системы стали такие основные фискальные платежи, как прямые налоги (промышленный налог, подоходно-имущественный налог, сельскохозяйственный налог), кос-

венные налоги (например, налог с оборота) и некоторые сборы, среди которых – гербовый сбор и др. Косвенное налогообложение подвергалось критике с позиции значительного финансового обременения населения, однако продолжало существовать и быть доминирующим потому, что приносило существенный доход государству.

Дальнейшее развитие политических и социально-экономических отношений было predetermined курсом Советской власти на индустриализацию. Это обстоятельство стало определяющим в выборе командно-административного метода управления экономическими процессами. По словам исследователя К. Павлова, «непосредственным толчком к переходу на путь к становлению административно-командного механизма стал выбор конкретной социально-экономической стратегии – курса на форсированное развитие тяжелой индустрии как средства обеспечения военной и экономической безопасности страны» [5, с. 55].

Рост рентабельности промышленного сектора экономики закономерно привел к значительному росту неналоговых поступлений в государственный бюджет. Налоговая политика была направлена на жесткое отслеживание и регулирование нетрудовых накоплений населения, вытеснение и ликвидацию «капиталистических элементов» в экономике страны. Это выражалось в практике установления и взимания подоходного и промыслового налогов, налогов на сверхприбыль и наследство. Например, подоходный налог, которым облагались частные лица, имел ярко выраженную прогрессию и взимался с совокупного дохода. Все плательщики налога были разделены на группы. Лица, получавшие доходы от частной торговли и промышленности и от других нетрудовых источников, выделялись в отдельную группу и платили налог по более высоким ставкам. Налог на сверхприбыль взимался с частнокапиталистических элементов в размере до 50 % оклада подоходного налога. Кулацкие хозяйства облагались индивидуально, по повышенным ставкам, исходя из фактического дохода, определяемого комиссией [6, с. 357–358]. Изменению подлежало обложение хозяйств колхозников сельскохозяйственным налогом. Получение доходов, не связанных с общественным производством (работой в колхозе), сверх соответствующих норм признавалось незаконным. Степень обложения таких хозяйств была поставлена в зависимость от отношения колхозников к труду в общественном хозяйстве. Доход исчислялся по нормам доходности сельскохозяйственных культур и животноводства, дифференцированным по республикам, а внутри республик – по районам. Ставки налога прогрессировали по мере роста облагаемого дохода. Повышалось обложение сельскохозяйственным налогом единоличных хозяйств. Единоличники, имевшие ло-

шадей и использовавшие их для извозного промысла, уплачивали также специальный налог. Значительно повышалась степень изъятия доходов у некооперированных кустарей и ремесленников в связи с завершающейся социалистической перестройкой мелкотоварного производства [7, с. 95–96].

Таким образом, налоговая система рассматриваемого периода являлась сугубо инструментом реализации политической власти и классовой борьбы на фоне отрицания права как пережитка буржуазных отношений, нигилистического отношения к нему в 20-х гг. XX в.

Список использованных источников

1. Зарецкая, Э.В. Налоговая политика и налоговая идеология в первые годы Советской власти / Э.В. Зарецкая // Мир экономики и права. – 2010. – № 9. – С. 32–35.
2. Масленникова, А.А. Налоговая политика советской России в 1917–1929 гг.: историко-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Масленникова ; Нижегород. правовая акад. – Н. Новгород, 2004. – 29 с.
3. Ефимкин, А.П. Дважды реабилитированные: Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 224 с.
4. Чибинев, В.М. История обеспечения законности сбора налогов в России / В.М. Чибинев // История государства и права. – 2003. – № 1. – С. 63–64.
5. Павлов, К. Общий закон о волнообразном характере соотношения рыночных и государственных механизмов регулирования экономики / К. Павлов // Общество и экономика. – 2000. – № 7. – С. 49–60.
6. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. – Минск : Наука и техника, 1975. – Т. 1 : История государства и права Белорусской ССР (1917–1936 гг.). – 608 с.
7. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. – Минск : Наука и техника, 1975. – Т. 2 : История государства и права Белорусской ССР (1937–1975 гг.). – 608 с.

УДК 343.2/.7(09)

О.И. Бахур, А.А. Примаченко

ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОПЫТА ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

На основе анализа этапов исторического развития уголовного права можно проследить характер и содержание целей и задач, стоящих перед обществом, государством на определенном этапе своего развития, методы и средства их реализации. Право, как средство управления обще-

ством, отражает характер и содержание социально-экономических и политических проблем, стоящих перед ним. С таким подходом можно проследить возникновение, становление и развитие уголовного права государства нового типа, возникшего после Октябрьской революции 1917 г. В связи с этим В.И. Хрисанфов писал: «осмысление сложности и неоднозначности опыта недавнего прошлого – необходимое условие для лучшего, более адекватного понимания своеобразия современного этапа развития государства и права» [1, с. 3].

В России, в состав которой входила Беларусь, после перехода государственной власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и образования правительства 25 октября (7 ноября) 1917 г. Председатель созданного правительства – Совета народных комиссаров (СНК) издал «Обращение к населению о победе Октябрьской революции и задачах борьбы на местах», в котором указывалось, что вся власть в стране перешла в руки Советов, а также трудящиеся на местах призывались брать дела государства в свои руки, создавать свои советы, что «Ваши советы – отныне органы государственной власти». «Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии», а также «Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу» [2, с. 23–24].

В этом Обращении также указывалось о необходимости «беречь землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт – все это отныне будет всецело вашим общенародным достоянием». В последующем были приняты декреты о мире, земле, рабочем контроле, суде, об отмене смертной казни.

Декрет «О суде» был принят 24 ноября 1917 г. В нем указывалось, что «до ныне существующие общие судебные установления», т. е. суды упраздняются, «Местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно – районными и волостными, а где таковых нет – уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [2, с. 25]. Предусматривалось этими же советами утверждение списка судебных заседателей. Правосудие должны были осуществлять судья и два заседателя, а в трибунале – судья и шесть заседателей. В компетенцию местных судов входило рассмотрение гражданских и уголовных дел. Если суд назначал взыскание свыше 100 р. или лишение свободы свыше семи дней, то допускалась подача кассационной просьбы. Рассмотрение кассационных просьб осуществляли уездные, а в столицах – столичные съезды местных судей. Аналогичным образом создавались суды в воинских формированиях – избирались полковыми советами или комитетами.

Названным декретом упразднялись институты судебных следователей, прокурорского надзора и деятельность присяжных поверенных и частной адвокатуры. Расследование по уголовным делам предписывалось осуществлять единолично судьям, а функции прокурорского надзора и присяжных поверенных исполняли комиссары, избранные Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всем «низшим и канцелярским чинам» упраздненных названных ведомств предписывалось оставаться на рабочих местах и исполнять распоряжения соответствующих комиссаров.

Приговоры и решения судов предписывалось выносить от имени Российской Республики и руководствоваться неотмененными законами постольку, поскольку они «не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». В примечании к этому пункту Декрета указывалось, что отмененными признаются все законы, которые противоречат декретам СНК, правительства, «а также программам-минимум Р.С.-Д.Р. партии и партии С.Р.». Этим же судам принадлежало право помилования и восстановления в правах.

Отдельным (заключительным) пунктом регулировались вопросы противодействия контрреволюционным преступлениям. В нем указывалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц» учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые учредили революционные трибуналы, ими же создавались следственные комиссии.

Таким образом, в первые полумесяца после образования правительства была создана судебная система нового типа. Правосудие осуществлялось избранными соответствующими советами судьями и заседателями, а в трибуналах – председателями и заседателями (в судах по два, а в трибуналах по шесть заседателей). Хотя судьи вновь созданных судов и руководствовались не только законами предыдущей государственной системы, но и революционной совестью и революционным правосознанием, что не исключало субъективизм и судейское усмотрение, однако наличие указанного числа заседателей полагалось позволит исключить субъективизм при принятии решений (приговоров). Демократическими выборами были созданы органы, осуществляющие надзор за законностью, следственные комиссии и адвокатура. В уголовно-процессуальном

законодательстве сохранялась некоторая преемственность предыдущей государственной системы, а также программные партийные документы (РСДРП и ПСР), «революционная совесть» и «революционное правосознание». Для уголовного права важное значение названного Декрета состояло в том, что в нем были перечислены источники права.

В последующий период достаточно интенсивно вносились изменения и дополнения в законодательство как о совершенствовании организационной структуры правоприменительной системы, уголовно-процессуальных норм и уголовного права (постановления НКЮ – Народного комиссариата юстиции «О революционном трибунале печати» от 18 декабря 1917 г., «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 г., «О красном терроре» постановление СНК от 5 сентября 1918 г., «О Всероссийской чрезвычайной комиссии», Декрет ВЦИК – Всероссийского центрального исполнительного комитета – от 17 февраля 1919 г. и др.), так и в отношении некоторых составов преступлений либо видов наказаний («О взяточничестве» Декрет СНК от 8 мая 1918 г., «О спекуляции» Декрет СНК от 22 июля 1918 г., «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» постановление НКЮ от 23 июля 1918 г., «О дикертирстве» постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г., «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» Декрет СНК от 21 октября 1919 г. и др.).

Важное значение для становления и развития уголовного права государства нового типа имело принятие систематизированного, в определенной степени итогового документа – «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г. Во введении к этому документу указывалось, что можно подвести итог почти двухлетнему «проявлению пролетарского права» и «пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов» и прежде всего «это должно относиться к уголовному праву». Его цели и задачи – свержение «буржуазных и промежуточных классов», а в перспективе обеспечить соответствующие интересам трудящихся масс условия общежития.

Преступлением признавалось действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, а наказание как мера принудительного воздействия. Оно не должно причинять преступнику «бесполезных и лишних страданий». При определении меры наказания

следовало исходить из виновности, степени опасности для общества как самого преступника, его «принадлежность к имущественному классу», так и совершенного им деяния, а также следовало учитывать, насколько совершенное преступление нарушает «основы общественной безопасности». Указывалось также то, что, назначая наказание, следует учитывать цели совершения преступления (например, в «интересах восстановления власти угнетающего класса», из чувства голода, из мести или жестокости).

В Руководящих началах приводилось содержание некоторых основных институтов уголовного права, в частности, о стадиях преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление), соучастии в преступлении (группа, шайка, банда), функциональной роли соучастника преступления (исполнитель, подстрекатель, пособник), а также учитывалось, совершено преступление осознанно или «по невежеству», «принадлежность к имущественному классу», совершено преступление первично или профессиональным преступником (рецидивистом), вменяемость виновного, возраст (уголовная ответственность наступала с 14 лет), состояние обороны. Определялись пределы действия уголовного закона, в частности определены принципы территориальный и гражданства (за совершенное преступление на территории РСФСР были ответственны граждане государства и иностранные граждане, за преступления, совершенные за пределами государства, граждане РСФСР несли ответственность, если они «не уклонялись от суда и наказания» по месту совершения преступления).

В анализируемых Руководящих началах содержался перечень видов наказаний, применяемых судами и трибуналами. Они назывались примерными. К ним относились: 1) внушение; 2) выражение общественного порицания; 3) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения); 4) объявление под байкотом; 5) исключение из объединения на время или навсегда; 6) восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного ущерба; 7) отрешение от должности; 8) воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу; 9) конфискация всего или части имущества; 10) лишение политических прав; 11) объявление врагом революции или народа; 12) принудительные работы без помещения в места лишения свободы; 13) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события; 14) объявление вне закона; 15) расстрел; 16) сочетание вышеназванных наказаний. Допускалось условное осуждение. В примечании указывалось, что народные суды не вправе назначать смертную казнь.

Таким образом, с принятием Руководящих начал была создана Общая часть уголовного права нового типа. По этому поводу А.А. Герцензон и Н.Д. Дурманов писали: «Руководящие начала стали прообразом Общей части первого советского Уголовного кодекса» [3, с. 75].

Первый Уголовный кодекс РСФСР был принят и введен в действие в 1922 г. (постановлением ВЦИК от 24 мая и 1 июня соответственно). В постановлении ВЦИК также было записано: «Президиуму ВЦИК поручается ввести в действие настоящий кодекс на территории союзных советских республик в надлежащем порядке». Данный Уголовный кодекс состоял из Общей и Особенной частей, 5 и 8 глав (соответственно), 227 статей и примечаний к некоторым из них.

В Общей части с некоторыми изменениями и дополнениями воспроизводились Руководящие начала, в частности, было дополнено действие уголовного закона в пространстве реальным принципом, допускалось применение норм по аналогии, перечень наказаний был дополнен «штрафом» без указания его размера, введена отдельная глава (5-я), предусматривающая порядок «отбывания наказания» и другие новеллы. Следовательно, в Общей части УК 1922 г. содержались помимо уголовно-правовых, уголовно-процессуальные нормы, а также нормы уголовно-исполнительного права.

Особенная часть УК состояла из 8 глав: гл. 1. «Государственные преступления», гл. 2. «Должностные (служебные) преступления», гл. 3. «Нарушение правил об отделении церкви от государства», гл. 4. «Преступления хозяйственные», гл. 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», гл. 6. «Имущественные преступления», гл. 7. «Воинские преступления», гл. 8. «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». В Особенную часть УК 1922 г. вошел перечень видов преступлений, которые были предусмотрены декретами СНК, декретами и постановлениями ВЦИК, постановлениями НКЮ, постановлениями НКЗдрава и НКЮ, НКПрод, приказами Реввоенсовета Республики, постановлениями Совета рабочей и крестьянской обороны, постановлениями ВЧК и др., а также описание некоторых составов преступлений было рецепировано из предыдущего законодательства. Таким образом, было кодифицировано уголовное право государства нового типа – Советского. В связи с этим А.А. Пионтковский писал: «Советское уголовное право по своему классовому содержанию с момента своего возникновения носит диаметрально противоположный характер. Оно явилось орудием подавления свергнутых помещиков и капиталистов и орудием воспитания новой общественной дисциплины, соответствующей интересам рабочего класса и всех трудящихся» [3, с. 5].

На территории Беларуси УК РСФСР был введен в действие с 1 июля 1922 г. постановлением ЦИК БССР, а с 1924 г. он стал называться УК БССР. Авторы полагают, что данное изменение было осуществлено в связи с существенными дополнениями УК, обусловленными менталитетом и национальными особенностями белорусского народа.

Последующие УК БССР были приняты в 1928 г., 1960 г., а с 1991 г. УК 1960 г. начал называться Уголовный кодекс Республики Беларусь (в связи с принятием 27 июля 1990 г. Декларации о суверенитете). Ныне действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь принят 9 июля 1999 г., а вступил в силу с 1 января 2001 г. Таким образом, следует иметь в виду, что каждый последующий кодекс создавался на основе предыдущего. В связи с этим, представляется, что более полным и глубоким усвоением и пониманием современного уголовного права, действующего уголовного закона будет при условии знания его истоков.

Список использованных источников

1. Хрисанфов, В.И. История государства и права России 1917–1999 гг. : курс лекций / В.И. Хрисанфов. – СПб. : Лань, Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 1999. – 224 с. (Серия «Учебники для вузов. Специальная литература»).
2. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938 – 370 с.
3. Курс советского уголовного права : в 6 т. – Т. 1. Уголовный закон / редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1970. – 310 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

УДК 329.15 (47 + 57) (09)

А.С. Жмуровский

ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. РЫКОВА: ОТ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Эпоха «военного коммунизма» и период новой экономической политики тесно связаны с пребыванием на руководящих должностях в СНК РСФСР и СССР А.И. Рыкова, которого можно считать одним из творцов и реализаторов политики Советского государства в области экономики и социальной сфере в 20-е гг. Многим А.И. Рыков известен как народный комиссар внутренних дел в составе первого советского правительства. Однако масштабы его участия в общественно-политической и государственной деятельности значительно шире, а взгляды и действия по претворению в жизнь планов большевиков интересны сегодня еще и в свете событий, связанных с развитием частного предпринимательства и индивидуальной инициативы.

Алексей Иванович Рыков родился в марте 1881 г. в Саратове, в семье крестьянина-«отходника», пришедшего в город на заработки. Детство его прошло в нужде, что, однако, не помешало поступить в гимназию и успешно ее закончить. В 1900 г. Рыков – студент юридического факультета Казанского университета, но уже в 1901 г. за революционную деятельность его арестовывают и высылают в Саратов. В 1902 г., спасаясь от ссылки, он переходит на нелегальное положение. В 1903 г. выезжает в Женеву, где познакомится с В.И. Лениным. Работает в газете «Искра». На II съезде РСДРП становится большевиком. В 1905 г. участвует в декабрьском вооруженном восстании в Москве. Неоднократно подвергается арестам. Февральская революция 1917 г. вернула Рыкова из ссылки в Нарымском крае.

VI съезд РСДРП(б) избирает А.И. Рыкова членом ЦК партии. В октябре 1917 г., находясь в составе Президиума Петросовета, он принимает участие в подготовке вооруженного восстания, после победы которого входит в состав СНК в качестве народного комиссара по

внутренним делам. Для защиты завоеваний революции и подавления антисоветских выступлений 28 октября НКВД принял решение о создании при Советах рабочей милиции, которое подписал А.И. Рыков. СНК утверждает это постановление. Одновременно на местах распускается народная милиция Временного правительства. Вскоре Рыков вместе с Зиновьевым, Каменевым, Милютиным, Ногиным в знак протеста против отказа однопартийцев сформировать коалиционное социалистическое правительство оставляет пост наркома внутренних дел и выходит из состава ЦК партии. По предложению Ленина народным комиссаром внутренних дел назначается Петровский.

Выход Рыкова из ЦК и правительства не означал его отхода от активной политической деятельности. Он получил возможность проявить свои способности и опыт на не менее ответственных постах. Это свидетельствовало о доверии к нему со стороны товарищей по партии и лично В.И. Ленина.

После ухода из СНК Алексей Иванович работал в Моссовете, где возглавлял продовольственный комитет, а с 1918 г. принял руководство работой ВСНХ, сосредоточившись на вопросах национализации промышленности и формирования государственного механизма распределения товаров и снабжения РККА.

В 1921 г. ввиду болезни Ленина Рыков становится заместителем, а 2 февраля 1924 г. решением сессии ЦИК СССР II созыва занимает пост Председателя СНК СССР. Его взгляды на вопросы индустриализации и коллективизации были восприняты в ЦК как «Правый уклон в ВКП(б)». В результате Рыков был выведен из состава Политбюро и назначен наркомом связи СССР. В этой должности он пребывал с 1931 по 1936 гг. Затем в 1937 г. на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) был исключен из партии, арестован, а в ноябре 1938 г. расстрелян. Реабилитация А.И. Рыкова состоялась в 1988 г. [1].

Завоевание власти для большевиков, к которым принадлежал Рыков, стало началом пути к социализму – обществу, где отсутствует эксплуатация человека человеком. Путь этот лежал через необходимость формирования государственного аппарата, способного справиться с сопротивлением свергнутых политических сил, и создания социалистического народного хозяйства. Прежний госаппарат выполнить эту задачу был не способен, а у новой власти не было опыта и кадров для управления государством, к тому же рабоче-крестьянскому государству приходилось действовать во враждебном капиталистическом окружении.

А.И. Рыков не был дипломированным экономистом-теоретиком, но являлся управленцем высокого уровня, опытным практиком, способ-

ным ясно формулировать и упорно отстаивать собственную точку зрения, что было ценным качеством, особенно в эпоху социалистических преобразований, отправной точкой которых стала в годы «военного коммунизма» попытка перехода к социализму при помощи чрезвычайных политических и социально-экономических мер.

Некоторые руководители РКП(б) разделяли мнение относительно того, что в ходе реализации политики «военного коммунизма» возможен непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению товаров народного потребления. На практике эта политика оказалась вынужденной, обусловленной крайней разрухой, нарушением традиционных экономических связей между городом и деревней и необходимостью мобилизации ресурсов в условиях Гражданской войны.

Именно так характеризовал политику «военного коммунизма» Ленин, отмечая, что она служила цели отстоять советскую власть, укрепить диктатуру пролетариата и преодолеть экономическую разруху [1, с. 454, 591].

Составными частями ее были: национализация промышленности; централизация управления предприятиями и распределением готовой продукции; продразверстка (изъятие излишков сельхозпродукции в пользу государства); запрет частной торговли и введение государственной хлебной монополии; карточная система; всеобщая трудовая повинность и др.

К середине 1918 г. уже были национализированы банки и водный транспорт. В процессе национализации активно участвовали местные органы управления, что свидетельствовало о его стихийности. С приходом А.И. Рыкова на должность руководителя ВСНХ ситуация изменилась. Местные исполнительные структуры лишились прав на проведение национализации, и она приобрела системный, управляемый характер. Рыков являлся твердым сторонником широкомасштабной национализации.

Гражданская война подталкивала к ускорению темпов национализации промышленности, увязывая этот процесс с наступлением эпохи социализма. В ноябре 1920 г. ВСНХ принимает «Положение о национализации предприятий», в котором предусматривалась национализация производства с числом рабочих 5–10 человек. Рыков принимает активное участие в реализации этого документа.

Для руководства национализированной промышленностью требовалась государственная система управления. А.И. Рыков считал, что подобная система позволит осуществлять хозяйственную деятельность по единому плану. В целом Рыков отвергал предложения, ослабляющие идею единой хозяйственной воли пролетариата, и оставался поборни-

ком административно-командной системы. Он поддержал идею создания отраслевых главков и центров. Эти структуры целиком распоряжались предприятиями соответствующих отраслей и видов производства. Административная система управления хозяйством представлялась Рыкову единственно возможной на тогдашнем этапе развития страны.

Как следует оценивать политику «военного коммунизма», авторство которой принадлежит в том числе А.И. Рыкову? С одной стороны, с ее помощью система управления производством и обращением была мобилизована основательно и способствовала победе в Гражданской войне большевиков. Введенная с января 1919 г. продовольственная разверстка, в ходе которой крестьяне были обязаны сдавать излишки сельхозпродукции государству, в значительной мере сняла проблему снабжения Красной Армии хлебом, что позволило спасти пролетарскую диктатуру в разрушенной войной стране.

Экономические результаты были менее успешными. Административно-командная система мешала развитию народного хозяйства, вела к разрушению связей города и деревни. Город не удовлетворял минимальные потребности деревни. Крестьяне из-за обязательной продразверстки лишались стимулов к производству сельхозпродукции, сознательно сокращая ее количество до минимально необходимых размеров, что вело к натурализации сельского хозяйства. Отказ от товарно-денежных отношений ухудшал положение крестьянства, превращая крестьянина из союзника пролетариата в противника.

Катастрофическое положение сложилось в социальной сфере. Потери населения России, начиная с 1914 г., оценивались в 20 млн человек. Рабочий класс «деклассировался». Несмотря на жесткие меры со стороны ВЧК-ГПУ и милиции, росла преступность. Социально-экономический кризис перерастал в политический. Недовольство народа выливалось в митинги, забастовки и даже вооруженные выступления. Обстановка в стране требовала решительных перемен. Необходимо было перейти от политики чрезвычайных мер военного времени к политике мирного строительства.

Опыт показал, что «красногвардейская атака» на капитал, направленная на национализацию средств производства и уничтожение частной собственности, не создала «реального обобществления производства». Огосударствление, осуществленное в эпоху «военного коммунизма», чрезмерно укрепило бюрократическую систему управления, сформировав угрозу для хозяйственной демократии и инициативы. Госчиновники отобрали у коллегиальных выборных органов и трудовых коллективов рычаги руководства и единолично, без участия и контроля со стороны

работающих, определяли объемы производства, цены, уровень зарплаты и т. д. «Мы просчитались» – это ленинское признание касалось и Рыкова. Необходим был новый, более эффективный экономический курс [2].

Таковым стал курс перевода экономики на рельсы развития многоукладности и рыночного хозяйствования. Рыков отказывается от идеи большого скачка «в светлое коммунистическое будущее» и он становится принципиальным приверженцем рыночных форм хозяйствования, сочетаемых с планово-регулирующим воздействием государства на экономические процессы.

Анализируя методы управления экономикой, он писал, что система, ликвидировавшая конкуренцию, как двигатель хозяйственного механизма и сделавшая монополию формой существования советской экономики, должна быть заменена такой системой, в которой нашлось бы место конкуренции. Эту мысль проводил человек, многое сделавший для укрепления государственной монополии в хозяйственной сфере. Рыков изменил свою точку зрения на вопросы совершенствования хозяйственного механизма, поняв, что нельзя, пользуясь государственной властью, устранять конкурентов, но необходимо побеждать их в экономическом соперничестве. Решения, направленные на реализацию социалистических идеалов, одновременно мешающие росту производства, прогрессу производительных сил, должны быть отменены. Таков критерий жизнеспособности и правомочности всякой общественно-политической системы [2, с. 9].

В марте 1921 г. состоялся X съезд РКП(б), который по докладу В.И. Ленина принял решение о замене разверстки налогом, что сформировало материальные стимулы для развития промышленности и электроэнергетики, улучшения земледелия и увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Было понятно, что для экономического роста, развития аграрной отрасли и модернизации промышленности требовались огромные средства, получить которые из-за рубежа было невозможно.

Для развития внутреннего рынка А.И. Рыков требует особого внимания к проблемам хозяйственного расчета, организации учета и контроля. Он обращает внимание на высокий уровень себестоимости продукции, отсутствие надлежащего материального учета на предприятиях, произвольное формирование цен, волонтаристскую торговую политику, на все то, что затрудняет введение грамотного хозяйственного расчета, без чего невозможна экономическая система управления.

В то же время становилось все более понятно, что радикальная перестройка административной системы, внедрение хозрасчета возможны только при условии сокращения бюрократического централизма, сдерживающего местную инициативу.

Идеи Рыкова, направленные на расширение местной инициативы, не могли не вызвать нареканий со стороны партгосаппарата. Оппонируя чиновникам в речи на XII съезде РКП(б) он говорил, что управлять страной, которая насчитывает громадное число жителей и которая охватывает одну шестую часть суши, на основе бюрократического централизма невозможно [3].

К сожалению, замечания и предложения Рыкова не были услышаны и реализованы на практике. Решения в области хозяйственного развития продолжали генерироваться и приниматься в едином центре, а численность управленческого аппарата росла и ко времени горбачевской «перестройки» достигла 18 млн чиновников различного ранга и профиля. Результаты этого общеизвестны.

Список использованных источников

1. Орлов, А.С., Георгиева, Н.Г., Георгиев, В.А. Исторический словарь. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2012. – С. 454, 591.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Изд-во полит. лит., 1967–1981 гг. – Т. 44. – С. 9.
3. Соловьев, А.А. Съезды и конференции КПСС: справ., 2-е изд. испр. и доп. – М.: Изд-во полит. лит., 1986. – С. 179–183, 334.

УДК 351.73 (09)

А.А. Мушта

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК В РОССИИ НАКАНУНЕ СОБЫТИЙ 1917 г.: ИНСТИТУТЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Вопрос государственной безопасности на протяжении всей истории России играл чрезвычайно значимую роль. Вполне логично, что на фоне существенного осложнения внутривнутриполитической ситуации и нарастания в стране общественного и революционного движения в конце XIX – в начале XX вв. правящими кругами был принят комплекс мер, направленных на усиление охранно-карательного аппарата. Исследование некоторых аспектов этого многопланового и, в значительной степени, запоздалого по своим социально-политическим последствиям процесса, получившего название «полицейская реформа», представляет не только научно-теоретический, но и познавательно-мировоззренческий, а в определенной степени – и практический аспект.

Историография проблемы. Изучение опыта деятельности государственных институций по сохранению устоев господствующего режима и объективная оценка комплекса принимаемых в этом направлении органами политической полиции России шагов в разные периоды развития исторической науки в СССР и БССР было различным и в целом отражало специфику господствующих политико-идеологических установок. Однако даже с учетом этого обстоятельства «полицейско-сыскная» проблематика получила глубокое отражение в научных публикациях и диссертационных исследованиях многих авторитетных ученых (П.А. Шуйский, Н.П. Ерошкин, А.Д. Степанский, З.И. Перегудова, А.А. Миролюбов, Ю.Ф. Овченко, Ю.А. Реент, Л.П. Рассказов, М.С. Чудакова, А.А. Зданович, В.С. Измозик и др.). В частности, заслуживает внимания основательная монография З.И. Перегудовой «Политический сыск в России: 1880–1917 гг.». [1].

Данной проблеме уделяли внимание и западные историки. В силу понятных причин некоторым работам присущи политически окрашенные оценки. Наиболее показательны в этом плане исследование известного американского исследователя с польскими корнями, доктора философии, профессора-советолога Р. Пайпса. Так, в книге «Россия при старом режиме» Р. Пайпс утверждал, что уже в 1880-х гг. в российской империи наличествовали все элементы полицейского государства, а в начале XX в. царское правительство провело мероприятия, «шагнувшие за пределы полицейского режима и вступившие в еще более зловещее царство тоталитаризма» [2].

Из белорусских исследований представляют интерес публикации В.Е. Козлякова, посвященные деятельности самодержавных властей против террора, а также сформированной в Беларуси накануне и в период первой российской революции системе политического сыска, призванной бороться с радикальными элементами и структурами. Кроме того, политической полиции Российской империи и ее деятельности на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. посвящено диссертационное исследование А.Д. Гронского (Белгосуниверситет, 2003 г.).

Исходные понятия. Как отмечают исследователи, в России до революционных событий 1917 г. под термином «государственная безопасность» понималась безопасность Российской империи, принадлежащей государю-императору – всеобщему властителю. Впервые официально понятие «государственная безопасность» (что характерно, оба слова с большой буквы! – прим. авт.) было употреблено 13 июля 1826 г. в Манифесте российского государя Николая I «О совершенствовании приговора над Государственными преступниками (участниками восстания

декабристов 1825 г. – прим. авт.), в котором говорилось о том, что приговоры Верховного Уголовного Суда император смягчил, «... сколько долг правосудия и Государственная Безопасность позволяли» [3, с. 6].

Одним из инструментов обеспечения государственной безопасности является *политический сыск* (или розыск). Этим термином в дореволюционной России обозначалась совокупность специальных оперативно-розыскных мероприятий непроцессуального характера (внутреннее и наружное наблюдение, а также перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции), проводимых уполномоченными на то особыми государственными органами (спецслужбами), по установлению неизвестных или скрывшихся государственных преступников; в более широком понимании – преследование за преступления против государства [4, с. 27]. В своей монографии В.С. Измозик считает сделать очевидное, как представляется, уточнение, что политический сыск «в значительной мере является реакцией на уже происшедшее или то, что может произойти» [5].

Основные институты. Во многих исследованиях проводится мысль, что каждому из этапов социально-политического развития России и связанного с ними конкретному периоду революционного движения была присуща и специфическая система органов политического сыска.

Справочно. 6 августа 1880 г. в системе Министерства внутренних дел был создан Департамент полиции с основной функцией предупреждения и пресечения преступлений и охраны общественной безопасности и порядка. К ведению Департамента относились охранные и розыскные отделения, городские и уездные полицейские учреждения, сыскные отделения, а также градоначальники, речная и фабричная полиция, адресные столы, пожарные команды. Департамент взаимодействовал с другим важным структурным звеном Министерства – политической полицией в лице Отдельного корпуса жандармов, его органами на местах (губернскими жандармскими управлениями и жандармскими полицейскими управлениями железных дорог).

Своеобразным «мозгом» Департамента, его ключевой структурой являлся Особый отдел. Симптоматично, что он стал функционировать в качестве самостоятельной структуры Департамента полиции лишь с 1 января 1898 г., т. е. спустя 17 лет после создания Департамента. Ранее (с 1881 г.) под таким же названием он входил в 3-е делопроизводство Департамента, которое занималось вопросами политического сыска. В составе этой структуры Особый отдел отвечал за разработку секретных сведений и перлюстрацию писем. Повышение статуса отдела являлось своеобразным ответом Министерства внутренних дел на усиление революционного движения в стране, рост влияния социал-демократического

движения среди рабочих, а также на волнения среди крестьян и студенчества, нарастание стачек на фабриках и заводах.

Особый отдел просуществовал 19 лет. Как отмечает З.И. Перегудова, деятельность отдела, его эффективность, разрабатываемые в его недрах методы политического сыска в решающей степени определялись теми лицами, которые его возглавляли [1, с. 62].

Справочно. В июне 1908 г. впервые в истории Департамента полиции во главе Особого отдела ставится жандармский офицер Евгений Константинович Климович, выходец из дворян Витебской губернии. Первоначально он воспитывался в Полоцком кадетском корпусе, затем в 1-м военном Павловском училище, которое закончил по 1-му разряду, впоследствии служил в 69-м пехотном Рязанском полку. В январе 1898 г. перешел в жандармерию и был прикомандирован к Штабу корпуса жандармов, исполняя отдельные поручения. В 1905 г. короткое время Е.К. Климович находился в распоряжении виленско-ковенского и гродненского генерал-губернатора, а с 21 июня 1905 г. исполнял обязанности виленского полицмейстера. Хотя в должности заведующего Особым отделом Климович был непродолжительное время (с июня 1908 г. до 26 декабря 1909 г.), его главной заслугой была более профессиональная организация работы по политическим партиям и организациям в губерниях и крупных городах. [1, с. 88–89].

К началу XX в. сложившаяся система, в силу заложенных в нее противоречий, начала переживать кризисные явления, «сбоить» в поиске ответов на новые вызовы и угрозы со стороны сил социального протеста и политической оппозиции. Так, политическая полиция в лице Отдельного корпуса жандармов была военной организацией, тогда как общая полиция – гражданским ведомством (низовое звено сельской полиции и вовсе было общественным формированием). «Управленческое раздвоение» проявлялось и в том, что высшим координирующим органом был определен Департамент полиции, а Отдельный корпус жандармов находился у него в оперативном подчинении. Однако в инспекторском, строевом и хозяйственном отношении Корпус подчинялся штабу Корпуса, а через него – военному министру.

Принятый впоследствии Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. также не определял детально задачи и компетенцию сыскной полиции, не предусматривал создание ее подразделений в уездах и образование общегосударственного центра, управляющего ее деятельностью.

На этом фоне по распоряжению министра внутренних дел при Департаменте полиции в конце 1912 г. было образовано Особое совещание из представителей политического розыска по пересмотру вопросов, от-

носящихся к этой области, разрешение которых должно содействовать «достижению наилучшей постановки планомерного политического розыска в империи» [1, с. 100].

Необходимость проведения реформы полиции признавалась многими деятелями. Тем не менее работа комиссии Государственной думы затянулась практически на десять лет. За период ее деятельности принималась масса временных узаконений по усилению полиции в различных местностях России. В 1916 г. проект о преобразовании полиции все еще находился на рассмотрении в Государственной думе. Усилившееся революционное движение побудило Министерство внутренних дел срочно форсировать лишь те предложения, которые могли усилить надежность полиции как государственного института.

Тем не менее принятые рекомендации и временные установления, а также многочисленные кадровые перестановки в системе МВД и его политического розыска так и не смогли снять противоречия между отдельными ветвями системы политического сыска, характерными вплоть до февраля 1917 г., повысить ее эффективность в целом.

Технологии. Оценивая состояние политического розыска в империи в период революции 1905 г., полковник Отдельного корпуса жандармов В. Уранов определил политический розыск как «систему обнаружения секретной агентурой революционных организаций, раскрытие их деятельности, состава и связей, проверку и развитие полученных сведений наружным наблюдением, а после достаточного освещения революционных групп – их ликвидацию, успешность которой оценивается по результатам обнаружения вещественных доказательств и задержанию главных деятелей» [6].

До начала XX в. политическая полиция царской России применяла в основном наружное наблюдение и перлюстрацию. Возникновение массового революционного движения, а затем и политических партий вызвало необходимость создания широкой агентурной сети. На важность постановки секретной агентуры указывали такие крупные фигуры политического сыска, как С.В. Зубатов, Г.М. Трутков, П.И. Рачковский.

В феврале 1907 г. Департамент полиции МВД разослал подведомственным розыскным учреждениям два документа, в которых излагались формы и методы работы политического розыска по изобличению государственных преступлений – инструкции по организации наружного (филерского) и внутреннего агентурного наблюдения. Они, по сути, директивно положили в основу политического сыска России использование агентуры «внутреннего осведомления», а наружному наблюдению отвели вспомогательную роль [7].

Если говорить о количестве секретных агентов, то, как правило, наиболее многочисленная сеть внутренней агентуры действовала в столицах. Так, в «северной Пальмире», как отмечал начальник Петербургской охраны А.В. Герасимов, в 1909 г. действовали около 200 секретных сотрудников. В своем докладе вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов указывал численность секретной агентуры в Москве в 1912 г. числом 159 агентов. Что касается численности секретных сотрудников в других городах империи, то она распределялась неравномерно и зависела в основном от политической ситуации в регионе и усердия руководства.

В качестве основных направлений деятельности полицейских структур на территории Беларуси В.Е. Козляков выделяет: наблюдение за настроениями населения и выявление подозреваемых в антисамодеятельных действиях лиц; непосредственную работу с населением и попытки создания псевдореволюционных организаций, действовавших под контролем полицейских чинов; оперативно-розыскную деятельность полиции с целями предупреждения террористических актов и поимки террористов; идеологическую работу, связанную с дискредитацией революционеров и усилением вероподданнических чувств по отношению к царскому режиму.

В Беларуси губернские жандармские управления, охранные отделения располагали определенной сетью агентуры в рядах местной оппозиции. Например, полиции удалось установить надзор за активистами Рабочей партии политического освобождения России, созданной в Минске в 1899 г. Некоторые из них – Г. Гершуни и Л. Клячко – были арестованы на основании донесений полицейской агентуры.

Выводы. История структур политического сыска самодержавной России непосредственным образом была связана с развитием российской государственности. На протяжении всего исторического пути они активно влияли на внутреннюю и внешнюю политику государства, стояли на страже его устоев.

В качестве важнейшего условия повышения эффективности действий карательно-розыскных органов их руководством и правящими кругами в целом рассматривалось своевременное реагирование на изменяющуюся историческую обстановку, что достигалось путем структурных, кадровых реорганизаций и даже реформированием системы политического сыска как таковой.

Вместе с тем, как отмечают многие исследователи, на главном, поворотном этапе развития Российской империи, ее полицейские органы волею объективных обстоятельств и стечением многих субъективных причин были поставлены в такие условия, что оказались не в состоянии

помешать изменить общую траекторию развития страны. Итог драматических событий 1917 г., на много лет вперед определивших судьбу России и населявших ее народов, зависел уже не от деятельности Департамента полиции и его подразделений, Министерства внутренних дел или военного ведомства, не игравших особой роли в происходившем. Этот исход предопределялся системными изъянами самого режима, а также силой и характером требований новых актеров, уверенно выходявших на политическую авансцену России.

Список использованных источников

1. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880–1917). – М. : РОС-СПЭН, 2000. – 432 с.
2. Пайпс, Ричард. Россия при старом режиме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/66118/richard-payps-rossiya-pri-starom-rezhime-100.php>. – Дата доступа: 05.10.2017.
3. Кез, И.В. Сквозь годы и грозы XX века / Игорь Кез, Валений Мороз. – Брест : Альтернатива, 2014. – 384 с.
4. Рассказов, Л.П. Органы политического розыска Российской империи глазами зарубежных исследователей / Л.П. Рассказов, Я.А. Крутова. – Общество и право. – 2010. – № 1 (28). – С. 27–29.
5. Измозик, В.С. Жандармы России / В.С. Измозик. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 640 с.
6. Овченко, Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/politicheskiy-rozysk-sredstvo-obespecheniya-bezopasnosti-rossiyskogo-samoderzhaviya-1880-1917-gg#ixzz4xq1gGEyh>. – Дата доступа: 31.10.2017.
7. Чудакова, М.С. Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekretnaya-agentura-departamenta-politsii-1907-1917-gg>. – Дата доступа: 15.10.2017.

УДК 323.28 (47 + 57) (09)

А.Ф. Вішнеўскі

ДЗЕЙНАСЦЬ ПРАКУРОРА А.Я. ВЫШЫНСКАГА Ў КАНТЭКСЦЕ ЎМАЦАВАННЯ САВЕЦКАГА ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОГА РЭЖЫМУ

Матэрыялы, змешчаныя ў розных даведніках, даюць падставу сцвярджаць, што біяграфія Андрэя Януар’евіча Вышынскага складзена з хітра падабраных дадзеных: высвечваюць адны факты і зацямяюць

другія. Вядома, што ён нарадзіўся ў Адэсе 28 лістапада 1883 г. у сям’і правізара. У пачатку 1890-х гг. яго бацькі пераехалі ў Баку, дзе працягвалі займацца аптэчнай справай. У 17-гадовым узросце ў гэтым горадзе А.Я. Вышынскі бліскуча закончыў мужчынскую класічную гімназію і ў 1901 г. паступіў на юрыдычны факультэт Кіеўскага ўніверсітэта, адкуль за нядобранадзейнасць у сакавіку 1902 г. быў выключаны. У 1903 г. уступіў у бакінскую арганізацыю РСДРП, а ў 1908 г. быў асуджаны да аднаго года пазбаўлення волі. Зняволенне адбываў у Баілаўскай турме, дзе тады знаходзіўся вядомы рэвалюцыянер Коба (Іосіф Вісарыёнавіч Джугашвілі), і нейкі час яны нават сядзелі ў адной камеры [1, с. 233].

Вышынскаму ўдалося зноў стаць студэнтам юрыдычнага факультэта Кіеўскага ўніверсітэта, які ў 1913 г. ён закончыў і праз два гады ў Маскве паступіў памочнікам да вядомага адваката Паўла Мікалаевіча Малянтовіча – чалавека з ярка выяўленымі ліберальна-дэмакратычнымі перакананнямі.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі Вышынскі становіцца старшынёй Якіманскай раённай управы г. Масквы і камісарам міліцыі, старанна выконвае ўсе загады Часовага ўрада, у тым ліку па вышуку і арышце У.І. Леніна. З перамогай Кастрычніцкай рэвалюцыі, у адрозненне ад многіх сваіх саратнікаў-меншавікоў, Вышынскі не выступаў адкрыта супраць новай улады. Захаваўся толькі адзін дакумент, дзе ён пакінуў сляды незадаволенасці ёю: подпіс пісьма групы меншавікоў, накіраванага ў 1919 г. Леніну, у якім яны патрабавалі палітычных свабод, спынення рэпрэсій і г. д. [2, с. 139].

Чаму з прыходам да ўлады бальшавікоў Вышынскі не робіць спробы ўступіць у шэрагі кіруючай палітычнай партыі? Справа ў тым, што ён быў не толькі адукаваным, але і вельмі асцярожным чалавекам. Да 1920 г. адчування непадзельнай перамогі бальшавікоў не было і прыналежнасць да меншавіцкай партыі Андрэя Януар’евіча не турбавала. З паспяховым заканчэннем Грамадзянскай вайны, разгромам замежных інтэрвентаў стала ясна: бальшавікі перамаглі. Таму ў 1920 г. Андрэй Януар’евіч падае заяву аб прыёме ў шэрагі РКП(б). Замаскварэцкі райкам даволі хутка задаволіў просьбу, з чаго можна зрабіць выснову, што Вышынскі меў падтрымку якойсьці высокай асобы. Ёсць падставы далучыцца да меркавання прафесара Пітэра Саламона, што гэтым дабрадзем быў сам Сталін [3, с. 152].

Запозненае ўступленне ў шэрагі камуністычнай партыі пазней наганяла жаху Вышынскаму, бо Сталін добра разумеў, якой стрэмкай сядзіць і будзе сядзець у свядомасці былога меншавіка далікатны эпізод – падпісанае распараджэнне аб вышуку, арышце і аддачы пад суд У.І. Ульянава (Леніна).

Пералом у кар’еры Андрэя Януар’евіча наступае ў 1923 г., калі ён выступіў у якасці грамадскага абвінаваўцы на адным з буйных працэсаў «царкоўнікаў». Пракурорская трыбуна прыйшлася Вышынскаму даспадобы, і неўзабаве ён становіцца пракурорам крываўна-судовай калегіі Вярхоўнага суда РСФСР, актыўна займаецца навукай, публікуе артыкулы і кнігі: «Нарысы па гісторыі камунізму» (1924), «Суд і карная палітыка Савецкай улады» (1925) і інш. У 1925 г. савет Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта выбраў Вышынскага рэктарам, у якім ён адначасова чытаў лекцыі па крываўным працэсе, на аснове якіх падрыхтаваў падручнік «Курс крываўнага працэсу».

Кар’ера Андрэя Януар’евіча як юрыста стала развівацца па ўзыходнай лініі з 1928 г., калі ён становіцца старшынёй спецыяльнай камісіі Вярхоўнага суда па «шахцінскай справе», затым па справе так званай «Прампартыі». Менавіта на «шахцінскім працэсе» было кінута тое зерне, якое ў хуткім часе прарасце і дасць багаты ўсход: усю ўвагу суд сканцэнтраван на аналізе доказаў, а на ўменні дабівацца ад падсудных пацвярджэнняў прызнанняў імі сваёй віны. Месца дзяржаўнага абвінаваўцы на «шахцінскім працэсе» заняў сапернік Вышынскага Мікалай Крыленка. Успаміны відавочцаў малююць нам псіхалагічны партрэты двух стаўпоў савецкай юрыспрудэнцыі таго часу: «Крыленка прылюдна глуміўся з ахвяр, тады як Вышынскі, наадварот, даціскаў іх логікай, пададзенай у форме вытанчанай карэктнасці... Вышынскі лавіраваў, імкнуўся паказаць сябе незалежным, аб’ектыўным і дэмакратычным суддзёй. – *пер. А.В.*» [4, с. 29–30]. Але, бадай, самай важнай знаходкай Андрэя Януар’евіча на судовым працэсе па «шахцінскай справе» з’яўляецца тэзіс пра тое, што «савецкі суд – гэты найадказнейшы орган пралетарскай дыктатуры – павінен зыходзіць і заўсёды зыходзіць выключна з меркаванняў дзяржаўнай і гаспадарчай мэтазгоднасці. – *пер. А.В.*» [4, с. 31]. Тым самым, не прадбачачы яшчэ 1937 г., ён чутка ўлавіў палітычны заказ у адносінах да савецкай судовай машыны. Шахцінскі працэс «з’явіўся своеасаблівым выпрабавальным палігонам для новай тэхнікі – для абвінавачанняў, заснаваных на так званых «прызнаннях» падсудных, гэта значыць непраўдзівых самаабгаворах, здабытых тэрарыстычнымі метадамі. – *пер. А.В.*» [5, с. 135].

25 лістапада – 7 снежня 1930 г. у Маскве адбыўся чарговы публічны працэс над групай спецыялістаў, якія абвінавачваліся ў шкодніцтве і контррэвалюцыйнай дзейнасці, – працэс «Прампартыі». Да суда былі прыцягнуты восем чалавек: Л.К. Рамзін – дырэктар Усесаюзнага цэплатэхнічнага інстытута, а таксама спецыялісты ў галінах тэхнічных навук і планавання В.А. Ларычаў, І.А. Каліннікаў, І.Ф. Чарноўскі і ін-

шыя. Рамзін і яго таварышы былі прадстаўлены як агенты прэзідэнта Францыі, англійскага разведчыка палкоўніка Томаса Лоўрэнса і іншых імперыялістаў. Адметнай і злавеснай асаблівасцю працэсу было тое, што ўсе падсудныя прызналіся ў прад’яўленых абвінавачаннях. Асаблівае ўражанне гэта выклікала ў правазнаўцаў заходніх краін і нагул людзей, правасвядомасць якіх была выпрацавана на класічных уяўленнях пра правасуддзе: прызнанне абвінавачаных як бы выключала магчымасць спрэчкі аб віне; многім у галаву не магло прыйсці, што прызнанне ў судзе бывае не толькі свабодным і добраахвотным... На працэсе «Прампартыі» Вышынскі ўмела ўваходзіў у вобраз таго дзяржаўнага абвінаваўцы, які ў хуткім часе пакажа сябе на вялікіх маскоўскіх працэсах [6, с. 156–159].

11 мая 1931 г. Андрэй Януар’евіч быў прызначаны пракурорам РСФСР. Ён змяніў на гэтым пасту М.В. Крыленку. Праз дзесяць дзён Вышынскі становіцца адначасова і намеснікам наркама юстыцыі РСФСР. У чэрвені 1933 г. пасля стварэння Пракуратуры СССР А.Я. Вышынскага прызначылі намеснікам пракурора, а з сакавіка 1935 г. ён ужо пракурор Саюза ССР. Пра яго загаварылі як пра новую ўзыходзячую зорку на савецкім юрыдычным небасхіле. Ніводная важная падзея ў прававым жыцці краіны, ці гэта былі нарады, актывы, ці судовыя працэсы, асабліва па палітычных справах, не абыходзілася без яго ўдзелу. Асабліва паказальнае выступленне Вышынскага па пытаннях судовай палітыкі і судовай работы на пленуме Вярхоўнага суда СССР у сакавіку 1936 г., на якім ён падверг знішчальнай крытыцы даклад старшыні Вярхоўнага суда Вінакурава, назваўшы яго «статыстычна-бухгалтарскай», а не палітычнай справаздачай, таму што ў ёй, па яго меркаванні, не былі «выдзелены вузлавыя пытанні судовай палітыкі», не было «асноўнага стрыжня». Не спадабаліся яму таксама даклад дырэктара Інстытута крываўнай палітыкі Шляпачнікава, які «нічога не даў», і выступленне наркама юстыцыі Саюза ССР Крыленкі. Выступленне старшыні калегіі Вярхоўнага суда СССР Антонава-Саратаўскага ў спрэчках Вышынскі назваў «дзіўным», а змест яго прамовы – «цяжкаўлоўным».

Вышынскі быў адным з нямногіх савецкіх пракурораў, хто не цураўся судовай трыбуны, з асалодай выступаў на судовых працэсах, адчуваючы сябе на іх упэўнена і натуральна. Усе пракуроры да Вышынскага, акрамя М.В. Крыленкі, і пасля яго (за выключэннем Р.А. Рудэнкі) не вельмі любілі судовую трыбуну.

Аднак у свеце Вышынскага ведалі перш за ўсё як «пракурора маскоўскіх палітычных працэсаў», на якіх ён выступаў у 1936–1938 гг. Асабліва выдзяляюцца тры такія працэсы.

Справа «Антысавецкага аб'яднанага трацкісцка-зіноўеўскага блока» разглядалася ваеннай калегіяй Вярхоўнага суда СССР 19–24 жніўня 1936 г. У судовым пасяджэнні яна выступала пад назвай «справа трацкісцка-зіноўеўскага тэрарыстычнага цэнтра». Пад суд былі аддадзены 16 чалавек: Р.Я. Зіноўеў, Л.Б. Каменеў, Г.Е. Еўдакімаў, І.І. Рэйнгольд, Р.В. Пікель, Е.А. Драйцэр і іншыя. Завяршыў сваю прамову А.Я. Вышынскі так: «Я хачу закончыць напамінам вам, таварышы судзі, пра тых патрабаванні, якія прад'яўляе закон у справах аб найцяжэйшых дзяржаўных злачынствах. Я дазваляю сабе напаміць пра ваш абавязак, прызнаўшы гэтых людзей, усіх шаснаццаць, вінаватымі ў дзяржаўных злачынствах, прымяніць да іх у поўнай меры і тых артыкулы закона, якія прад'яўлены ім абвінавачаннем. Ашалелых сабак я патрабую расстраляць – усіх да аднаго. – *пер. А.В.*» [7, с. 406]. Усе, хто праходзіў па справе, былі асуджаны да вышэйшай меры пакарання.

Справа аб так званым «Паралельным антысавецкім трацкісцкім цэнтры» разглядалася ваеннай калегіяй Вярхоўнага суда СССР 23–30 студзеня 1937 г. У судзе яна праходзіла пад назвай «справа антысавецкага трацкісцкага цэнтра». Былі аддадзены пад суд 17 чалавек: Ю.П. Пятакоў, Р.Я. Сакольнікаў, К.Б. Радэк, В.В. Арнольд, М.С. Страілаў, Я.А. Ліўшыц, І.А. Князеў, А.А. Шастоў і іншыя. Сваю прамову Вышынскі закончыў наступнымі словамі: «Я абвінавачваю не адзін! Я абвінавачваю разам з усім нашым народам, абвінавачваю найцяжэйшых злачынцаў, якія заслугоўваюць адну толькі меру пакарання – расстрэл, смерць. – *пер. А.В.*» [7, с. 462]. 13 падсудных прыгаварылі да расстрэлу. Р.Я. Сакольнікаву, В.В. Арнольду і К.Б. Радэку прызначылі турэмнае зняволенне тэрмінам 10 гадоў, М.С. Страілаву – 8 гадоў зняволення ў турме. У маі 1939 г. Р.Я. Сакольнікаў і К.Б. Радэк былі забіты сукамернікамі ў турме, а ў 1941 г. В.В. Арнольд і М.С. Страілаў па завочна вынесеным прысуду былі расстраляны [8, с. 34, 42].

2–13 сакавіка 1938 г. калегіяй Вярхоўнага суда СССР разглядалася справа антысавецкага «права-трацкісцкага блока». Пад суд быў аддадзены 21 чалавек: М.І. Бухарын, А.І. Рыкаў, Г.Г. Ягода, А.П. Розэнгольц, М.А. Чарноў, І.А. Зялінскі, В.Ф. Шаранговіч і іншыя. Большасць падсудных (18 чалавек) былі таксама прыгавораны да расстрэлу [7, с. 464–538].

Пра названыя і іншыя маскоўскія працэсы, метады вядзення «следства», выбіванне прызнальных паказанняў у абвінавачаных, а затым і ў падсудных, фальсіфікацыі і падлогі, а таксама пра ролю ва ўсім гэтым Вышынскага напісана даволі шмат. Усе гэтыя справы перагледжаны, прыгаворы па іх адменены, а асобы, якія па іх праходзілі, за выключэннем Г.Г. Ягоды, рэабілітаваны.

Вышынскі адхіліў пракурорскі нагляд за законнасцю ў дзейнасці органаў дзяржаўнай бяспекі па справах аб дзяржаўных злачынствах (па просьбе Беры). Усялякія спробы пракурораў пратэставаць супраць беззаконнасці падаўляліся ім. Многія пракуроры самі былі аб'яўлены «ворагамі народа». Сярод ахвяр быў і першы пракурор СССР А. Акулаў, які займаў гэты пост з 1933 па 1935 гг. Ад самавольства Вышынскага пацярпелі і многія ваенныя пракуроры, у тым ліку па яго прамым указанні 74 чалавекі, за тое, што не давалі пры адсутнасці для таго дастатковых падстаў санкцый на арышт асоб, што знаходзіліся на ваеннай службе [9, с. 124].

У Нацыянальным архіве Беларусі захавалася тэлеграма, якую 17 красавіка 1938 г. Вышынскі накіраваў пракурорам саюзных рэспублік, краёў і абласцей. У ёй гаварылася, што ў сувязі з запытамі шэрагу пракурораў аб парадку разгляду скаргаў па справах праверкі правільнасці асуджэння неабходна праводзіць толькі ў выключных выпадках... Ва ўсіх астатніх выпадках трэба было паведамляць тым, хто скардзіўся, што справа пераглядацца не будзе, што прынятае рашэнне з'яўлялася канчатковым [10, с. 169]. Усё гэта стварала надзвычай спрыяльныя ўмовы для хуткага распаўсюджвання беззаконня на месцах.

У разгляданы перыяд распаўсюджанай з'явай была фальсіфікацыя спраў следчымі органамі. Так, былыя следчыя па найважнейшых справах Пракуратуры СССР Л.Б. Шэйнін і М.Ю. Рагінскі, якія ўдзельнічалі разам з Вышынскім у допыце абвінавачаных, у сваіх тлумачэннях у пачатку 60-х гг. паведамлялі, што так званыя пераддопыты Вышынскім насілі чыста фармальны характар, яму прад'яўляліся толькі пратаколы допытаў, а з усімі матэрыяламі справы, як належала паводле закона, не знаёмілі. Вышынскі па сваім меркаванні карэктываў заключэнні экспертызы [8, с. 41]. Больш за тое, па асабліва важных палітычных справах варыянты абвінаваўчага заключэння пасылаліся асабіста Сталіну і некалькі разоў перарабляліся згодна з яго ўказаннямі. Напрыклад, 9 студзеня 1937 г. А.Я. Вышынскі і М.І. Яжоў у суправаджальным пісьме Сталіну адзначалі: «Накіроўваем перароблены, згодна з Вашымі ўказаннямі, праект абвінаваўчага заключэння па справе Пятакова, Сакольнікава, Радэка і іншых. – *пер. А.В.*» [8, с. 42].

Пра тое, што ў 30-я гг. незаконны шлях для атрымання прызнанняў падследных стаў пераважным, прыйшлі практычна ўсе даследчыкі, у тым ліку і такія вядомыя юрысты, як акадэмік У. Кудраўцаў і прафесар А. Трусаў. Прычынамі гэтага «былі: <...> павышаная ўнушальнасць; боязь насілля з боку следчых; вера ў абяцанне аблегчыць свой лёс у выпадку прызнання віны і г. д. У палітычных справах усе яны мелі месца. –

пер. А.В.» [11, с. 234–235]. Як сведчаць факты, у разгляданы перыяд прынцып прэзюмпцыі невінаватасці быў адхілены, выбітае прызнанне аб’яўлялася «царыцай доказаў». У тых жа выпадках, калі незаконныя спосабы не спрацоўвалі, суддзі маглі вынесці прыгавор, кіруючыся сваім «рэвалюцыйным сумленнем».

У абвінаваўчых прамовах на судовых пасяджэннях па справах Каменева-Зіноўева, Пятакова-Радэка, на бухарынскім і іншых працэсах атмасфера суда і стыль пракурора Вышынскага добра адчуваецца ў тых ідэалагемах, якія ён выказваў у адносінах да падсудных: «смярдзючая куча чалавечых адкідаў», «самыя страшныя, самыя адпетыя і разбэшчаныя, несумленныя элементы», «агідная куча авантурыстаў», «ашалелыя сабакі», якіх «трэба расстраляць усіх да аднаго», «праклятая мяшанка лісы і свінні» (пра Бухарына) і да т. п. У пракурора Саюза ССР падсудныя не гавораць, а «каркаюць», «рохкаюць», «гаўкаюць». Час ад часу гэты паток лаянкі змяняўся лірычнымі адступленнямі, якія плаўна пераходзілі ў новыя выкрывальныя тырады, і завяршалася прамова панегірыкамі ў адрас кіраўніка дзяржавы. Яркім пацвярджэннем апошняга з’яўляюцца словы Вышынскага, сказаныя ім у канцы працэсу так званага антысавецкага «права-трацкісцкага блока». «Уся наша краіна, – гаварыў пракурор Саюза ССР, – ад малога да старога, чакае і патрабуе аднаго: здраднікаў і шпіёнаў, прадаўшых ворагу нашу Радзіму, расстраляць як паганых сабак! Патрабуе наш народ аднаго: раздавіць праклятую гадзіну! Пройдзе час. Магілы ненавісных здраднікаў растуць бур’яном і чартапалохам, пакрытыя вечнай пагардай сумленных савецкіх людзей, усяго савецкага народа. А над намі, над нашай шчаслівай краінай, па-ранейшаму ясна і радасна будзе зіхацець сваімі светлымі промямі наша сонца. Мы, наш народ, будзем па-ранейшаму кроцьць па ачышчанай ад апошняй нечысці і погані мінулага дарозе, на чале з нашым любімым правадыром і настаўнікам – вялікім Сталіным – наперад і наперад, да камунізму. – пер. А.В.» [7, с. 538].

Знявагаю і прыніжэннем, а не толькі фізічным знішчэннем звергнутых, Вышынскі стварыў зусім невядомы тып крымінальнага працэсу: якія неабходны доказы віны, калі размова ідзе пра «ашалелых сабак», «смярдзючую падлу» і г. д.? Здзекуючыся з загнаных на лаву падсудных былых членаў Палітбюро ЦК ВКП(б), бальшавікоў, прайшоўшых царскую катаргу, турмы і ссылак, з тых, хто не мог адказаць, не прадстаўляючы сур’ёзных доказаў, Вышынскі ўрачыста падводзіў вынік: «...вельмі важкія і пераканаўчыя доказы!». – пер. А.В.» [12, с. 13]. Ненатуральнасць, прадзятасць у ацэнцы прадстаўленых доказаў прасочваюцца практычна ва ўсіх буйных адкрытых палітычных працэсах 30-х гг. Так, у абвінаваўчай

прамове на працэсе «Паралельнага антысавецкага трацкісцкага цэнтра» Вышынскі свярджаў, што першым доказам віны падсудных з’яўляецца «гістарычная сувязь, якая пацвярджае абвінаваўчыя тэзісы на падставе мінулай дзейнасці трацкістаў». Тым самым замест рэальных фактаў таго часу, да якога адносіцца абвінавачанне, прапаноўвалася ацэньваць мінулае, ад якога абвінавачаныя самі ж адмовіліся. На працэсе па справе антысавецкага «права-трацкісцкага блока» абвінавачанне Бухарына ў саўдзеле ў замаху на жыццё Леніна эсэркі Каплан у 1918 г. фарміравалася наступным чынам. Пасля таго як Бухарын удзелу ў гэтым замаху не прызнаў, быў выкліканы сведка Асінскі, які сказаў: «У канцы 1918 г. у нас са Стукавым зайшла размова пра стан Леніна пасля ранення... Стукаў наконт гэтага сказаў наступнае: а ці ведаеце вы, што выстрал Каплан з’яўляецца не толькі вынікам дырэктывы, дадзенай ЦК партыі правых эсэраў, але таксама прамым вынікам тых мерапрыемстваў, якія былі ў свой час намечаны блокам для звяржэння ўрада, і ў прыватнасці ўстаноўкі на ўмярцвенне правадыроў урада. – пер. А.В.» [13, с. 308]. Стукаў дапрошаны не быў, словы Асінскага суд прыняў. У заключнай прамове Вышынскі ўжо прама свярджаў: «Пытанне аб тэрарыстычным акце супраць Леніна было ўзнята ў 1918 г. не кім іншым, як менавіта Бухарыным. – пер. А.В.» [13, с. 308]. «Устаноўлена, – сказана ў прыговорах ваеннай калегіі Вярхоўнага суда СССР, – што ўчынены эсэркай Каплан 30 жніўня 1918 г. замах на жыццё У.І. Леніна з’явіўся прамым вынікам злачынных намераў «левых камуністаў» на чале з Бухарыным і іх саўдзельнікаў «левых» і «правых» эсэраў. – пер. А.В.» [13, с. 382]. Так, ад агульных тэрарыстычных разважанняў, што мелі месца за дваццаць гадоў да суда, пракладвалася кладка да канкрэтнага замаху, за які абвінавачаны прыгаворваўся да вышэйшай меры пакарання. Прывядзём яшчэ некаторыя прыклады «доказаў». Калі памочнік Вышынскага стары бальшавік А. Сольц запатрабаваў у яго матэрыялы па справе Трыфанава (бацькі пісьменніка Ю. Трыфанава), сказаўшы пры гэтым, што ён не верыць у тое, што Трыфанаў – вораг народа, пракурор Саюза ССР сказаў: «Калі органы ўзялі, значыць, вораг. – пер. А.В.» [14, с. 194]. У пачатку 1937 г. у Мінску арыштавалі майстра Міністэрства будаўніцтва Б.А. Пашкоўскага нібыта за ўдзел у контррэвалюцыйнай арганізацыі, у якую залічылі 16 чалавек, у тым ліку сыноў былога прэзідэнта АН БССР, члена Бюро ЦК КП(б) У.М. Ігнатоўскага (Валянціна і Юрыя). Пры слуханні справы 26–27 мая 1937 г. на пасяджэнні Ваеннага трыбунала БВА абвінавачаныя адмовіліся ад прызнанняў, зробленых на папярэднім следстве, заявіўшы, што ніякай контррэвалюцыйнай арганізацыі наогул не было. Паказанні запісваліся не з іх слоў,

а на высновах тых, хто праводзіў допыты. Якіх-небудзь дадатковых доказаў вінаватасці арыштаваных пры даследаванні справы атрымана не было. Тым не менш без доказаў віны справу Б.А. Пашкоўскага і іншых накіравалі на разгляд камісара ўнутраных спраў СССР Яжова і пракурора СССР Вышынскага, і тыя пастановай ад 22 верасня 1937 г. прыгаварылі ўсіх да расстрэлу. Прыгавор быў приведзены ў выкананне [15, с. 39].

Вось якую характарыстыку Вышынскаму і яго прамовам на судовых працэсах дае А. Ваксберг. «Бяспрыкладнае спалучэнне акадэмізму, вучонасці, амаль фарсістай адукаванасці са зневажальнай лаянкай, якая вылятае з вуснаў настолькі натуральна, нібы гэта грымучая сумесь стала нормай, паўсядзённым жаргонам. І лаянка да таго ж была няпростая – кожнае зняважлівае слова набывала афарбоўку злавесную. Бо сэнс, які ў яго ўкладзены, меў палітычную аснову. – *пер. А.В.*» [12, с. 13].

У канцы 70-х гг. мінулага стагоддзя для мяне абвінаваўчыя прамовы Вышынскага ўяўляліся крыніцай юрыдычнай мудрасці і судовага красамоўства. Вырашыў вярнуцца да іх ізноў і акнуўся ў цяжкую атмасферу тых гадоў. У яго кнізе «Судовыя прамовы» (1948) асабліваю ўвагу звяртае на сябе справа антысавецкага трацкісцкага цэнтра і справа антысавецкага «права-трацкісцкага блока». Галоўнае месца ў выступленнях дзяржаўнага абвінаваўцы аддаецца гістарычным, агульнапалітычным, ідэалагічным пытанням з багатым цытаваннем прац Леніна, Сталіна, мысліцеляў далёкага мінулага, матэрыялаў партыйных з’ездаў, з’ездаў Саветаў, партканферэнцый, характарыстыцы вучэння аб магчымасці перамогі сацыялізму ў адной асобна ўзятай краіне і іншаму. Што датычыць працэсуальных пытанняў, то па справе антысавецкага трацкісцкага цэнтра з 56 старонак ім прысвечана 4,5 старонкі, а па справе антысавецкага «права-трацкісцкага блока» з 74 старонак юрыдычным пытанням адведзена толькі 3 старонкі. Такія суадносіны характэрны і для іншых спраў, агучаных А.Я. Вышынскім у якасці дзяржаўнага абвінаваўцы ў 30-я гг.

Такім чынам, прамовы Вышынскага па палітычных справах нічога агульнага не мелі са звычайнымі судовымі прамовамі дзяржаўных абвінаваўцаў, дзе патрабуецца скрупулёзны аналіз доказаў, выкрываючых вінаватых асоб. Андрэй Януар’евіч не турбаваў сябе глыбокім даследаваннем віны падсудных. Ён толькі надаваў сваім прамовам публіцыстычны характар і патрэбную на той час палітычную афарбоўку. А што датычыць прадстаўлення суду доказаў, то гэтага тады зусім і не патрабавалася, бо прыгаворы фактычна былі ўжо прадвырашаны і нават не Вышынскім.

Дзеля навуковай аб’ектыўнасці неабходна сказаць, што лаянка, якая была характэрна для Вышынскага, замест сур’ёзных доказаў прагучала спачатку не ў зале судовых пасяджэнняў, а на старонках савецкага друку. Менавіта там – да суда і замест суда – пачалася псіхалагічная апрацоўка грамадскай думкі. Будучыя ахвяры аблівалі брудам сваіх жа таварышаў, якія трапілі ў рукі следчых органаў раней, чым трапілі яны. Вышынскі з віртуозным цынізмам выкарыстоўваў гэта потым на судовай трыбуне. Ён здэкаваўся з Радэка, абазваўшага ў друку Зіноўева і Каменева «бандай крывавых забойцаў», з Пятакова, які публічна заклікаў «знішчыць іх як падлу» і ўжо праз пяць месяцаў апынуўся ў ролі «падлы» і «бандыта». У агульны хор неабгрунтаванага абвінавачання ўключыліся і савецкія пісьменнікі. Так, пісьменнік Леў Нікулін назваў Бухарына «камедыянтам», «юродствующым прахвостам», «трасучай бародкай», а так званую апазіцыю абазваў «зверападобнай брыдотай». Працэсы над «ворагамі народа» мелі мэту ўздзейнічаць на менталітэт не толькі савецкіх, але і замежных грамадзян. Пацвярджэннем з’яўляецца наступны вельмі паказальны факт. Сведкам палітычных судовых працэсаў быў нямецкі пісьменнік Л. Фейхтвангер, які ў сваіх занатоўках, каб суняць уласныя сумненні ў справядлівасці судовых працэсаў над ворагамі народа, падае наступнае выказванне савецкіх юрыстаў: «...Мы жадаем, каб увесь народ ад Менска да Уладзівастока зразумеў тое, што адбываецца. Таму мы стараліся абставіць працэс з максімальнай прастамай і яснасцю. Падрабязнае выкладанне дакументаў, паказанняў сведак <...> можа цікавіць толькі юрыстаў <...> а нашых савецкіх грамадзян мы толькі б забыталі <...> мы вялі гэты працэс не для замежных крыміналістаў. Мы вялі яго для нашага народа. – *пер. А.В.*» [16, с. 114]. Нават такі вядомы палітычны дзеяч Вялікабрытаніі, як У. Чэрчыль, паверыў у здраду Тухачэўскага і іншых ваенных, паверыў працэсам, якія праходзілі ў СССР, і спецыяльны пасол Рузвельта ў Маскве Д. Дэвіс [17, с. 132].

Пры падрыхтоўцы і правядзенні кожнага з працэсаў следчыя шляхам незаконных метадаў здабывалі дадзеныя для наступнага судзілішча. Суд меў толькі прызнанні і паказанні, на працэсах не былі прад’яўлены дакументы, матэрыялы, якія б пацвярджалі злачынныя мэты абвінавачаных, іх сувязь з замежнымі разведкамі, спробы рэстаўраваць капіталізм, арганізаваць замахі на правадыроў і іншае. У такіх абставінах Вышынскі сцвярджаў, што суд меў справу з палітычнай змовай і змоўшчыкамі, і з гэтай прычыны «характар дадзенай справы такі, што менавіта гэтым характарам абумоўліваецца своеасаблівае магчымых па справе доказаў. – *пер. А.В.*» [18, с. 100]. Калі Яжоў павінен быў ліквідаваць «ворагаў народа», то Вышынскі – забяспечыць працэс адпаведным юрыдычным і ідэалагічным антуражам. Пры выяўленні «ворага народа»

з'яўлялася магчымасць растлумачыць і правалы, дапушчаныя ў выніку няўмелага гаспадарання. «Цяпер ясна, – заявіў Вышыньскі 11 сакавіка 1938 г., – чаму тут і там у нас перабоі, чаму раптам у нас пры багацці прадуктаў няма таго, няма другога, няма дзясятага. Менавіта таму, што вінаватыя ў гэтым вольны здраднікі... Гэта давала ім глебу для стварэння настрояў супраць усёй сістэмы нашага гаспадарчага кіравання, супраць усёй сістэмы Савецкай улады» [16, с. 115].

З сярэдзіны 50-х гг. XX ст. у савецкай навуцы замацавалася звыклае палажэнне: тэрэтычныя памылкі Вышыньскага прывялі да парушэння законнасці. Ці так гэта? А можа, наадварот – патрэбнасць у такіх парушэннях вымусіла пад іх падвесці магутны падмурак. Стварыць яго мог толькі такі эрудыт, якім быў акадэмік Вышыньскі. Менавіта «практычная патрэбнасць» выклікала неабходнасць прапановы Вышыньскім палажэння аб тым, што прызнанне абвінавачанага з'яўляецца лепшым і рашаючым доказам яго віны; сцвярджэння, што «ўмовы судовай дзейнасці ставяць суддзю ў неабходнасць вырашаць пытанне не з пункту гледжання ўстанаўлення абсалютнай ісціны, а з пункту гледжання ўстанаўлення максімальнай верагоднасці тых ці іншых фактараў, падлеглых судовай ацэнцы. – пер. А.В.» [19, с. 20]. Пра тое, хто, Яжоў ці Вышыньскі, больш паспяхова спраўляўся са сваёй роляй, можна меркаваць па адным факце: пад заслону рэпрэсій першага ліквідавалі, а другі перайшоў на іншую працу.

31 мая 1939 г. А.Я. Вышыньскі быў зацверджаны на пасаду намесніка старшыні Саўнаркама СССР, а ў 1940 г. стаў адначасова і намеснікам народнага камісара замежных спраў. На дыпламатычнай працы ён заставаўся больш за 14 гадоў. Засталіся як хвалебныя, так і больш стрыманыя характарыстыкі Вышыньскага як дыпламата. «Дыпламатыі, – пісаў А. Грамыка, – ён ніколі не вучыўся і фактычна да яе не прылучыўся... Ён прапаноўваў фармулёўкі, падобныя на прыгаворы суда, вынесеныя ўжо пасля таго, як віна падсуднага «даказана»... Станавілася ясна, што Вышыньскі і ў дадзеным выпадку не расставіўся з тым ходам думак, які ён шматкратна выкарыстоўваў у час вядомых судовых працэсаў <...> прапускаючы ўсё праз сваё юрыдычнае сіта. – пер. А.В.» [20, с. 301–302]. Былы супрацоўнік Міністэрства замежных спраў В. Ізраэлян успамінаў: «...былы пракурор вёў сябе на міжнародных канферэнцыях зусім не як на сходзе прадстаўнікоў суверэнных дзяржаў, а як на судовым пасяджэнні. І да сваіх замежных калег ён звяртаўся адпаведна... Я ўпэўнены, сапраўдным дыпламатам ён ніколі не быў, з'яўляючыся чалавекам нецярплівым, грубым, запальчывым. – пер. А.В.» [21, с. 291, 293]. Таму і на міжнародных форумах нярэдкамі былі такія выразы, як «заўзяты падпальшчык вайны», «грубы фальсіфікатар», «вар'ят», «гнусны

паклёпнік». Ацэнкі выступленняў прадстаўнікоў дзяржаў ён даваў часам такія: прамова канадскага дэлегата «ўяўляла сабой каскад непрыстойных слоў і істэрычных выкрыкаў», кіраўнік бельгійскай дэлегацыі «плёў несусветную лухту», а кіраўнік аўстрыйскай дэлегацыі прывёў факты, якія «з'яўляюцца базарнымі плёткамі і хлуснёй, дастойнай знакамитага барона Мюнхаўзэна. – пер. А.В.» [21, с. 294].

Давер Сталіна да Андрэя Януар'евіча быў ледзь не бязмежным. Невыпадкова ён назначыў Вышыньскага кіраваць «урадавай камісіяй на Нюрнбергскім працэсе, каб ні пры якіх абставінах не дапусціць публічнага абмеркавання любых аспектаў савецка-германскіх адносін у 1939–1941 гадах, перш за ўсё самога факта наяўнасці, а тым больш зместу так званых «сакрэтных пратокаў». – пер. А.В.», якія дапаўнялі пакт аб ненападзенні (23 жніўня 1939 г.) і дагавор аб дружбе (28 верасня 1939 г.) [22, с. 12–13]. Такім чынам, застаючыся ў Нюрнбергу быццам бы за кулісамі (галоўным абвінаваўцам ад СССР быў Р.А. Рудэнка), менавіта Вышыньскі ставіў кропку над «і» ў дзеяннях савецкай дэлегацыі. Цяпер зразумела, чаму галоўны абвінаваўца ад Вялікабрытаніі лорд Шоукрос называў яго «асобаўпаўнаважаным Сталіна» [1, с. 242].

4 сакавіка 1949 г. Вышыньскага прызначылі міністрам замежных спраў СССР. Роля Андрэя Януар'евіча ў знешнепалітычных справах прыкметна ўзмацнілася, а яго стыль кіраўніцтва будаваўся на тым, каб «трымаць людзей у пастаянным хваляванні. – пер. А.В.» [23, с. 391]. Як успамінаў А. Грамыка, ён «выклікаў супрацоўнікаў і пачынаў размаўляць на высокай ноце, – звычайна з папроку, а то і з лаянкі. Такая манера <...> прымянялася і з пасламі, і з пасланнікамі. Ён лічыў, што спачатку на чалавека патрэбна нагнаць страху, а потым ужо ў такой атмасферы запалоханасці абмеркаваць пытанне па сутнасці. Я ведаў, што ў гэтым ён любіў браць прыклад з Берыі, з якім сістэматычна падтрымліваў кантакты. – пер. А.В.» [20, с. 300]. На гэта звярнуў увагу і савецкі дыпламат Беражкоў. Ён пісаў: «Вышыньскі быў вядомы сваёй грубасцю з падначаленымі, здольнасцю наводзіць страх на навакольных. Але перад вышэйшым начальствам трымаўся лісліва, угодліва... Вышыньскі асабліва баяўся Берыі і Дэканозава. Апошні нават пры людзях называў яго не інакш як «гэты меншавік». Тым большы страх адчуваў Вышыньскі ў прысутнасці Сталіна і Молатава. Калі тыя яго выклікалі, ён уваходзіў да іх прыгнуўшыся, не як бачком, з ліслівай ухмылкай, якая натапырвала яго рыжаватыя вусікі. – пер. А.В.» [24, с. 226].

5 сакавіка 1953 г., у дзень смерці Сталіна, Вышыньскі быў выведзены з Прэзідыума ЦК і звольнены з пасады міністра замежных спраў СССР. Ён стаў пастаянным прадстаўніком краіны Саветаў пры ААН і адначасова з'яўляўся першым намеснікам міністра замежных спраў Саюза

СССР. Як чалавек разумны, Андрэй Януар'евіч адчуваў, што рэабілітацыя не вінавата загінуўшых не за гарамі і яму непазбежна прыйдзеца даваць справаздачу аб сваёй дзейнасці на пасту пракурора СССР. Лёс распарадзіўся інакш. 22 лістапада 1954 г. у Нью-Ёрку Вышинскі памёр ад сардэчнага прыступу. Урна з яго прахам пахавана ў Крамлёўскай сцяне на Чырвонай плошчы ў Маскве.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Звягинцев, А.Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 383 с.
2. Боффа, Дж. История Советского Союза. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. : в 2 т. – Т. 1 / Дж. Боффа ; пер. с итал. И.Б. Левина. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 629 с.
3. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон ; пер. с англ. – М. : Рос. полит. энцикл., 1998. – 464 с.
4. Ваксберг, А. Страницы политической биографии // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / А. Ваксберг ; сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 3–87.
5. Конквест, Р. Большой террор / Р. Конквест // Нева. – 1990. – № 9. – С. 118–142.
6. Викторов, Б.А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора / Б.А. Викторов. – М. : Юрид. лит., 1990. – 336 с.
7. Вышинский, А.Я. Судебные речи / А.Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 539 с.
8. О так называемом «паралельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С. 30–50.
9. Хрисанфов, В.И. История государства и права России. 1917–1999 гг. : курс лекций / В.И. Хрисанфов. – СПб. : Лань, 1999. – 224 с.
10. Касцюк, М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – 308 с.
11. Кудрявцев, В. Политическая юстиция в СССР / В. Кудрявцев, А. Трусов. – М. : Наука, 2000. – 365 с.
12. Ваксберг, А. Царица доказательств / А. Ваксберг // Лит. газета. – 1988. – 27 янв. № 4. – С. 13.
13. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока» (2–13 марта 1938 г.). – М. : НКЮ СССР, 1938. – 384 с.
14. Белادي, Л. Сталин / Л. Белادي ; пер. с венгр. – М. : Изд-во полит. лит., 1989. – 318 с.
15. Платонаў, Р. «Ворагі народа» ў люстэрку гісторыка-сацыялагічнага аналізу / Р. Платонаў // Беларус. мінуўшчына. – 1994. – № 2. – С. 37–39.
16. Вішнеўскі, А.Ф. Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.) / А.Ф. Вішнеўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Тэсей, 2006. – 328 с.

17. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль. – Т. 1. – М. : Воен. изд-во, 1991. – 592 с.

18. Борисов, А. Путь наверх / А. Борисов // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 8–100.

19. Вышинский, А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. Проблемы уголовной политики. Кн. IV / А.Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – С. 13–38.

20. Громыко, А. «Загадка» Вышинского / А. Громыко // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 296–304.

21. Исраэлян, В. Обличитель / В. Исраэлян // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / сост. и общ. ред. д-р юрид. наук, проф. О.З. Кутафина. – М. : Республика, 1992. – С. 288–295.

22. Фляйшхауэр, И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / И. Фляйшхауэр ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1991. – 480 с.

23. Гордиевский, О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева / О. Гордиевский. – М. : Note Bene, 1992. – 767 с.

24. Бережков, В.М. Как я стал переводчиком Сталина / В.М. Бережков. – М. : ДЭМ, 1993. – 400 с.

УДК 123.334

А.В. Григорьев, Н.С. Касперович

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

На современном этапе предназначение правоохранительных органов видится в обеспечении высокого уровня общественной безопасности, прав, свобод и законных интересов граждан. Безусловно, подобная миссия может успешно осуществляться только при условии строгого и точного соблюдения, исполнения и применения законов и основанных на них подзаконных актов в деятельности самого органа охраны правопорядка. Реформирование современной правоохранительной системы подтверждает необходимость постоянного обращения к прошлому, в том числе и к особенностям становления и развития ОВД в послереволюционный период.

Развитие советской правоохранительной системы в указанный период проходило под влиянием сложного переплетения различных факторов и определялось в первую очередь задачами упрочения нового обще-

ственного и государственного строя, борьбы с преступными посягательствами на интересы государства, общества и граждан. Определяющим фактором в содержании законности являлся ее классовый характер. Так, в условиях перехода от старой общественно-экономической формации к новой классовая борьба определяет характер законности, поэтому считалось, что законность должна служить не интересам всего общества, а интересам рабочих и крестьян.

Принцип революционной законности в деятельности милиции в указанный период выражался в точном и неуклонном соблюдении, исполнении и применении декретов и постановлений государственной власти и управления при допущении в определенной степени (оговоренной в законах) революционного правосознания и революционной целесообразности, что не противоречило принципам советского права, так как еще не все стороны общественных отношений не были урегулированы правовыми нормами.

Согласно теории К. Маркса и Ф. Энгельса социалистическое государство и право возникают не эволюционным путем, а в результате социалистической революции. В отличие от теории правового государства, в марксистской доктрине государство выступало органом насилия, служащим интересам только экономически и политически господствующего класса, и совершенно по-иному, с классовых позиций, трактовались понятия «законность», «народ», «социальная справедливость», «свобода» и др. В этой связи однозначного взгляда на понятие дефиниции революционной законности не было.

Ряд ученых считали, что революционная (социалистическая) законность является историческим типом законности. Социальное назначение ее состояло в способствовании упрочнению и развитию общественного и государственного строя в условиях революционных преобразований, закреплению элементов большевистского тоталитаризма, обеспечению экономических и политических реформ, осуществляемых при помощи правового регулирования общественных отношений [1, с. 25].

Иные правоведы полагали, что революционная законность – это принцип строгого осуществления (исполнения, соблюдения, применения) правовых норм органами государственной власти и управления, общественными объединениями и должностными лицами в их правовой деятельности (правотворчества, правоисполнения, правоприменения) в условиях революционных преобразований государственной и общественной жизни при переходе от одного типа государства к другому.

Кроме этого, имела место и позиция, согласно которой революционная законность – атрибут властвования, важнейшее средство осуществ-

вления власти и метод государственного руководства обществом в условиях его переустройства на революционных началах. Являясь политико-правовым институтом, она вбирает основные свойства действующего политического режима, посредством правового регулирования закрепляет основы государственного и общественного строя, установленного в ходе революционного переустройства общества.

Важно отметить, что на первом этапе становления и развития Советского государства и стержнем революционной законности являлись революционное правосознание и революционная целесообразность.

Стоит обратить внимание, что революционное правосознание в свою очередь предполагало:

отрицание всех законов эксплуататорского общества;

приоритет интересов революции;

признание неизбежности отмирания законов и системы права в целом после создания бесклассового общества.

В первую очередь необходимо учитывать, что в период становления административно-командной системы и формирования тоталитарного политико-правового режима объективно отсутствовала необходимость в разработке проблематики, связанной реализацией принципа законности как точного и неуклонного осуществления (соблюдения, исполнения, использования) законов, принятых на их основе подзаконных нормативных актов всеми органами государства, учреждениями, организациями, общественными образованиями, должностными лицами и гражданами. Дело в том, что для борьбы с так называемыми «врагами народа», «вредителями» Советской власти и др. необходимо было выработать иное понимание принципа законности, что позволило бы узурпировать всю полноту власти в руках большевистской партии путем фактической ликвидации прав и свобод граждан, осуществления репрессий в отношении «врагов народа» и установления значительного влияния ОГПУ – НКВД на все стороны общественной жизни. В этой связи в научный оборот и был введен принцип революционной законности, под которым понималось «соблюдение не только законов, изданных Рабочим и Крестьянским Правительством, но и проведение их на основе революционного правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни, разрешение его на основе того же правосознания в соответствии с общим духом нашей политики».

Исследование принципа революционной законности и других принципов осуществлялось советской юридической наукой строго в рамках марксистско-ленинской идеологии как основного методологического

подхода. Тем самым учение о законности в советской юридической науке находилось в плену идеологических постулатов, а западные исследования по проблемам законности и теории разделения властей как атрибутов правового государства, по мнению советских ученых, являлись антикоммунистическими теориями и попытками буржуазной идеологии замаскировать классовый характер законности в антагонистическом обществе.

Полагаем, что имевшие место нарушения законности в деятельности сотрудников органов охраны общественного порядка обуславливались:

низким уровнем правосознания, правовой и общей культуры;
слабой профессиональной подготовкой личного состава;
большой текучестью кадров («милицейской чехардой»);
недостаточным материально-техническим и финансовым обеспечением;
чрезмерной перегруженностью несвойственными обязанностями (разнос судебных повесток, оказание помощи и содействия различным ведомствам и учреждениям и др.);

недостаточно четким определением правового положения органов охраны общественного порядка.

Развитие с 1917 г. по 1925 гг. достаточно разветвленной системы внутриведомственного, партийно-государственного, общественного и прокурорского контроля и надзора за органами милиции позволяло более качественно решать стоящие перед ней задачи по соблюдению революционной законности, охране правопорядка и борьбе с преступностью.

Следует также обратить внимание, что первыми задачами по реализации норм революционной законности в деятельности органов охраны общественного порядка являлись:

- 1) усиление надзора за проведением в жизнь революционной законности;
- 2) производство глубокой ревизии работ сельских милиционеров и милицейского делопроизводства, проведение надлежащего инструктирования;
- 3) изыскание мер к подбору квалифицированного кадрового состава и ликвидация текучести кадров.

В целом оценивая полномочия, которыми обладала милиция в годы Советской власти, следует учитывать то, что все положения о милиции были лишь частью правового массива, регулировавшего деятельность милиции. Это обстоятельство объясняется тем, что неопубликованные подзаконные акты, имевшие ограничительный гриф, составляли основу милицейского законодательства, которые и определяли властные полномочия данного органа. Кроме того, многие нормативные акты, прежде

всего подзаконные, регулировавшие деятельность ОВД, не фиксировали с исчерпывавшей полнотой весь объем прав и обязанностей их сотрудников и заканчивались словами «и так далее», «и другие», «и в аналогичных случаях». Иначе говоря, многие нормы можно было толковать распространительно.

Ввиду этого недостаточная четкость в регламентации полномочий ОВД послужила одной из причин значительного числа нарушений законности в их деятельности не только в первые годы Советской власти, но и в период существования Советского государства. Подтверждением тому служит тот факт, что Положение о советской милиции, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. № 385, было опубликовано лишь в 1985 г. – через 12 лет после принятия [2]. И это неудивительно, ведь впервые в качестве основополагающего принципа деятельности МВД принцип законности получил прямое законодательное закрепление только 8 июня 1973 г. в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»: «вся деятельность милиции основывается на строгом соблюдении социалистической законности». Однако законность и служебная дисциплина рассматривались как равнозначные понятия. Это ошибочное представление, по справедливому утверждению А.Ф. Вишневого, в годы массовых репрессий как раз и камуфлировало нарушение законности [3, с. 117]. Засекреченные ведомственные инструкции и приказы, обязательное исполнение которых и составляло основное содержание служебной дисциплины в системе НКВД – МГБ – МВД, противоречили основным положениям Конституции СССР, другим законодательным актам Советского государства.

Таким образом, организация и деятельность всех государственных органов (особенно правоохранительных) в годы Советской власти осуществлялась на основе принципа революционной законности (впоследствии – социалистической законности), под которым понималось соблюдение не только законов, но и проведение их на основе революционного (социалистического) правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни, разрешение его на основе того же правосознания.

Список использованных источников

1. Строгович, М.С. Теоретические вопросы советской законности / М.С. Строгович // Совет. государство и право. – 1956. – № 4. – С. 20–26.

2. Об основных правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью : Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 8 июня 1973 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1973. – № 24. – Ст. 309.

3. Вишневецкий, А.Ф. Проблема укрепления служебной дисциплины и законности в деятельности органов внутренних дел Беларуси в последней трети XX в. / А.Ф. Вишневецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2003. – № 1. – С. 115–125.

УДК 351.742 (476) (091) (043.3)

А.И. Мурашко

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ЖАНДАРМСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ
НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

Обеспечение охраны общественного порядка, противодействие преступности, функции политической полиции по обеспечению государственной безопасности на объектах железнодорожного транспорта Российской империи с момента строительства первых железных дорог были возложены на экстерриториальные подразделения жандармской железнодорожной полиции. В 1916 г. железные дороги Беларуси находились в зоне обслуживания 21 отделения шести жандармских полицейских управлений (Московско-Рижского, Виленского, Варшавского, Киевского, Петроградо-Виндавского, Северо-Западного) железных дорог, личный состав насчитывал 606 служащих [1]. Для сравнения: в пяти губернских жандармских управлениях, действовавших на территории белорусских губерний в 1916 г. насчитывался 81 жандарм [1].

В период Первой мировой войны железнодорожный транспорт становится стратегически важным государственным объектом, эффективность функционирования которого зависела, в том числе от обеспечения правопорядка на нем железнодорожными жандармами.

В первую очередь в этот период был усилен контроль со стороны жандармов за точным исполнением норм Общего устава Российских железных дорог, правил пребывания на железнодорожных станциях и проезда в поездах. Публике запрещалось причинение любых повреждений пути, сооружений и объектов железной дороги, воспрещалось загромождение железнодорожного полотна любыми предметами. Перезезжать и переходить железную дорогу разрешалось только в специально

отведенных местах. Доступ на станционные платформы ограничивался. На станциях устраивались заграждения в виде заборов и оград, вход на перрон разрешался только по билетам или удостоверению служащего. Пассажирам запрещалось входить (выходить) в (из) вагоны (ов) во время движения поезда, оставаться на площадках вагонов, во время движения переходить из одного вагона в другой, высовываться из окон, открывать двери вагонов. Пассажиры, виновные в нарушении правил, привлекались к ответственности. Надо отметить, что железнодорожные жандармы не только контролировали исполнение правил пользования железнодорожным транспортом, но порой, рискуя своей жизнью, спасали пассажиров. Например, в 1917 г. на станции Северо-Западной железной дороги ефрейтор продовольственного транспорта, перескакивая из одного вагона в другой, сорвался и попал под колеса поезда. Находившийся поблизости жандармский унтер-офицер Ломачко, не растерявшись, вытащил ефрейтора из-под колес, чем спас ему жизнь. За свой геройский поступок унтер-офицер был представлен к награде [2, л. 89].

Дополнительной обязанностью железнодорожных жандармов становится охрана железных дорог от злоумышленников. В соответствии с постановлением Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта 25 мая 1915 г. ответственность по охране железнодорожного полотна возлагалась на начальников отделений жандармских полицейских управлений железных дорог [3, д. 25412, л. 29]. С этой целью к охране привлекалось население местностей, прилегающих к линиям железных дорог. Всей организацией несения службы местным населением занимались железнодорожные жандармы.

С началом войны железнодорожный транспорт полностью был задействован для обеспечения действующей армии всем необходимым. В связи с этим на железнодорожных жандармов возлагались обязанности по наблюдению и контролю за перевозкой военных грузов. Чины жандармской полиции обязаны были принимать меры по сохранению режима секретности данных мероприятий, предупреждению несчастных случаев при перевозке, охране от преступных посягательств на груз.

В августе – сентябре 1915 г. началось массовое движение беженцев, что еще больше усугубило криминогенную ситуацию на железнодорожном транспорте. Общая численность беженцев в Российской империи в конце 1915–1917 гг. достигала 3–4 млн человек, на Беларусь приходилось около 1–1,5 млн [4, с. 6].

Чины жандармских полицейских управлений оказывали помощь при перевозке беженцев и размещении их на железнодорожных станциях. На жандармов были возложены обязанности по обеспечению охраны

пунктов питания, контролю за своевременное снабжение беженцев в пути провизией и кипятком [5, л. 166]. Однако стихийный характер эвакуационного движения не всегда позволял в должной мере обеспечить порядок в районах железных дорог, удовлетворить нужды беженцев. Сказывалась массовость движения, нехватка продовольствия, медикаментов, подвижного железнодорожного состава. Жандармский подполковник Кравченко после изучения положения беженцев на железнодорожных станциях Минск, Старые Дороги и Бобруйск отмечал, что в октябре 1915 г. в привокзальных районах этих станций скопилось более 70 тыс. беженцев. Выдача им продовольствия была прекращена, питались они полусырым картофелем, медицинская помощь отсутствовала. «Болезни, изнурение, смертность растут особенно среди детей и женщин. В случае дождя или холода последствия будут ужасны» [6, с. 36]. Действительно, за четыре последних месяца 1915 г. только на одном Минском железнодорожном узле было погребено 1 893 умерших беженца [6, с. 37].

Но и в таких тяжелых условиях чины жандармской полиции не переставали исполнять свои обязанности. Руководство Штаба Отдельного корпуса жандармов, учитывая сложившуюся на железных дорогах тяжелую обстановку, социальную напряженность, обращалось к железнодорожным жандармам с указанием «усилить свою деятельность, приходя на помощь обращающимся за содействием» [5, л. 167].

В этот период усиливается контрразведывательная деятельность железнодорожных жандармов по выявлению шпионов и диверсантов. В полосе отчуждения иностранных шпионов, как правило, интересовала информация по железнодорожным вопросам. Так, в начале 1914 г., по сведениям Главного управления Генерального штаба, Познанское бюро германской разведки осуществляло сбор следующей информации: планы железнодорожных станций, расположения путей, циркуляры, приказы, графики движения поездов, сведения о пропускной способности железнодорожных участков, профили путей и другая железнодорожная документация; сведения об отправлении наиболее значительных транспортов артиллерийского груза, тяжелой артиллерии; сведения о секретных мобилизационных планах и др. [7, с. 139–140].

С началом Первой мировой войны многократно возросло количество людей, завербованных лиц иностранными разведками. Австро-венгерская разведка в течение четырех военных лет использовала около 2 тыс. агентов. Кроме этого, почти 2,5 тыс. офицеров и чиновников эпизодически предоставляли необходимые сведения разведывательным органам иностранных государств [8, с. 282]. На территории белорусских губерний только разведывательные подразделения австрийской армии –

бюро штабов 1-го, 10-го, 11-го корпусов, расположенные в Кракове, Перемышле, Львове, располагали сетью агентов в количестве до 30 человек [9, с. 62]. Еще более бурную деятельность развернула военная разведка Германии.

Завербованные агенты проходили подготовку в разведшколах. Существовало как минимум 10 разведшкол австро-венгерской и германской разведок – Люблинская, Любишевская, Новогрудская, Станиславовская, Кукушинская, две в Варшаве и три учебных центра в Румынии и Дании. В них велась подготовка шпионов для работы в основном в прифронтовой полосе [8, с. 285]. Подготовка агентов длилась около трех недель и включала в себя изучение основных видов огнестрельного оружия, взрывных устройств, устройства железнодорожных сооружений, способов совершения диверсионных актов, ориентирования на местности и др. Контингент учащихся в основном составляли завербованные военнопленные, мелкие торговцы, лица без определенных занятий.

Прошедшим подготовку в разведшколах агентам предстояло осуществлять сбор необходимой разведывательной информации и совершать диверсионные акты на важных стратегических объектах. Так, подготовленные в Люблинской разведшколе диверсанты Устимак и Марчинский, были направлены германской разведкой за линию фронта для совершения диверсионных актов – взрыва железнодорожных мостов в Замирье и Столбцах, а при возможности – совершить крушение царского поезда [8, с. 285]. В декабре 1915 г. начальник контрразведывательного отделения 3-й армии есаул Адамович докладывал в Департамент полиции, что «по имеющимся у него сведениям, из Люблинской и Любишевской разведшкол были посланы в русский тыл 13 агентов, снабженных ручными бомбами «для порчи мостов»» [8, с. 286]. Летом 1916 г. Департамент полиции доводил до сведения всем жандармским подразделениям, что, по имеющимся разведанным, «немцы и австрийцы, изощрявшиеся в изыскании самых утонченных приемов шпионства, в целях сделать его совершенно неуловимым для ведущих борьбу с ним органов, прибегают к комплектованию шпионских кадров детьми и подростками» [8, с. 286]. 12–16-летних подростков насильственно вербовала германская разведка и после ускоренного обучения в Варшавской школе направляла под видом беженцев в Российскую империю с целью сбора разведывательной информации и совершения диверсий. Полученная информация передавалась руководством жандармских полицейских управлений железных дорог на места с требованием усилить наблюдение за указанными категориями лиц, быть более бдительными. Из телетайпограммы начальника Режицкого отделения Петроградско-Виндавского жандармского полицейского управ-

ления железных дорог своим подчиненным: «Германия командировала в Россию 200 молодых людей, переодетых в учащихся, специально для взрывания мостов на железных дорогах. Предписываю по получении доложить земским начальникам, сообщить чинам полиции. Немедленно самим выехать на участки на дрезине, предупредить охрану, усилить бдительность» [3, д. 25377, л. 55]. В мае 1916 г. Главное управление Генерального штаба информировало Министерство внутренних дел о том, что германская разведка для засылки своих агентов в тыл Российской империи снабжает их шведскими паспортами. Жандармским подразделениям было указано на необходимость усиления наблюдения за гражданами, имеющими шведские паспорта [8, с. 288]. В случае выявления указанных лиц они задерживались и передавались в контрразведывательные органы военно-окружных штабов.

Таким образом, изменившиеся общественные отношения в годы Первой мировой войны вызвали изменения функций жандармской железнодорожной полиции: добавились новые задачи по обеспечению общественного порядка, бесперебойной работы железнодорожного транспорта, противодействию деятельности разведслужб иностранных государств.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство 4 марта 1917 г. принимает решение упразднить железнодорожную полицию.

Надо отметить, что ликвидация жандармской железнодорожной полиции в условиях войны и демократизации общества привела к резкому обострению оперативной обстановки. Активизировалась деятельность иностранных разведслужб, в первую очередь Германии. Предпринимались неоднократные попытки взрывов железнодорожных мостов, особенно на стратегических направлениях. Участились случаи незаконного провоза оружия, боеприпасов, взрывчатки для подготовки террористических актов и др.

Упразднение железнодорожной полиции повлекло резкое увеличение количества совершенных на железных дорогах преступлений, в первую очередь краж перевозимых грузов. Участились железнодорожные происшествия и крушения поездов. Начались самовольные захваты поездов и паровозов пассажирами, в первую очередь демобилизованными либо самовольно покинувшими фронт солдатами, «мешочниками»-спекулянтами. Нехватка подвижного состава и неурегулированность передвижения солдат привели к тому, что последние переполняли вагоны до такой степени, что у вагонов отламывались оси колес, проламывались крыши и т. п. Многие железнодорожные вокзалы и станции превратились в криминогенные места, что приводило к дезорганизации работы станций.

Железнодорожники не могли самостоятельно навести порядок. Вопрос о необходимости обеспечения правопорядка на объектах железнодорожного транспорта неоднократно обсуждался командующими фронтами, а затем Министерством внутренних дел и руководством Министерства путей сообщения.

Так, начальник штаба Верховного Главнокомандующего своим приказом жандармскую железнодорожную полицию на железных дорогах фронта преобразовал в железнодорожную стражу с подчинением Управления военных сообщений. За железнодорожной стражей сохранялись лишь функции поддержания внешнего порядка и предупреждения шпионажа [10, д. 2, л. 41].

На некоторых железных дорогах начала формироваться народная милиция из представителей железнодорожников. В марте 1917 г. народная милиция действовала на Риго-Орловской железной дороге. В апреле 1917 г. на станции Витебск состоялся Первый общий съезд милиционеров Риго-Орловской железной дороги, на котором была принята временная инструкция действий сотрудников народной милиции. Подчинялась народная милиция изначально железнодорожной администрации [10, д. 2, л. 101].

Параллельно, начиная с мая 1917 г., на железных дорогах из представителей воинских гарнизонных, армейских и фронтовых комитетов, Совета солдатских и рабочих депутатов, городских, земских и железнодорожных организаций начали формироваться комитеты военно-народной охраны. Учреждались комитеты военно-народной охраны с целью «упорядочения перевозки пассажиров и грузов железнодорожным транспортом, предупреждения и пресечения беспорядков, связанных с нарушением неприкосновенности личности и с причинением ущерба имуществу, в особенности же ограждения лиц, обслуживающих пути сообщения от всякого посягательства со стороны пользующихся этими путями» [11, д. 3, л. 17]. Комитеты были созданы на станциях Двинск, Полоцк, Витебск, Молодечно, Могилев, Калинковичи, Лунинец, Минск, Осиповичи, Жлобин и др. [11, д. 3, л. 16; д. 1, л. 476]. Для поддержания порядка на железных дорогах комитетам оказывали содействие воинские караулы и патрули, чины народной милиции.

Таким образом, после ликвидации жандармских полицейских управлений железных дорог были созданы многочисленные формирования, целью которых было поддержание порядка на железнодорожном транспорте. Однако отсутствие единого нормативного регулирования и централизованного руководства, непрофессионализм кадрового состава делали работу вновь образованных формирований малоэффективной. Расформирование жандармской железнодорожной полиции дезоргани-

зовало систему единого управления в области обеспечения правопорядка и общественной безопасности на железных дорогах, что отрицательно сказалось на функционировании железнодорожного транспорта.

Список использованных источников

1. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 10 октября 1916 г. – Петроград : Тип. Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1916. – 808 с.
2. Гронский, А.Д. Политическая полиция Российской империи и ее деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03; 07.00.02 / А.Д. Гронский. – Минск, 2003. – 115 л.
3. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд. 1416. – Оп. 2.
4. Лапановіч, С. Першая сусветная вайна і бежанства як дзяржаўная праблема / С. Лапановіч // Беларус. гістар. часоп. – 2005. – № 10. – С. 5–12.
5. Гончарова, Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю.В. Гончарова. – М., 2000. – 239 л.
6. Савицкий, Э.М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.) / Э.М. Савицкий. – Минск : Наука и техника, 1981. – 182 с.
7. Литвинов, Н.Д. Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи : сб. док. и материалов / авт.-сост.: Н.Д. Литвинов, Ш.М. Нурадинов. – М. : Голос, 1999. – 144 с.
8. Греков, Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг: шпиономания и реальные проблемы / Н.В. Греков. – М. : Моск. обществ. науч. фонд ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. – 356 с.
9. Князев, С.Н. Правовые и организационные основы деятельности военной контрразведки на территории Беларуси. 1911–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Князев. – Минск, 1999. – 118 л.
10. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд. 2625. – Оп. 4.
11. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд. 2414. – Оп. 5.

УДК 351.74

А.В. Григорьев

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (МАРТ–ОКТАБРЬ 1917 г.)

В современных условиях формирования демократического правового государства и реформирования органов внутренних дел Республики Беларусь необходимо глубокое научное осмысление исторического опы-

та деятельности ОВД на различных этапах функционирования белорусской государственности. Принимая во внимание тот факт, что без знания прошлого невозможно противостоять современным угрозам национальной безопасности. Таким образом, обращение к проблемам становления и развития ОВД в механизме белорусского государства представляется актуальным и научно востребованным направлением современной юридической науки. Это, на наш взгляд, позволит выделить общие тенденции, нашедшие свое отражение в теории и практике деятельности как правоохранительных органов, так и иных государственных институтов. Ведь игнорирование исторических тенденций и логики внутреннего развития уже привело к тому, что созданная в годы революции новая милиция вынуждена была идти долгим путем проб и ошибок, чтобы в конечном итоге выработать институты, средства и методы борьбы с преступностью, которые уже были известны полиции и доказали свою эффективность на практике [1, л. 83]. Следовательно, изучение опыта становления и развития ОВД имеет не только теоретическое, но и практическое значение для развития системы управления ими, повышения эффективности их деятельности в современных условиях и дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего эти процессы. Критическое переосмысление многих стереотипов об обязанностях, задачах, месте и роли ОВД в государстве позволит по-новому взглянуть на многие проблемы истории нашей страны, в том числе и связанные с деятельностью ОВД, учесть позитивный и, главным образом, негативный опыт и ошибки прошлого с целью недопущения их в будущем.

После победы Февральской революции в Беларуси, как и в целом в России, на смену царской полиции приходит народная милиция. Так, 4 марта 1917 г. был принят правовой акт, согласно которому служащий Всероссийского земского союза Михаил Александрович Михайлов (Михаил Васильевич Фрунзе) был назначен временным начальником милиции Всероссийского земского союза по охране порядка в городе. В этот день отряды боевых дружин рабочих и милиции разоружили полицию, захватили ее городское управление, архивное и сыскное отделения, взяли под свою охрану важнейшие государственные учреждения, почту и телеграф. Минск стал центром создания милиции. 7 марта 1917 г. в газете «Известия Минского Совета» было опубликовано воззвание к населению, где подчеркивалось, что охрана общественной безопасности должна находиться в руках рабочих.

Признавая демократические принципы в качестве основных в организации государства после победы Февральской революции, Временное правительство 11 марта 1917 г. постановлением «Об упраздне-

нии Департамента полиции и об учреждении временного управления по делам общественной полиции» упразднило Департамент полиции, а 15 июня 1917 г. временное управление по делам общественной полиции было переименовано в «Главное управление по делам милиции и обеспечению имущественной безопасности граждан» [2]. В результате полиция как организованная вооруженная сила перестала существовать. В соответствии с постановлением от 14 марта 1917 г. «Об учреждении милиции» милиция представляла собой исполнительный орган государственной власти на местах, находилась в подчинении земских и городских общественных управлений, а ее задачей явилось «принятие мер к прекращению нарушения порядка, закона или обязательного постановления» [3]. Буквальное толкование указанной нормы позволяло Временному правительству использовать милицию не только для охраны общественного порядка, но и в политических целях, а именно: в целях борьбы с большевистским движением, создающим реальную угрозу власти Временного правительства.

Следует отметить, что Временное правительство стремилось к централизации народной милиции, хотя формально она находилась в ведении земств и городских управ. В свою очередь работники минской милиции свою задачу видели «исключительно в ограждении общественной безопасности и в поддержании революционного порядка, а отнюдь не политическом сыске и борьбе с политическими течениями». Данное обстоятельство послужило причиной протеста М.В. Фрунзе и других работников милиции в городскую думу против превращения милиции в орган политической борьбы и сыска: «Все более и более обнаруживается тенденция превратить милицию из органа, подведомственного городскому самоуправлению, в административно-полицейский аппарат типа старой полиции» [4]. С аналогичным протестом против попыток губернского комиссара превратить милицию в орган политического сыска выступила социал-демократическая фракция Минской городской думы [5]. С подобными проблемами столкнулась и петроградская милиция, когда в сентябре 1917 г. на нее была возложена обязанность принимать меры по розыску и аресту В.И. Ленина.

Общее руководство милицией как исполнительным органом государственной власти в масштабе всей страны принадлежало министру внутренних дел. В губерниях учреждались должности правительственных инспекторов милиции, которые находились в подчинении губернских комиссаров (чиновников Временного правительства, сменивших губернаторов). Непосредственное руководство милицией в уездах и городах осуществлялось уездными земскими и городскими управами.

В г. Минске становление милиции имело свои особенности, поскольку руководил этим процессом М.В. Фрунзе, который стремился превратить милицию в высокопрофессиональное вооруженное формирование. На первом заседании Минского Совета, который находился под влиянием большевиков, по предложению М.В. Фрунзе, являвшегося членом исполкома Совета, был обсужден вопрос об организации и расширении милиции. Было принято постановление, призывающее рабочих вступать в ряды милиции. В этих целях кадровая политика М.В. Фрунзе при создании минской милиции сводилась к подбору умелых, грамотных работников, а также тех, кто проявлял лояльность к большевикам. С 4 марта по 12 октября 1917 г., т. е. по день убытия из г. Минска, Фрунзе собрал в рядах минской милиции прежде всего революционных рабочих и солдат, которые и определяли характер ее деятельности.

При анализе особенностей образования народной милиции необходимо учитывать, что в г. Минске размещались Ставка и Штаб Западного фронта. В то же время народная милиция Временного правительства сохранила за собой все права и обязанности бывшей царской полиции, сосредоточив в своих рядах реакционный, с точки зрения классового подхода, элемент, поскольку в милицию принимали «достоинных из числа бывших чинов полиции и корпуса жандармов» [6, с. 59]. В этой связи следует согласиться с мнением Р.С. Мулукаева о том, что «...Временное правительство, учитывая изменившиеся исторические условия, провело реорганизацию Министерства внутренних дел, которая, однако, не носила коренного характера» [7, с. 539].

Таким образом, правовые основы организации и деятельности народной милиции определялись в правительственном постановлении «Об учреждении милиции» и во «Временном положении о милиции». Народная милиция Временного правительства не стала таким сложным разветвленным и глубоко пронизывающим все сферы жизни общества механизмом, каким до нее была царская полиция. Это подтверждает и тот факт, что 25 октября 1917 г. народная милиция практически не оказала Временному правительству никакой помощи, а лишь наблюдала за ходом революционных событий.

Дальнейшую судьбу созданной милиции определила Октябрьская революция и последующие, связанные с ней события. В соответствии с решением II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 г. был создан НКВД, который важности и широте осуществляемых полномочий занимал особое место в государственном механизме: наряду с правоохранительными функциями он осуществлял и функции управленческие (ис-

полнительные), а также хозяйственные, напрямую не связанные с обеспечением общественного порядка (занимался местными хозяйственными делами, статистикой, медицинскими и многими другими вопросами), что и предопределяло специфику его деятельности.

Список использованных источников

1. Коваленко, И.А. Система органов внутренних дел России в механизме российского государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.А. Коваленко. – М., 2005. – 191 л.
2. Об упразднении Департамента полиции и об учреждении временного управления по делам общественной полиции : постановление Врем. правительства, 11 марта 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1917. – № 79. – Ст. 453.
3. Об учреждении милиции : постановление Врем. правительства, 14 марта 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1917. – № 97. – Ст. 537.
4. Протест М.В. Фрунзе (М. Михайлова) и других работников милиции в городскую думу против превращения милиции в орган политической борьбы и сыска (не позднее 29 августа 1929 г.) // Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии : док. и материалы : в 2 ч. – Минск, 1957. – Ч. 1 – № 550. – С. 606–608.
5. Протест социал-демократической фракции минской городской думы против попыток губернского комиссара превратить милицию в орган политического сыска (23 октября 1917 г.) // Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии : док. и материалы : в 2 ч. – Минск, 1957. – Ч. 1. – № 797. – С. 855.
6. О приеме бывших чинов полиции на службу в милицию : Циркуляр МВД, 15 марта 1917 г. // Сборник циркуляров Министерства внутренних дел за период март – июнь 1917 г. – Петроград, 1917.
7. Мулукаев, Р.С. Избранные труды : К 80-летию со дня рождения / Р.С. Мулукаев ; Акад. упр. МВД России. – М., 2009. – 562 с.

УДК 347.6(035.3)

М.В. Андрияшко

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОПЕКЕ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВЕ НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

С победой Октябрьской революции 1917 г. связано начало формирования советского этапа развития семейного законодательства [3, с. 30; 8, с. 19], формирование которого началось с разработки и принятия ряда декретов Советской власти [11, с. 50; 20, с. 19; 22, с. 245; 28, с. 53]. К числу

наиболее важных декретов в рамках рассматриваемой темы целесообразно отнести Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (Декрет «О гражданском браке»); Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» и Декрет ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», которым упразднились все дореволюционные опекунские учреждения [8, с. 247].

Государство диктатуры пролетариата опиралось на теорию общественного воспитания детей, изложенную в дореволюционной литературе XVIII–XIX вв. и сформулированную в трудах классиков марксизма. Так, Ф. Энгельс высказал тезис о воспитании «всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счёт» [27]. Впоследствии данная позиция была смягчена и содержание указанного тезиса было рекомендовано понимать как необходимость сочетания общественного и семейного воспитания.

Н.М. Ершова отмечала, что «предполагалось широко поставленное общественное воспитание детей, устранявшее детскую беспризорность, патронат и другие формы призрения сирот и подкидышей» [9, с. 4]. По словам С.Н. Захарцева, «бремя содержания детей снять с матери и предполагаемого отца не удастся до тех пор, пока государство не примет на себя воспитание детей» [11, с. 51].

Объективной представляется оценка фактов и событий в области правового регулирования отношений в сфере брака и семьи, имевших место в период становления ранней советской власти, сделанная Н.С. Нижник, которая отмечает, что новая государственная идеология была ориентирована на разрушение и постепенное отмирание института брака и семьи [22, с. 247]. Деструктуризация и обесценивание институтов брака и семьи не могли не отразиться негативно на заботе о детях.

Привычные устои были разрушены, а новые правила разрабатывались под такими, например, девизами: «В функции правовых норм ...не входит поддержание стабильности семейных отношений, да и вообще вряд ли нужно стремиться к особо устойчивой семье» [28, с. 57]; «Было бы значительно лучше, если бы всех детей, а не только незаконных, воспитывало государство, а не их родители» [3, с. 28]; «Общественное и бесплатное воспитание всех детей» [8, с. 28].

Прямого закрепления институт опеки и попечительства в Декретах «О гражданском браке», «О расторжении брака» не получил. Однако косвенно нормы декретов закрепили порядок правового регулирования

некоторых отношений с участием опекунов и попечителей. Так, п. 8 разд. «О детях» Декрета «О гражданском браке» предусматривал, что обратиться в загс за регистрацией рождения ребенка вправе наряду с родителями ребенка также лица, на попечении которых в связи со смертью родителей остался новорожденный [8, с. 248; 12, с. 8]. Кроме того, в п. 10 разд. «О детях» Декрета «О гражданском браке» устанавливалось право матери ребенка, его опекуна и самого ребенка обращаться в суд для установления отцовства в случаях, если отец такого ребенка не подал заявление о регистрации рождения.

Нормы декретов были уточнены и дополнены разработанными на их основе кодексами, первым из которых [20, с. 19] стал Кодекс 1918 г., распространявший свое действие на территорию Беларуси. Следует отметить, что названный кодекс стал не только первым семейным кодексом советского периода, но также и первым кодексом, принятым Советской властью. Первый белорусский семейный кодекс появился в 1927 г. До этого времени регулирование семейно-брачных отношений осуществлялось на основании норм Кодекса РСФСР 1918 г., введенного в действие после освобождения Беларуси от немецкой оккупации. При этом усыновление по нормам Кодекса 1918 г. было упразднено, а альтернативной формы устройства детей, кроме опеки и попечительства, предусмотрено не было.

Кодекс 1918 г. развивал положения абз. 1 п. 10 разд. «Дети» Декрета «О гражданском браке», закрепившего равный правовой статус для внебрачных детей и детей, рожденных в браке, а также закреплял принцип «всемерной защиты прав детей» [8, с. 22]. Вместе с тем представляется не соответствующей этому принципу мера, состоявшая в упразднении института усыновления. Исследователи, комментируя отмену усыновления Кодексом 1918 г., отмечают: «Негативное отношение к усыновлению объяснялось главным образом опасением эксплуатации труда беспризорных детей в кулацких и мелко-буржуазных семьях под видом усыновления» [29, с. 36].

Вместе с тем прогрессивным шагом следует признать закрепление в Кодексе 1918 г. разд. IV «Опекуновское право», состоявшего из четырех глав.

По критерию исполняемых функций ст. 188 и 189 Кодекса 1918 г. четко разграничены понятия «опекун» и «попечитель» [14]. Так, опекун, согласно ст. 188 Кодекса 1918 г., охраняет все личные и имущественные интересы подопечных, являясь их законным представителем. На попечителей распространяются правила об опекунах, однако, в соответствии со ст. 189 Кодекса 1918 г., попечительство назначается для совершения

отдельных сделок или уполномочивается на управление имуществом вообще. В отличие от опекуна, попечитель непосредственного участия в сделках не принимает.

Кодекс 1918 г. не определял цели установления опеки и попечительства, очерчивал лишь условный круг задач, возлагаемый на обязанных лиц.

Опека устанавливалась в отношении: 1) несовершеннолетних; 2) душевнобольных (при этом список лиц, над которыми назначена опека в связи с душевной болезнью, публиковался для всеобщего осведомления Народным комиссариатом юстиции); 3) расточителей; 4) лиц, оставление которых без общественного попечения, является для них опасным [12; 14].

Основания назначения опеки и попечительства отличались определенным своеобразием. По словам А.М. Нечаевой, «критерии утраты родительского попечения были весьма специфическими. Опекун назначался, например, и тогда, когда родители, с обывательской точки зрения, хорошо обращающиеся с детьми, дают им воспитание, противоречащее всем началам нового строя, внушают детям вражду и ненависть к советскому строю и к коммунизму, развивают в детях контрреволюционные идеи» [21, с. 287].

Функции по опеке и попечительству возлагались непосредственно на органы опеки и попечительства, которыми являлись опекуновские учреждения, а также на опекунов и попечителей.

В ведении органов социального обеспечения дела об опеке и попечительстве находились вплоть до 1920 г. [6, с. 4]. Однако в связи с принятием постановления СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г. «Об изъятии опеки из ведения Народного комиссариата социального обеспечения» [23], функции по опеке и попечительству были переданы Народному комиссариату просвещения и его местным органам [7, с. 17].

Опека представляла собой обязанность, отказаться от исполнения которой гражданин мог только в случаях, установленных ст. 214 Кодекса 1918 г.: 1) достижение возраста 60 лет; 2) наличие телесного недостатка у опекуна; 3) осуществление родительских прав в отношении более чем четырех детей; 4) исполнение обязанностей опекуна в отношении одного подопечного или группы подопечных.

Опекунами и попечителями, согласно ст. 207–208 Кодекса 1918 г., могли быть совершеннолетние лица, за исключением лиц: 1) лично состоящих под опекой; 2) лишенных в судебном порядке гражданских прав; 3) интересы которых находятся в противоречии с интересами подопечного.

Преимущественным правом быть назначенным опекуном обладали те лица, которых выбрал сам подопечный, достигший 14 лет, либо его

мать или отец. Если же такое лицо не было выбрано, то преимущественным правом обладали близкие родственники подопечного либо супруг подопечного. Кроме того, принимались во внимание личные взаимоотношения между кандидатом в опекуны и нуждающимся в опеке лицом, их место жительства.

Закреплялась норма, в соответствии с содержанием которой обязанности по опеке исполнялись безвозмездно, однако опекун имел право на возмещение из имущества подопечного всех затрат на воспитание, образование и лечение подопечного, поскольку затраты эти не превышают доходов подопечного. Кроме того, ст. 238 Кодекса 1918 г. предусматривала, что за управление имуществом подопечного отдел социального обеспечения мог назначить опекуну вознаграждение, принимая во внимание: 1) чистый доход от имущества подопечного; 2) степень имущественной обеспеченности опекуна; 3) труд, затрачиваемый опекуном на управление имуществом подопечного, т. е. мог применяться оценочный подход при определении размера вознаграждения [14].

Как видно, Кодекс 1918 г. закрепил весьма прогрессивную новеллу, так как дореволюционному законодательству не был знаком оценочный подход при определении качества труда опекуна [14].

Опекун обязан был представлять общий отчет по окончании опеки, а также ежегодный письменный отчет об управлении имуществом подопечного не позже 15 января нового года (ст. 237 Кодекса 1918 г.) в случае, если доходы с этого имущества превышали прожиточный минимум, установленный для данной местности [14].

Таким образом, законодательством раннего советского периода был закреплен принцип общественного воспитания детей. Однако практика применения норм об опеке и попечительстве, сложные процессы в обществе, обусловленные Гражданской войной, и наличие других неразрешенных проблем, повлекли сокращение сети имевшихся детских домов к 1921–1922 гг. и увеличение числа детей, нуждавшихся в опеке. В это время результатом работы органов опеки и попечительства стало установление наличия как детской беспризорности, так и значительного числа граждан, желавших взять детей на воспитание в свои семьи [9, с. 5; 10, с. 18].

В основу Конституции БССР 1919 г. была заложена норма Конституции РСФСР 1918 г., которая не содержала норм о праве ребенка на проживание в семье, а регламентировала общие вопросы конструкции советской власти.

Изменение социально-экономических условий, в которых принимался Кодекс 1918 г. [14], а также необходимость совершенствования

семейного законодательства и практики применения его норм послужили основаниями для разработки и принятия Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. [16], установившего общесоюзные начала в области семейных отношений. Положения данного кодекса были положены в основу Кодекса БССР 1927 г. [15].

В названных кодексах устанавливалась ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей, развивались нормы о лишении родительских прав как семейно-правовой санкции, детализировалось правовое регулирование опеки и попечительства.

Многие положения Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. [16] и Кодекса БССР 1927 г. [15] различались. В частности, белорусским кодексом не была воспринята норма об уравнивании фактических брачных отношений с зарегистрированными браками.

Последующее развитие законодательства о браке и семье характеризуется смещением вектора в сторону усиления ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей субъектами семейных правоотношений.

Органами опеки и попечительства являлись местные исполнительные и распорядительные органы, возлагающие функции по опеке в отношении: 1) несовершеннолетних – на отделы народного образования; 2) слабоумных и душевнобольных – на отделы здравоохранения; 3) остальных категорий опекаемых – на отделы социального обеспечения.

Кодекс БССР 1927 г. [15] определил цели установления опеки и попечительства, а именно: 1) защита (личности недееспособного, его законных прав и интересов); 2) охрана (имущества).

Опека по Кодексу БССР 1927 г. устанавливалась:

над несовершеннолетними до 14 лет. Однако в 1964 г., после внесения изменений и дополнений в гражданское законодательство, изменился указанный возраст и опека устанавливалась над несовершеннолетними до 15 лет;

лицами, признанными слабоумными или душевнобольными; имуществом безвестно отсутствующих или умерших.

Попечительство устанавливалось в отношении: 1) несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет (после изменений 1964 г. – от 15 до 18 лет) [6, с. 13; 15]; 2) лиц, которые по своему физическому состоянию не могли самостоятельно защищать свои права.

При выборе опекуна и попечителя учитывались личные свойства кандидата, способность к выполнению опекунских обязанностей, желание лица, подлежащего опеке, и отношения между ним и кандидатом.

Обязанности по опеке и попечительству возлагались: 1) на лиц из числа близких подопечного; 2) лиц, выделенных для этого обществен-

ной организацией; 3) иных лиц, при отсутствии близких, а также лиц, выделенных общественной организацией.

Опекунами не могли быть назначены: 1) монахи и духовные служители религиозных культов; 2) служащие и агенты бывшей полиции; 3) душевнобольные или умалишенные; 4) осужденные за корыстные и порочащие преступления; 5) лишенные родительских прав; 6) лица, находящиеся во вражде с подопечным; 7) несовершеннолетние; 8) должники и кредиторы подопечного.

Ранним советским законодательством предусматривалась уголовная ответственность в отношении опекуна или попечителя, использовавших опеку или попечительство в корыстных целях [19, с. 5].

Отказ от назначения гражданина опекуном или попечителем по общему правилу не допускался, однако в силу исключительных оснований от назначения опеки могли отказаться лица: 1) достигшие возраста 60 лет; 2) не способные к осуществлению функций по опеке и попечительству в силу болезни, имущественного положения или занимаемой должности; 3) имеющие на воспитании двух и более детей; 4) матери, кормящие грудью и имеющие детей в возрасте до 8 лет; 5) исполняющие функции по опеке и попечительству.

Вместе с тем по ходу принятия мер, направленных на ликвидацию детской беспризорности, и достижению некоторого улучшения в этом направлении, практика стала исходить из добровольного волеизъявления опекуна и согласия выполнять возложенные на него обязанности.

Согласно Кодексу БССР 1927 г. исполнение опекуном и попечителем своих функций осуществлялось на безвозмездной основе. Однако при наличии имущества, приносящего доход и состоящего в ведении органов опеки и попечительства, опекуну или попечителю могло быть назначено вознаграждение в размере не выше 10 % от извлекаемого из имущества дохода.

Следует отметить, что Кодексом БССР 1927 г. [15] рассматривались категория «имущество подопечного» и категория «доход из имущества подопечного». Это разграничение, например, обнаруживает себя в ст. 82 Кодекса БССР 1927 г. [15], в соответствии с которой «полезные» расходы на содержание подопечного производятся из доходов от его имущества, а при недостаточности или полном их отсутствии – из имущества, разрешение на отчуждение которого следовало получать у органа опеки и попечительства.

Существенными и прогрессивными можно назвать изменения, происшедшие в процедуре назначения опекуна и попечителя. По нормам Кодекса БССР 1927 г. была обозначена компетенция органов опеки и попечи-

тельства, указаны трехдневный срок сообщения о необходимости установления опеки, круг лиц, которые могут сообщать о такой необходимости.

В компетенцию органов опеки и попечительства входили следующие функции: 1) установление опеки или попечительства; 2) прекращение опеки и попечительства; 3) назначение и увольнение опекунов и попечителей; 4) разрешение отчуждения имущества подопечного, залога имущества подопечного; 5) отказ от прав; 6) рассмотрение жалоб, отчетов и вопросов, связанных с воспитанием ребенка.

В соответствии с Кодексом БССР 1927 г. опекун мог совершать все сделки, которые мог бы совершить подопечный, если бы обладал дееспособностью, кроме действий, для совершения которых требовалось разрешение органа опеки и попечительства: 1) отчуждения имущества; 2) залога имущества; 3) выдачи векселей и иных долговых обязательств; 4) отказа от наследства по закону или по завещанию; 5) сдачи имущества в долгосрочную аренду (на срок свыше года); 6) прекращения деятельности принадлежащего подопечному предприятия; 7) договоров товарищества [15].

Положительным и направленным на защиту прав ребенка, оставшегося без попечения родителей, представляется закрепление в ст. 90 Кодекса БССР 1927 г. нормы о том, что родителям предоставлялось право выразить в завещании свою волю по вопросу о назначении опекуна или попечителя. На целесообразность существования такой нормы указывает, например, Н.М. Ершова [10, с. 65]. Отметим, что в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. [16] такой нормы не было. Однако она присутствовала в содержании Кодекса 1918 г. и была перенята из дореволюционного законодательства.

Конституция БССР от 19 февраля 1937 г. [18] в ст. 97 закрепила принцип государственной охраны интересов матери и ребенка.

Согласно ст. 33 Конституции БССР 1978 г. [13] материнство и детство обеспечивались правовой защитой, материальной и моральной поддержкой. Опека и попечительство в это время понимались как «одна из правовых форм защиты личных и имущественных интересов граждан» [31, с. 211].

По словам Н.Г. Юркевича, «опека и попечительство над несовершеннолетними является одним из институтов, с помощью которых реализуется конституционный принцип правовой защиты, материальной и моральной поддержки детства» [17, с. 187].

В КоБС БССР 1969 г., утвержденного 13 июня 1969 г. [24] и опередившего Кодекс о браке и семье РСФСР, утвержденный 30 июля 1969 г. [25], многие нормы института опеки и попечительства получили дальнейшее

развитие. Согласно части первой ст. 140 КоБС БССР 1969 г. цели установления опеки и попечительства были расширены и дополнены целью воспитания подопечных.

В качестве оснований назначения опеки и попечительства предусматривались: 1) смерть, объявление умершим или признание безвестно отсутствующим родителя; 2) болезнь родителей; 3) лишение родительских прав либо уклонение от обязанностей по воспитанию ребенка [1, с. 93; 2, с. 388]; 4) временное отсутствие родителей; 5) другие причины, следствием которых явилась утрата родительского попечения.

По словам С.Я. Паласиной, «впервые в истории советских конституций» основополагающие нормы о государственной помощи семье, об охране материнства, о правах и обязанностях супругов, родителей и детей были закреплены в Конституции СССР 1977 г. Однако принцип государственной охраны интересов матери и ребенка был закреплен в ст. 97 Конституции БССР от 19 февраля 1937 г. Часто встречаются такие примеры в советских кодифицированных источниках разных союзных республик. В частности, автор действующего в Украине Семейного кодекса профессор Зорислава Васильевна Ромовская отмечает, что «в Кодексе о браке и семье УССР имеется специальная статья “Органы опеки и попечительства”, однако перечень этих органов в ней, к сожалению, отсутствует» [30, с. 29]. В то же время, в соответствии со ст. 141 КоБС БССР 1969 г., органы опеки и попечительства были прямо определены: ими являлись местные органы власти.

В соответствии со ст. 142 КоБС БССР 1969 г. опека устанавливалась над детьми, не достигшими 15 лет, и недееспособными. Согласно ст. 143 КоБС БССР 1969 г. [24] попечительство устанавливалось над несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет; над недееспособными совершеннолетними лицами, если они по состоянию здоровья не могли самостоятельно осуществлять свои права и выполнять свои обязанности; и над лицами, ограниченными судом в дееспособности.

При этом, как отмечают исследователи, опекун заменяет родителя, но не приравнивается к нему по статусу [11, с. 187]. Родители признавались «естественными опекунами» и «естественными попечителями», вследствие чего считалось возможным установление опеки и попечительства лишь над детьми, оставшимися без попечения родителей [11, с. 189].

Опекуны в отношении несовершеннолетних до 15 лет совершали все сделки, за исключением мелких бытовых, самостоятельное совершение которых несовершеннолетними допускалось в соответствии со ст. 13 Гражданского кодекса БССР от 11 июня 1964 г. [5]. Попечители оказывали содействие подопечным при осуществлении ими своих прав

и выполнении обязанностей, а также охраняли их от злоупотреблений третьих лиц.

Опекун и попечитель могли быть назначены только с их согласия и не позднее месячного срока с момента, когда органам опеки и попечительства стало известно о необходимости установления опеки и попечительства.

Согласно ст. 154 КоБС БССР 1969 г. [24] при выборе опекуна или попечителя должны быть приняты во внимание его личные качества, способность к выполнению обязанностей по опеке, отношения, существующие между ним и лицом, нуждающимся в опеке или попечительстве, а также, если это возможно, желание подопечного.

К критериям выбора опекуна и попечителя Н.Г. Юркевич относит: 1) интересы подопечного; 2) жилищно-бытовые условия; 3) идейно-нравственный облик кандидата в опекуны и попечители; 4) нравственные качества и состояние здоровья членов семьи опекуна и попечителя; 5) семейную нравственно-психологическую атмосферу в семье опекуна и попечителя; 6) оптимальную разницу в возрасте опекуна или попечителя и подопечного, которая обычна для родителей и детей; 7) опыт и личные качества опекуна или попечителя; 8) доверие и взаимопонимание между опекуном и попечителем [17, с. 195].

Согласно ст. 155 КоБС БССР 1969 г. [24] не могли быть назначены опекунами и попечителями лица в связи с объективными причинами (несовершеннолетние, недееспособные или ограниченно дееспособные), а также лица, которые дискредитировали себя ненадлежащим исполнением обязанностей, связанных с воспитанием детей.

В соответствии со ст. 159 КоБС БССР 1969 г. устанавливалось правило о безвозмездности выполнения опекуном и попечителем своих обязанностей [24], что следует из понимания опеки и попечительства как морального долга перед подопечным и обществом [11, с. 198], кроме того, в ст. 168 КоБС БССР 1969 г. прямо указано, что опекуны и попечители не обязаны содержать подопечных. В то же время ст. 168 КоБС БССР 1969 г. предусматривала возможность возмещения из средств подопечного тех расходов, произведенных за счет собственных средств опекуна или попечителя, которые были перерасходованы на содержание подопечного [24].

Основаниями прекращения опеки и попечительства служили:

- 1) освобождение опекунов и попечителей;
- 2) отстранение опекунов и попечителей как форма осуждения;
- 3) прекращение опеки в связи с достижением подопечным определенного 15-летнего возраста;

4) прекращение попечительства в связи с достижением подопечным определенного 18-летнего возраста или в связи со снижением брачного возраста.

Правовое регулирование отношений по опеке и попечительству над несовершеннолетними по нормам советского законодательства не было статичным и характеризовалось динамикой развития: от принципа приоритета общественного воспитания детей до принципа приоритета семейного воспитания детей.

По словам В.М. Волохатовой, система общественного воспитания в советский период не могла быть признана удовлетворительной, так как вела к отставанию психического и личностного развития воспитанников вследствие отсутствия соответствующей природе ребенка организации социальной жизни в учреждениях указанного типа [4, с. 18].

В начале 1980 гг. в Беларуси начался процесс постепенного переосмысления значения семьи в социализации детей, особенно ясельного возраста, «...соединение принципа гуманности, принятого в обществе 80-х гг., с традициями семьи...» [4, с. 18].

В начале 80-х гг. XX в. в Беларуси начинается процесс постепенного переосмысления значения семьи в социализации детей, особенно ясельного возраста. «За восемь лет почти на 40 % уменьшаются поступления в Дома ребёнка, в которых дети находятся до 3 лет» [26, с. 115]. Особенно разительные изменения происходят в 90-е гг., когда государство расширило «...возможности воспитания маленьких детей в семье» [26, с. 115].

С принятием Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь (27 июля 1990 г.) связывается начало современного периода в периодизации правового регулирования отношений по опеке и попечительству над несовершеннолетними, который продолжается и в настоящее время.

Список использованных источников

1. Андрияшко, М.В. К вопросу об общении (свиданиях) детей с родителями, лишенными родительских прав / М.В. Андрияшко // Научные стремления – 2010 : материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 1–3 нояб. 2010 г. / редкол.: В.В. Казбанов [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларус. наука, 2010. – С. 93–96.

2. Андрияшко, М.В. Правовое регулирование института опеки и попечительства нормами статутного права / М.В. Андрияшко // Источники частного и публичного права : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Тамбов, 18 февр. 2011 г. / отв. ред. Р.В. Пузиков ; М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Тамбов : Бизнес-Наука-Общество, 2011. – С. 40–47.

3. Бранденбургский, Я.Н. Брак и его правовые последствия / Я.Н. Бранденбургский. – М. : Нар. комиссариат юстиции РСФСР, 1926. – 37 с.

4. Волохатова, В.М. Сиротские учреждения советской России: история становления и проблемы функционирования : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / В.М. Волохатова ; Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – М., 2005. – 21 с.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 11 июня 1964 г. // Собр. законов Белорус. ССР, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений Совета Министров Белорус. ССР. – 1964. – № 17. – Ст. 183.

6. Гутцайт, Д.И. Опека и попечительство, осуществляемые органами социального обеспечения: с извлечениями из действующих законов и приложениями инструкций и циркуляров НКССО и форм делопроизводства / Д.И. Гутцайт, С.А. Зилов. – М. : Изд-во Нар. комиссариата соц. обеспечения : Центр. тип. Нар. комиссариата по воен. и мор. делам, 1929. – 52 с.

7. Даневский, П. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России / П. Даневский. – СПб. : Тип. И. Фишова, 1857. – 79 с.

8. Декреты советской власти : сборник : в 18 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1 : 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. / подгот.: С.Н. Валк [и др.] ; ред. комис.: Г.Д. Обичкин [и др.]. – 626 с.

9. Ершова, Н.М. Опека и попечительство над несовершеннолетними по советскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.М. Ершова ; Акад. наук СССР, Ин-т права. – М. : [б. и.], 1957. – 16 с.

10. Ершова, Н.М. Охрана прав несовершеннолетних по советскому гражданскому и семейному праву / Н.М. Ершова ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Юрид. лит., 1965. – 102 с.

11. Захарцев, С.Н. Советское право в годы нэпа (1921–1929 гг.) : учеб. пособие / С.Н. Захарцев ; Тамб. гос. техн. ун-т ; под ред. С.А. Есикова. – Тамбов : ТГТУ, 2004. – 78 с.

12. Инструкция по ведению записей актов гражданского состояния в сельсоветах Белорусской Социалистической Советской Республики и Выписка из Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, опубликованного в Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, 22 окт. 1918 г., № 76–77. – Мозырь : [б. и.], 1918. – 12 с.

13. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі : прынята на нечарговай дзявятай сес. Вярхоўн. Савета БССР дзявятага склікання 14 крас. 1978 г. – Мінск : Беларусь, 1978. – 61 с.

14. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1918. – № 76/77. – Ст. 818.

15. Кодекс законов о браке, семье и опеке : Кодекс Белорус. ССР, 27 янв. 1927 г. // Збор законаў і загадаў Рабоча-Сялян. Урада Беларус. ССР. – 1927. – Отд. 1. – № 7. – Ст. 26.

16. Кодекс законов о браке, семье и опеке : постановление Всерос. центр. исполн. ком., принятое на 3 сес. XII созыва, 19 нояб. 1926 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1926. – Отд. 1. – № 82. – Ст. 612.
17. Комментарий к Кодексу о браке и семье Белорусской ССР / С.И. Булова [и др.] ; под ред. Н.Г. Юркевича. – Минск : Университетское, 1990. – 287 с.
18. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск : Белпартиздат Центр. ком. КП(б)Б, 1937. – 32 с.
19. Ленский, Л.М. Защита несовершеннолетних в советском суде / Л.М. Ленский ; под ред. И.Т. Голякова / Моск. гор. коллегия адвокатов. – М. : Моск. рабочий, 1949. – 80 с.
20. Матвеев, Г.К. Советское семейное право : учеб. для вузов / Г.К. Матвеев. – М. : Юрид. лит., 1985. – 208 с.
21. Нечаева, А.М. Семейное право : курс лекций / А.М. Нечаева ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 318 с.
22. Нижник, Н.С. Институционализация отношений в сфере семьи и брака в условиях становления правовой системы республики советского типа / Н.С. Нижник // Актуальні проблеми юридичної науки : зб. тез. Міжнар. наук. конф., Хмельницький, 13–14 листоп. 2009 р. : у 4 ч. / Хмельниц. нац. ун-т упр. та права. – Хмельницький, 2009. – Ч. 3 : Цивільне право. Сімейне право. Міжнародне приватне право. Комерційне право. Цивільний, господарський та адміністративний процес. – С. 245–249.
23. Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата Социального Обеспечения : постановление СНК РСФСР, 2 дек. 1920 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1920. – № 93. – Ст. 506.
24. Об утверждении Кодекса о браке и семье БССР : Закон Респ. Беларусь, 13 июня 1969 г. // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета Беларус. ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Беларус. ССР. – 1969. – № 17. – Ст. 278.
25. Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР : Закон РСФСР, 30 июля 1969 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1086.
26. Осипова, О.С. Социогенетическая функция семьи и стабильность общества / О.С. Осипова // Адукацыя і выхаванне. – 1996. – № 4. – С. 112–119.
27. Пергамент, А.И. Опека и попечительство / А.И. Пергамент. – М. : Юрид. лит., 1966. – 161 с.
28. Полянский, П.Л. Личные права и обязанности супругов в советском семейном праве / П.Л. Полянский // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11, Право. – 2006. – № 5. – С. 49–81.
29. Рабинович, А.С. Опека и попечительство по действующему русскому законодательству / А.С. Рабинович. – М. : Тип. В.М. Саблина, 1913. – 320 с.
30. Ромовская, З.В. Защита в советском семейном праве / З.В. Ромовская. – Львов : Вища шк., 1985. – 180 с.
31. Юридический энциклопедический словарь : ок. 1000 ст. / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М. : Совет. энцикл., 1984. – 415 с.

УДК 351.74(09)

А.И. Мурашко, С.В. Король

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕТОДОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ДВИЖЕНИЮ

1917 г. для Российской империи стал одним из наиболее значимых на этапе ее исторического развития. Бесконечно вспыхивающие революционные движения в Российской империи серьезно усугубляли общую нестабильную ситуацию в стране, приводили к народным волнениям и кризису. Важно учитывать, что революционные движения происходили и до 1917 г. и наносили серьезный ущерб Российской империи. Властям необходимо было принимать меры к восстановлению порядка. Практически с самого начала революционного движения в Российской империи с ними всячески боролись сотрудники правоохранительных органов, прибегая к самым необычным, но в то же время действенным методам.

На сегодня научная тема, связанная с использованием сотрудниками правоохранительных органов методов оперативно-розыскной деятельности в противодействии революционному движению, является достаточно актуальной. Исторический опыт использования методов оперативно-розыскной деятельности в борьбе с различными формами антигосударственных проявлений, в том числе и революционных, будет полезен и для современных правоохранительных органов.

6 августа 1880 г. в Российской империи образовалось новое учреждение – Департамент государственной полиции, ставший высшим органом политической полиции. Департаменту были переданы дела упраздненного Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Причины, по которым царское правительство пошло на этот шаг, крылись в социально-политической нестабильности общества и нарастающей активности революционных движений [1, с. 12]. На созданный государственный орган возлагались обязанности по противодействию революционному движению в Российской империи.

Одним из наиболее эффективных методов борьбы с революционным движением в Российской империи был политический сыск (политический розыск), который проводился специальными уполномоченными правоохранительными органами.

Политический сыск – это специальные оперативно-розыскные мероприятия непроцессуального характера, проводимые уполномоченными на то особыми государственными органами по установлению неизвест-

ных или скрывшихся государственных преступников [2, с. 27]. Таким образом, политический сыск – это преследование за преступления против государства, к которым в обязательном порядке относилась революционная деятельность.

По мнению российского ученого, доктора юридических наук С.Н. Жарова, задачами политического сыска в Российской империи были «борьба с революционным движением, охрана существующего государственного строя, разрушение злодейских замыслов и посягательств на Священную Особу Государя Императора и лиц Императорской Фамилии, а также высших правительственных лиц» [3, с. 33].

Особо эффективными методами ведения политического сыска в Российской империи, которые в действительности противостояли революционному движению, были:

- перлюстрация;
- наружное наблюдение;
- внутреннее наблюдение (агентурная работа).

Одним из немаловажных методов борьбы политической полиции с революционным движением была перлюстрация. Перлюстрация – это тайное вскрытие частной корреспонденции, копирование письма или его части [1, с. 34]. Она была важной частью розыскной деятельности полиции и служила основным источником информации о деятельности революционных организаций, настроениях среди населения, в различных общественных и политических кругах.

В 1880 г. на территории России учреждаются семь перлюстрационных пунктов: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, Варшаве. Впоследствии такие пункты открывались и в других городах: Вильно, Риге, Томске, Нижнем Новгороде, Казани. Однако просуществовали они недолго.

Чаще всего перлюстрационные пункты были на почтамтах при отделах цензуры. Места, где проводилась перлюстрация, стали называть «черными кабинетами». Стоит отметить, что этот метод борьбы с революционным движением был незаконным, поэтому долгое время держался российской властью в строжайшем секрете. Именно поэтому никаких указов, правил и циркуляров по ведению данной работы в Российской империи не создавалось.

Просмотренные письма запечатывались, а с оборотной стороны в одном из уголков делалась точка – условный знак (мушка), чтобы это письмо не подвергалось вторичной перлюстрации. Материалы перлюстрации направлялись в Департамент полиции, где с ними велась дальнейшая работа в виде расшифровки, ксерокопии, анализа и т. д.

Тематика перлюстрированных писем была очень разной. В письмах революционеров, чиновников, различных политиков и общественных деятелей можно увидеть характеристику эпохи, отношение различных слоев общества к тем или иным мероприятиям правительства, событиям политической жизни. Диапазон мнений, отраженных в письмах, очень широк. Основная масса перлюстрированных писем касалась вопросов рабочего, профессионального, крестьянского, студенческого движения на различных этапах, положения в городе и деревне, настроений в армии и на флоте. Большое количество документов связано с деятельностью различных революционных партий и организаций, перепиской их с центром, получением директив центра, информацией о положении на местах, партийной печатью и ее распространением [1, с. 41–42].

Сведения, которые были получены в результате перлюстрации, не только позволяли полиции предупреждать деятельность революционеров, пресекая подготавливаемые террористические акты (путем арестов, уничтожения типографий, выявления конспиративных квартир, мест хранения динамита и мн. др.), но и служили источником определения настроений в обществе.

Еще одним методом противодействия революционному движению в России являлось наружное наблюдение.

Наружное (филерское) наблюдение означало слежку за неблагонадежным лицом специально обученными агентами, которые действовали по особому заданию.

В 1894 г. при Московском охранном отделении был создан Летучий отряд филеров. Управлял им лучший московский филер Е.П. Медников, уроженец Ярославской губернии Рыбинского уезда, ставший позднее одним из самых знаменитых сыщиков Российской империи по политическим делам [4, с. 171]. Данный отряд был создан с целью борьбы с «неблагонадежными элементами» и тайными организациями. В 1911 г. Летучий отряд был переименован в Центральный филерский отряд. Он действовал на всей территории России и даже за границей – в Швейцарии, Италии и Франции. В последующем филерские структуры были созданы в розыскных и охранных отделениях.

В октябре 1902 г. была разработана Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений. Она содержала 21 пункт, в каждом из которых находились сведения о том, кто должен привлекаться в «летучие» отряды, что они должны знать, уметь и делать. Например, в параграфе 1 отмечалось: «одним из средств негласного расследования является наружное наблюдение за лицами, прикосновенными к революционному движению, для каковой цели назначаются

особые лица (филеры)» [5, с. 115]. Авторами данной инструкции были заведующий Особым отделом Департамента полиции С.В. Зубатов и Е.П. Медников. Ею пользовались вплоть до 1907 г., затем она была заменена двумя новыми инструкциями. В 1907 г. были изданы Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения, а также Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения [5, с. 118].

Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения 1907 г. более детально регламентировала порядок отбора филеров, их деятельность и правила осуществления наблюдения. В отличие от своей предшественницы, Инструкция по организации наружного наблюдения 1907 г. состояла из 75 параграфов.

Инструкции предъявляли следующие требования к агентам-филерам: «Филер должен быть политически и нравственно благонадежен, твердый в своих убеждениях, честный, смелый, трезвый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу...» [5, с. 120]. Филер был полезен для службы только тогда, когда его мало знают в лицо и не знают его профессии, поэтому филер должен был держать себя конспиративно, избегать знакомства, в особенности в месте его проживания.

Основным методом работы филеров было наружное наблюдение, т. е. наблюдение за определенным лицом без прямого контакта с ним и без внедрения филера в его окружение.

В соответствии с п. 10 Инструкции наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей (знакомства) и сношений. Вследствие этого недостаточно «водить» одно данное лицо, а надлежит выяснять лиц, с которыми оно видится и чьи квартиры посещает, а также и связи последних. Филеры не должны были знать лиц, состоящих секретными агентами, и наоборот [5, с. 123].

При осуществлении наблюдения филерам рекомендовалось действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, ходить незаметно, тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться. В ожидании выхода наблюдаемого лица филеру рекомендовалось становиться на таком расстоянии от места выхода, чтобы только его видеть (насколько хватает зрения) с тем, чтобы по выходе безошибочно определить по приметам данное для наблюдения лицо. Позиция филера должна быть по возможности закрыта, т. е. чтобы филер не бросался в глаза наблюдаемому лицу. Для этого для прикрытия необходимо пользоваться

калитками, углублениями в воротах, бульварами, скверами, парадными ходами, общественными и публичными зданиями и т. д. Удобными местами прикрытия являются находящиеся по близости трактир или чайная, пивная, кофейная и тому подобные заведения, где, усевшись у окна, из которого видно место выхода, можно спокойно ожидать наблюдаемого [5, с. 126].

К началу XX в. одного наружного наблюдения для обнаружения и ликвидации революционных организаций в период рабочих стачек и волнений студенчества стало недостаточно. Возрос опыт борьбы и конспирации революционных организаций. В условиях активизации революционных сил старые методы уже не срабатывали, необходимо было разрабатывать новые наиболее эффективные методы противодействия революционному движению. Филерское наблюдение давало лишь внешние факты, не освещая внутренней жизни нелегальных организаций. Для достижения последних целей правоохранительные органы стали использовать внутреннее агентурное наблюдение.

Правовой основой для осуществления агентурной работы являлась Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях, утвержденная в 1907 г., и аналогичная инструкция 1914 г.

Руководство политическим розыском, в том числе внутренней агентурой, требовало высокой квалификации офицеров правоохранительных органов. Поэтому осуществлялась постоянная подготовка офицеров при переводе в Отдельный корпус жандармов на курсах при Штабе корпуса и самообразование во время службы. Подготовка внутренней агентуры сводилась к тщательному и поэтапному обучению конспирации и выработке направлений розыска. При этом конспиративные приемы были едины и регламентировались нормативными актами, а способы руководства агентами разрабатывались каждым офицером и составляли его личную тайну [3, с. 43].

Секретные агенты приобретались различными способами. Как правило, вербовались секретные агенты среди лиц арестованных по политическим преступлениям. Сотрудникам правоохранительных органов, осуществлявшим агентурную работу, рекомендовалось, используя слабые стороны арестованных (слабохарактерность, недостаточную убежденность в революционных идеях, имеющих обиду на организацию, склонность к легкой наживе и т. п.), склонять их путем убеждения на свою сторону и в дальнейшем использовать в качестве секретного агента. Такие секретные агенты признавались наилучшими. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, рекомендовалось также при-

обретать секретных агентов и из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском [5, с. 99].

Инструкции детально регламентировали методы работы с секретными агентами (применение различных видов стимулирования и материального вознаграждения агентов, пределы посвящения агента в цели розыска, организация встреч с агентом, соблюдение конспирации и тайны информации о секретном агенте, способы разрыва взаимоотношений, способы реализации полученной секретной информации без ущерба для агента и др.). Так, например, расставаясь с секретным агентом, сотрудникам рекомендовалось не обострять с ним личных отношений и вместе с тем не ставить его в такое положение, в котором он в дальнейшем мог бы эксплуатировать лицо, ведущее розыск, неприемлемыми требованиями. При этом сведения о секретных агентах, зарекомендовавших себя с отрицательной стороны должны были незамедлительно передаваться в Департамент полиции и другие правоохранительные органы, занимающиеся розыскной работой [5, с. 103, 106].

Наиболее ценными были секретные агенты, которые являлись членами одной из революционных организаций, сведения о которых они предоставляли, или тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых партий. В этом случае считалось, что сведения, полученные такими агентами, будут достоверны и ценны.

Членство секретного агента в одной из революционных партий являлось гарантом отсутствия к нему всякого рода подозрений. Находясь в определенной партии, агент, занимающийся внутренним наблюдением, мог спокойно и без лишних подозрений вникнуть в дела партии, жизнь того или иного нужного ему человека, разведать более подробную информацию по конкретному вопросу.

Секретным агентам запрещалось заниматься провокациями, которые каким-либо образом могли спровоцировать преступление. «Состоя членами революционных организаций, секретные агенты ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокачеством», т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли. Хотя для сохранения своего положения в организациях сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них обществами, но в таких случаях они должны каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой, и уклоняться, во всяком случае, от участия в предприятиях, угрожающих серьезно опасностью» [5, с. 98].

В то же время Инструкция обращала внимание лиц, осуществлявших агентурную работу на то, что они должны были уметь отличать

«сотрудничество» от «провокачества»: «Лица, владеющие розыском, должны твердо помнить, что «сотрудничество» от «провокачества» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Искусство ведения политического розыска и состоит в умении не переходить эту черту. Достигается это только, безусловно, честным отношением к делу и пониманием целей розыска» [5, с. 96].

Секретные агенты могли быть как постоянными, так и «разовыми». При этом сведения, поступающие от «разовых» или постоянных агентов, не воспринимались одинаково, хотя и те и другие подлежали полной проверке. Больше предпочтение отдавалось именно постоянным, проверенным агентам внутреннего наблюдения.

Секретные агенты ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою «провал» обоих и даже убийство одного из них. Не должны были посвящаться они и в сведения, даваемые другими агентами. С особою осторожностью следовало относиться вообще к ознакомлению агента с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения. При сношениях с агентом рекомендовалось получать от него все необходимое и, по возможности, не разоблачать перед ним ничего. В противном случае лицо, ведущее агентуру, быстро могло оказаться в руках агента, из коих очень многие склонны вести двойную игру, а в случае разрыва отношений с ними, розыскному делу и лицам, ведущим его, будет всегда угрожать крайняя опасность [5, с. 101].

Сведения, даваемые секретными агентами, должны были храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне и обязательно проверяться, если имелась такая возможность, наружным наблюдением. Не рекомендовалось заставлять агента форсировано добывать сведения, так как это часто приводило к провалам.

Производя ликвидацию революционной организации, не следовало арестовывать всех, окружающих агента, лиц, оставляя его одного на свободе. При аресте рекомендовалось оставлять на свободе еще несколько лиц, более близких к секретному агенту и менее вредных, или дать ему возможность заранее уехать по делам, или, в крайнем случае, арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улики. О предстоящем аресте агента всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест агента допустим лишь в случаях неустранимой необходимости. После ликвидации революционной организации необходимо дать агенту возможность на время прекратить активные сношения с товарищами [5, с. 101–102].

Одним из интереснейших примеров агентурной работы является деятельность Е. Азефа. Российский революционер-провокатор, ру-

ководитель и одновременно агент Департамента полиции в партии социалистов-революционеров. По заданию С.В. Зубатова в 1899 г. вступил в союз социалистов-революционеров. Вместе с Г.А. Гершуни объединил отдельные организации эсеров, став одним из лидеров партии, после чего Гершуни был в 1903 г. арестован, а Азеф остался центральной фигурой и возглавил Боевую организацию эсеров, осуществлявшую террористические акты. Азеф активно продвигал террор, одновременно как агент полиции предотвращал некоторые террористические акты (покушение на министра внутренних дел И.Н. Дурново, царя Николая II). Информировал Департамент полиции о деятельности ЦК ПСР и некоторых эсеров-боевиков. Одновременно организовал более 30 террористических актов, осуществил убийства видных представителей царского государственного аппарата. Во избежание раскрытия действовал по следующей схеме. Часть терактов он готовил в тайне от Департамента полиции с таким расчетом, чтобы они удались. О других терактах он своевременно сообщал в Департамент, и они, соответственно, проваливались. Благодаря этой схеме Азефа считали «своим» одновременно революционеры и полиция. Каждый раз, когда его пытались разоблачить, кто-нибудь из революционеров доказывал, что человек, совершивший столько много успешных террористических акций, не может быть агентом охранки [7].

Еще одним секретным агентом был Р.В. Малиновский, активный участник рабочего движения, член РСДРП. В 1910 г. Малиновский стал секретным агентом Департамента полиции. В 1912 г. с помощью Департамента полиции был избран депутатом 4-й Государственной думы от рабочей курии Московской губернии, а в 1913 г. возглавил фракцию большевиков в Государственной думе. Являлся членом Центрального комитета партии большевиков. Имея такого секретного сотрудника, Департамент полиции получал ценные сведения о происходящем в партии большевиков, которые в дальнейшем использовались в борьбе с революционным движением [8].

В конце XIX – начале XX вв. оперативной разработкой Гомельского комитета социал-демократической организации занимались жандармы Могилевского губернского жандармского управления. Они завербовали секретного агента – железнодорожника, который являлся активным членом комитета и получал за свою работу 10 р. в месяц. В течение 1899–1902 гг. сотрудники жандармского управления полностью контролировали развитие социал-демократического движения в Гомеле. На основании информации секретного агента пресекали основные мероприятия организации, направленные на подрыв основ государственного строя.

«...Деятельность сотрудника заслуживает полного одобрения и указывает, что Вами был сделан очень удачный выбор, из чего следует, что его надо беречь как зеницу ока», – писал заведующий Особым отделом Департамента полиции Л.А. Ратаев начальнику Могилевского губернского жандармского управления А.А. Власьеву о секретном агенте [6, с. 53].

Стоит отметить, что именно внутреннее наблюдение, которое выполнялось исключительно секретными агентами, давало положительные результаты в противодействии революционному движению.

С ростом революционной эмиграции и с созданием колоний русских революционеров за рубежом органы политического сыска решают проводить наблюдение за деятельностью российских революционеров в странах Европы и США. Создается заграничная агентура.

Заграничная агентура – специально созданная структура в органах политического сыска, задачей которой было разведывание на территории иностранных государств необходимой информации о любых революционных движениях в Российской империи.

Надо отметить, что до 1884 г. основным средством получения необходимых сведений было наружное наблюдение. В 1884 г. руководителем заграничной агентуры был назначен П.И. Рачковский, который продолжил развитие филерского наблюдения, поставил внутреннее наблюдение, постепенно вербуя секретных агентов из эмигрантов. Внедрив в их среду своих людей, он получал важную секретную информацию, которая в дальнейшем реализовывалась в Российской империи [1, с. 28–29].

В 1911 г. в Российской империи создаются первые контрразведывательные отделения, которые включаются в антиреволюционную деятельность. Эта служба должна была пресекать любые виды деятельности, «угрожающие военной безопасности империи» [9, с. 9]. Стоит отметить, что методы контрразведки в борьбе против революционного движения были разными. При решении своих специфических вопросов контрразведчики обращались за интересующими их сведениями к жандармам губернских управлений. Чаще всего контрразведке требовалась информация о составе семьи военного, который подозревался в революционной деятельности и сотрудничестве с противником, а также девичьи фамилии жен подозреваемых, их социальный статус, благонадежность [10, с. 24]. В 1914 г. контрразведкой у граждан было изъято большое количество огнестрельного оружия, которое могло быть использовано революционерами для достижения своих антигосударственных целей. В 1915 г. контрразведка начала активно бороться с политической пропагандой, рабочим движением.

С началом массовой мобилизации подданных Российской империи в армию правоохранительные органы используют методы оперативно-

розыскной деятельности для выявления революционно настроенных призывников, революционеров-агитаторов среди солдат.

За время 1900–1917 гг. эффективность оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов не была одинаковой. В этот период какие-то ее методы не применялись, а какие-то возобновлялись вновь. Так, В.Ф. Джунковский, будучи заместителем министра внутренних дел, начальником Отдельного корпуса жандармов, ликвидировал агентурную работу в армии и на флоте, среди учащихся учебных заведений, что негативно сказалось на антиреволюционной деятельности среди солдат, офицеров и молодежи. После его отставки сыск начал возрождаться и секретная агентура начала вновь приносить пользу в борьбе с революционным движением. Однако эффективность секретной агентуры в полном ее проявлении так и не была возрождена до самого распада Российской империи.

Таким образом, в Российской империи правоохранительными органами активно использовались различные методы оперативно-розыскной деятельности для противодействия революционному движению. Среди них выделялись перлюстрация, наружное и внутреннее наблюдение. Все указанные методы противодействия революционному движению приносили свои положительные результаты, благодаря им пресекалось подавляющее большинство революционных волнений, стачек, террористических актов, правительство информировалось о настроениях в обществе.

Список использованных источников

1. Мойсинович, А.М. Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в. / А.М. Мойсинович ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 88 с.
2. Рассказов, Л.П. Органы политического розыска в Российской империи глазами зарубежных исследователей / Л.П. Рассказов, Я.А. Крутова // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 27–29.
3. Жаров, С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Жаров; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2010. – 57 с.
4. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880–1917) / З.И. Перегудова. – М. : РОССПНЗ, 2000. – 430 с.
5. Щербакова, Е.И. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 г. / Е.И. Щербакова; под ред. Г.А. Бордюгова. – М. : АИРО – XXI; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 384 с.
6. Бухбиндер, Н.А. Еврейское рабочее движение в Гомеле (1890–1905 гг.). По неизданным архивным материалам / Н.А. Бухбиндер // Крас. летопись. – 1922. – № 2–3. – С. 38–102.

7. Азеф, Е. Российский революционер-provokator [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/scout/azeff/>. – Дата доступа: 03.01.2018.

8. Малиновский Роман Вацлавович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.info/biograf/bio_m/malinovski_rv.php. – Дата доступа: 08.01.2018.

9. Гронский, А.Д. Политическая полиция Российской империи и ее деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А.Д. Гронский ; БГУ. – Минск, 2003. – 18 с.

10. Падзеі Першай сусветнай вайны ў лёсе Заходняй Беларусі. Зборнік дакладаў : матэрыялы навук.-практ. канф., 25–26 крас. 2014 г. / Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст, 2014. – 110 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Революция 1917 г.: причины, факторы, идейные истоки	3
Павлов В.И. Смысл и истоки революции 1917 г. в творчестве русских мыслителей (Павел Иванович Новгородцев, Николай Александрович Бердяев)	3
Данилов В.А. Системный кризис российской государственности как фактор неизбежности революции 1917 г.	18
Вениосов А.В. Захват и удержание власти большевиками в результате Октябрьской революции 1917 г.	25
Судьбы белорусского государственно-правового строительства в контексте революции 1917 г.	32
Козел А.А. Политическая борьба за национально-государственное самоопределение белорусского народа и русские революции 1917 г.	32
Саракавік І.А. Рэвалюцыя 1917 г. і адносіны Польшчы да беларускай дзяржаўнасці	39
Вішнеўская І.У. Канцэпцыя нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва і шляхі яе рэалізацыі ў БССР	50
Лапанович С.Ф. Создание и деятельность большевистских органов власти на неоккупированной территории белорусских губерний в конце 1917–1918 гг.	55
Сувалаў А.М., Сувалава А.М. Расстаноўка палітычных сіл у Беларусі пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г.	67
Шабельцев С.В. Трансформация этнонима «белорусы» в эмигрантской среде в Аргентине после Октябрьской революции 1917 г.	73
Право в дореволюционной России и в Советском государстве	84
Горбатов Н.А. Об источниках (формах) права в первые годы после октябрьских событий 1917 г.	84
Воропаев Д.А. Учение о праве Е.Б. Пашуканиса	92
Гайдельцов В.С. Оперативно-розыскная теория в контексте формационных перемен (к 100-летию русской революции)	99
Волков В.А. О функционировании судебной системы в дореволюционные годы в Российской империи	103
Григорьева Е.Н. Налоговая реформа советской власти в послереволюционный период	112
Бахур О.И., Примаченок А.А. История уголовного права как отражение опыта построения социалистического государства	116
Деятельность правоохранительных органов в дореволюционной России и в Советском государстве	123
Жмуровский А.С. Государственно-управленческая деятельность А.И. Рыкова: от наркома внутренних дел до председателя советского правительства	123
Мушта А.А. Государственная безопасность и политический сыск в России накануне событий 1917 г.: институты и технологии	128

Вішнеўскі А.Ф. Дзейнасць пракурора А.Я. Вышынскага ў кантэксте ўмацавання савецкага палітыка-прававога рэжыму	134
Григорьев А.В., Касперович Н.С. Реализация принципа революционной законности в деятельности органов охраны общественного порядка	147
Мурашко А.И. Обеспечение общественной безопасности жандармской полицией на объектах железнодорожного транспорта Российской империи в годы Первой мировой войны и революции 1917 г.	152
Григорьев А.В. Организация и деятельность милиции Временного правительства на территории Беларуси (март–октябрь 1917 г.)	158
Андрияшко М.В. Становление и развитие советского законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними	162
Мурашко А.И., Король С.В. Использование сотрудниками правоохранительных органов методов оперативно-розыскной деятельности в противодействии революционному движению	175

Научное издание

**100-ЛЕТИЕ СМЕНЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ:
ОТ МОНАРХИИ
К СОВЕТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ**

Сборник научных трудов

Технический редактор *А.В. Мозалевская*
Корректор *М.С. Прушак*

Подписано в печать 16.01.2019. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,51.
Тираж 50 экз. Заказ 17.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.